

Учредитель

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский

Редакционная коллегия

К.А. Абульханова-Славская

Н.А. Алмаев

Т.Ю. Базаров

В.А. Барабанщиков

А.К. Болотова

А.Н. Гусев

А.Н. Ждан

А.Л. Журавлев

А.В. Карпов

Е.А. Климов

А.Н. Лебедев

Д.А. Леонтьев

Д.В. Люсин

А. Лэнгле

Н.Б. Михайлова

В.Ф. Петренко

А.Н. Подьяков

В.А. Пономаренко

В.М. Розин

И.Н. Семенов

Е.А. Сергиенко

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)

Т.Н. Ушакова

А.М. Черноризов

В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)

Б. Шефер (зам. глав. ред.)

А.Г. Шмелев

С.Р. Яголковский (зам. глав. ред.)

Отв. секретарь *Ю.В. Брицева*

Редактор *О.В. Шапошникова*

Корректурa *Н.С. Самбу*

Переводы на английский

Е.Н. Осина

Компьютерная верстка

Е.А. Валуевой

Адрес редакции:

109316, г. Москва,

Волгоградский пр-т, д. 46Б

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Перепечатка материалов только
по согласованию с редакцией

© НИУ ВШЭ, 2013 г.

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема выпуска:

Психология рефлексии (к 75-летию В.А. Лефевра)

И.Н. Семенов. Современные исследования психологии рефлексии: от истории и методологии через экспериментатику к практике3

В.А. Петровский. Космизм рефлексии Лефевра. Беседа с В.А. Лефевром7

И.Н. Семенов. Методологические проблемы этимологии и типологии рефлексии в психологии и смежных науках24

В.Г. Аникина. Культурно-диалогический подход в психологическом исследовании рефлексии: философско-методологические основания46

А.В. Репецкая, Ю.А. Репецкий. Рефлексивно-личностное самоопределение как формирование готовности к самореализации75

Г.И. Давыдова. Рефлексивно-психологические технологии в развитии профессиональной культурной идентичности менеджеров туризма ...87

Персонология

А.Е. Войскунский, А.С. Евдокименко, Н.Ю. Федунина. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование98

Психодиагностика

С.С. Кургиян. Апробация Опросника самостей122

Позитивная психология

Р.С. Титов. Интернализация религиозности и ее диагностика в теории самодетерминации ...138

Короткие сообщения

Ю.Е. Кравченко. Факторы интенсивности субъективного качества переживания на примере веселья148

Д.В. Люсин. Точность распознавания эмоций при социальной перцепции и при восприятии музыки155

Р.К. Махмутова. Особенности родительских установок матерей с разным уровнем личностной зрелости165

Обзоры и рецензии

А.В. Сидоров-Дорсо. Синестезия естественного развития в рамках теории о способностях: анализ современных исследований173

Резюме выпуска на европейских языках181

Vol. 10, № 2
2013

Publisher

National Research University
«Higher School of Economics»

Editor

V.A. Petrovsky

Editorial Board

K.A. Abulkhanova-Slavskaja

N.A. Almaev

T.Yu. Bazarov

V.A. Barabanschikov

A.K. Bolotova

A.N. Goussev

A.M. Chernorisov

A.V. Karpov

E.A. Klimov

A. Längle

A.N. Lebedev

D.A. Leontjev

D.V. Lyusin

N.B. Michailova

V.F. Petrenko

A.N. Poddiaikov

V.A. Ponomarenko

V.M. Rozin

I.N. Semenov

E.A. Sergienko

V.D. Shadrikov (Vice Editor)

B. Schäfer (Vice Editor)

A.G. Shmelev

D.V. Ushakov (Vice Editor)

T.N. Ushakova

S.R. Yagolkovsky (Vice Editor)

A.N. Zhdan

A.L. Zhuravlev

Managing editor *Yu.V. Briseva*

Copy editing *O.V. Shaposhnikova,*

N.S. Sambu

Translation into English

E.N. Osin

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

Volgogradsky pr., 46B, 109316,

Moscow, Russia.

E-mail: sychology.hse@gmail.com

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© NRU HSE, 2013

PSYCHOLOGY

the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Special Theme of the Issue.

Psychology of Reflection (to the 75th Anniversary of Vladimir A. Lefebvre)

I.N. Semyonov. Contemporary Studies in the Psychology of Reflection: From History and Methodology towards Practice via Experimentation3

V.A. Petrovsky. The cosmism of Lefebvre's reflection. Interview with V.A. Lefebvre7

I.N. Semyonov. Theoretical Problems of Etymology and Typology of Reflection in Psychology and Related Sciences24

V.G. Anikina. A Cultural-Dialogical Approach in Psychological Study of Reflection: Philosophical and Methodological Basis46

A.V. Repetskaya, Yu.A. Repetsky. Reflective Personality Self-Determination as Preparation for Self-Realization75

G.I. Davydova. Reflective Psychological Technologies in the Development of Professional Cultural Identity of Tourism Managers87

Personology

A.E. Voiskunsky, A.S. Evdokimenko, N.Yu. Fedunina. Online and Real-Life Identity: A Comparative Study98

Psychodiagnostics

S.S. Kurginyan. Testing the Selves Questionnaire122

Positive psychology

R.S. Titov. Religiosity Internalization and Assessment within Self-Determination Theory138

Work in Progress

Yu. E. Kravchenko. Determinants of Intensity and Quality of Subjective Experience of Fun148

D.V. Lyusin. Accuracy of Emotion Recognition within Social Perception and Perception of Music155

R.K. Makhmutova. Parental Attitudes in Mothers with Different Level of Personality Maturity165

Reviews

A.V. Sidorov-Dorso. Developmental Synaesthesia within Ability Theory: A Review of Contemporary Research173

Summary of the Issue181

*Специальная тема выпуска:
Психология рефлексии
(к 75-летию В.А. Лефевра)*

Приглашенный редактор — И.Н. Семенов

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ РЕФЛЕКСИИ: ОТ ИСТОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ЧЕРЕЗ ЭКСПЕРИМЕНТАТИКУ К ПРАКТИКЕ

Спецтема этого номера нашего журнала «Психология рефлексии» публикуется в честь 75-летия одного из ее основоположников – Владимира Александровича Лефевра. Важным достижением российской науки является создание во второй половине XX в. такой инновационной области человекознания, как психология рефлексии, которая ныне разрабатывается в научных школах Н.Г. Алексеева, В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, А.В. Карпова, В.Е. Лепского, В.А. Лефевра, В.А. Петовского, И.Н. Семенова, Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова и др. Их авангардность в изучении рефлексии признается зарубежными (Matchaus, 1988) и отечественными психологами. Так, один из ведущих российских патопсихологов А.Б. Холмогорова (2010, с. 297) отмечает: «Российские иссле-

дователи являются безусловными лидерами в изучении рефлексии как механизма развития». Хотя историко-научные предпосылки для возникновения психологии рефлексии столетиями формировались как в мировой (Дж. Локк, И. Фихте, Дж. Дьюи, Ж. Пиаже), так и в отечественной (В.Г. Белинский, Ф.И. Шперк, С.В. Кравков, М.М. Рубинштейн, Л.С. Выготский, П.П. Блонский) философско-психологической мысли (см.: Семенов, 2008; 2012а, б, в), однако лишь на рубеже 1960–1970-х гг. они реализовались в виде теоретико-методологических (Э.В. Ильенков, В.А. Лекторский, М.К. Мамардашвили, А.П. Огурцов, Г.П. Щедровицкий) и концептуально-экспериментальных (В.В. Давыдов, А.З. Зак, В.А. Лефевр, И.Н. Семенов) исследований рефлексивных процессов.

Необходимо подчеркнуть, что начало им в отечественной системной методологии и инженерной психологии было положено фундаментальными трудами В.А. Лефевра (см. о нем: Зинченко и др., 2009; Семенов, 2007). Он разработал оригинальные методы и модели исследования рефлексивно-взаимодействия партнеров по конфликтному противоборству (Лефевр, 1965; 1971), защитил в МГУ (см.: Семенов, 2012б) в 1971 г. первую в стране кандидатскую диссертацию по рефлексии и создал ведущую научную школу междисциплинарного изучения рефлексивной проблематики (Лефевр, Смолян, 1968; Лефевр и др., 1969). Переехав в США, В.А. Лефевр (Лефевр, 2003) не только развернул теоретические и практические исследования рефлексии, но также углубил и расширил их философское обобщение и междисциплинарное изучение. В дальнейшем на рубеже XX–XXI вв. В.А. Лефевр и его ученик В.Е. Лепский инициировали проведение в Москве двухгодичных международных симпозиумов «Рефлексивные процессы и управление» и издание одноименного международного междисциплинарного журнала. Членами его редколлегии являются профессор факультета психологии НИУ ВШЭ (В.П. Зинченко, В.А. Петровский, И.Н. Семенов) как ведущего ныне (наряду с МГУ, ПИ РАО, ЯрГУ) научного центра психологического изучения рефлексивных процессов (см.: Зинченко, 2010; Петровский, 2008а; Поддьяков, 2007; Семенов, 2012а, б, в; Старовойтенко, 2007; Шадриков, 2012), исследование которых ведется во взаимодействии с подходом В.А. Лефевра (Петровский, 2008б; Зинченко и др., 2009).

Развитие актуальной в современную эпоху перемен проблематики психологии рефлексии предполагает углубление ее теоретических оснований (что требует соответствующих историко-научных и философско-методологических изысканий) и их конструктивной экспериментально-методической реализации как предпосылки для эффективного применения в социальной практике. Все эти аспекты в разной степени отражены авторами предлагаемых в данной спецтеме статей.

В рамках этой спецтемы по психологии рефлексии представлены авторы из ряда регионов: Москвы и Подмосковья, Орла и Запорожья. В содержательном плане в этих статьях обсуждаются философские проблемы теории рефлексии (В.А. Петровский) и методологические вопросы теоретико-этимологического (И.Н. Семенов) и историко-философского (В.Г. Аникина) обоснования психологии рефлексии, а также ее теоретико-прикладные (Г.И. Давыдова) и экспериментально-исследовательские (А.В. и Ю.А. Репецкие) аспекты в контексте социальной практики образования и управления. Логика расположения этих статей в данной спецтеме такова.

В статье В.А. Петровского — в оригинальном жанре сотворческого интервью с В.А. Лефевром — обсуждаются логика развития науки, философские конкретно-научные аспекты рефлексии как принципа организации бытия живого, «одушевленного». Раскрывается глубокое своеобразие взглядов создателя рефлексивной теории — «космизм рефлексии Лефевра». Таково название статьи, и оно символично. Теория

В.А. Лефевра, роднящая макро- и микромиры универсума, задает координаты синтеза психологических и междисциплинарных исследований в области рефлексии: ее «космизм», как отмечает автор статьи, — в «выходе за пределы какой-либо узкопредметной «конфессиональной» заданности.

В статье И.Н. Семенова впервые основательно обсуждаются социокультурные и этимологические корни историко-научной трансформации философской категории рефлексии в собственно психологическое понятие «рефлексивность». Необходимость подобной проработки этого понятия объясняется тем, что изучение психологической реальности рефлексии является относительно новым для человекознания и ведется на переднем крае науки. В подобных инновационных случаях необходима этимологическая, историко-научная и философско-методологическая пропедевтика. Прецеденты такого рода пропедевтики хорошо известны по психологии способностей (Теплов, 1940; Шадриков, 2011) и по психологии мышления (Рубинштейн, 1958; Тихомиров, 1992).

Начатый в статье И.Н. Семенова эпистемолого-методологический анализ проблематики рефлексии продолжен в историко-теоретической статье В.Г. Аникиной, которая специально обсуждает проблемы психологического изучения рефлексии во взаимодействии с современной философской мыслью.

Эксплицированные В.Г. Аникиной и И.Н. Семеновым теоретико-методологические основы психологии рефлексии конструктивно реализуются в теоретико-эксперименталь-

ной статье А.В. и Ю.А. Репецких, которые описывают оригинальные методические средства и обобщают результаты своих многолетних исследований личностно-профессионального самоопределения успешных управленцев, что весьма актуально в социокультурном контексте социальной практики развития рыночных отношений.

Наконец, в психолого-педагогической статье Г.И. Давыдовой предлагаются концептуальная модель и реализующие ее рефлексивно-психологические технологии развития личности в современном социокультурном и образовательном пространстве.

Таким образом, в данной спецтеме представлены прецеденты изучения проблематики рефлексии в различных взаимодействующих аспектах: социокультурном, историко-научном, философско-методологическом, предметно-теоретическом, экспериментально-методическом и практико-прикладном.

Важно отметить, что в этих статьях отражено конструктивное взаимодействие ряда современных научных школ по психологии рефлексии. Так, В.Г. Аникина опирается на концепции школы А.Г. Асмолова и И.Н. Семенова, а А.В. и Ю.А. Репецкие — на теории школы Д.А. Леонтьева и И.Н. Семенова. Тем самым показано, что научные школы представляют собой точки роста инновационных исследований психологии рефлексии и реализуют единство ее методологических, концептуальных и инструментальных ресурсов в развитии переднего края науки.

И.Н. Семенов

Литература

Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.

Зинченко В.П., Петровский В.А., Семенов И.Н. и др. Рефлексивный подход: от методологии к практике / Под ред. В.Е. Лепского. М.: ИФ РАН, 2009.

Лефевр В.А. Исходные идеи логики рефлексивных игр // Проблемы исследования систем и структур. М.: АН СССР, 1965.

Лефевр В.А. Формальный метод исследования рефлексивных процессов // Вопросы философии. 1971. № 9. С. 103–115.

Лефевр В.А. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003.

Лефевр В.А., Лепский В.Е., Баранов П.В., Трудолобов А.Ф. Исследование рефлексивных процессов // Проблемы эвристики / Под ред. В.Н. Пушкина, Д.А. Поспелова, В.Н. Садовского. М.: Советское радио, 1969.

Лефевр В.А., Смолян Г.Л. Алгебра конфликта. М.: Знание, 1968.

Петровский В.А. Состоятельность и рефлексия: модель четырех ресурсов // Психология. Журнал ВШЭ. 2008а. № 1. С. 77–100.

Поддьяков А.Н. Альтер-альтруизм и рефлексия // Рефлексивные процессы и управление: Сборник материалов VI Международного симпозиума. / Под ред. В.Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2007. С. 83–85.

Семенов И.Н. Фундаментальная роль творческой индивидуальности В.А. Лефевра в научном изучении рефлексии

и становлении рефлексивной психологии // Рефлексивные процессы и управление. 2007. № 1. С. 89–101.

Семенов И.Н. Взаимодействие отечественной и зарубежной психологии рефлексии: история и современность // Психология. Журнал ВШЭ. 2008. № 1. С. 64–76.

Семенов И.Н. Этапы, методология и направления исследований рефлексии в Психологическом институте на Моховой // Мир психологии. 2012а. № 4. С. 261–275.

Семенов И.Н. Кафедра общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова как колыбель профессионального психологического образования и исследований рефлексии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2012б. № 5–6. С. 112–133.

Семенов И.Н. Направления исследований инновационной психологии рефлексии в Высшей школе экономики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012в. № 3. С. 37–57.

Старовойтенко Е.Б. Рефлексия личности в культуре // Мир психологии. 2007. № 4. С. 209–220.

Холмогорова А.Б. Клиническая психология: В 4 т. Т. 1: Общая патопсихология. М.: Академия, 2010.

Шадриков В.Д. Роль рефлексии и рефлексивности в развитии способностей учащихся // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 4. С. 133–144.

КОСМИЗМ РЕФЛЕКСИИ ЛЕФЕВРА

Беседа с В.А. Лефевром¹

Недавно небольшим тиражом вышла маленькая на вид книга Владимира Александровича Лефевра. Вспоминается название знаменитого труда А.Р. Лурии «Маленькая книжка о большой памяти». Книгу В.А. Лефевра я бы назвал: «Маленькая книжка о большой теории». Главный научный сотрудник Института системного анализа РАН, доктор философских наук Георгий Львович Смолян, соавтор другой книги В.А. Лефевра², которую многие мои коллеги помнят по своей юности, написал мне: «По моему мнению, эта книга подводит итог разнообразным экспериментально-психологическим исследованиям автора и придает их результатам единое теоретическое обоснование. В известном смысле такое обоснование завершает многолетний анализ Лефевром внутреннего мира субъекта, можно сказать, сооружение естественно-научной платформы сознания. Эта платформа, разумеется, строится математическими средствами.

Сам В.А. Лефевр следующим образом разъясняет свой замысел: “Моя задача состоит в том, чтобы, во-пер-

вых, построить такую философию, в рамках которой в мире может существовать одушевленность, без привлечения Творца в картину мира. Эта философия будет строиться на основе онтологии Платона. Во-вторых, я сформулирую гипотезу о том, чем может быть одушевленность, и подвергну эту гипотезу эмпирической и экспериментальной проверке”.

Американский физик-теоретик Э. Вигнер как-то заметил: “Вся глубина мысли, которая заложена в формулировку математических понятий, впоследствии раскрывается с тем умением, с каким эти понятия используются”. В.А. Лефевр всегда отличался виртуозным умением оперировать математическими понятиями и формализмами, начиная от рефлексивных многочленов до модели биполярного выбора. В этой книжке это умение продемонстрировано еще раз.

Есть книги (я повторю здесь мысль Джона Мильтона), в которых заключены чистейшая энергия и экстракт того живого разума, который ее произвел. Для всех книг В.А. Лефевра и для последней особенно это свойственно в высокой степени».

¹ Беседу провел член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор В.А. Петровский.

² *Лефевр В.А., Смолян Г.Л.* Алгебра конфликта. М.: Знание, 1968.

Далее, Г.Л. Смолян написал мне о том, что «как правило, крупные ученые, в том числе нобелевские лауреаты, после выхода своих книг дают развернутые интервью. Обычно привлекают для этого научных журналистов...»

Из переговоров с Г.Л. Смоляном я понял, что мог бы попробовать себя в новом для себя качестве — «научного журналиста», интервьюирующего В.А. Лефевра. Мне было приятно узнать, что Владимир Александрович позитивно отнесся к этой идее.

Итак, диалог с автором книги «Что такое одушевленность?».

В.А. Петровский. Ваша книга заключает в себе вопрос... В чем состоит ответ?

В.А. Лефевр. Сначала я расскажу об общем замысле этой работы. Представим себе, что задаем физику вопрос: «Что такое ускорение?» Его ответ скорее всего будет таким: «Ускорение — это тангенс угла между касательной к графику скорости и горизонтальной осью системы координат». Обратите внимание на то, что физик не пытается чувственно представить себе ускоряющееся движение. У него есть абстрактная модель движения, и, отвечая на вопрос, он адресует нас к этой модели. Представим себе теперь, что мы спрашиваем психолога: «Что такое чувство вины?» (После Вашего вступительного слова оно у меня обострилось.) Психолог скажет примерно следующее: «Это негативное переживание своего поступка». По существу такой ответ всего лишь семантическая развертка вопроса, который мы задали. Это уточнение, а не ответ

на него. В отличие от физика, у психолога нет теоретической модели явления, о котором его спрашивают. Именно такая ситуация в психологии послужила для меня стимулом попытаться создать теоретическую модель субъекта, в которой были бы объективизированы феномены, протекающие в его психике.

Начал я с построения моделей с человечками. Субъект — это человек; его неосознанный образ себя — человек, нарисованный в голове первого человечка. Осознанный образ себя — третий человек, который помещается в голову второго; т.е. осознание — это внутреннее видение себя видящим себя.

Следующим шагом я заменил картинки с человечками алгебраическими формулами. Осознанию при этом стали соответствовать математические операторы. Затем у переменных, входящих в формулы, появились значения, интерпретируемые как интенсивности переживаний. Теперь на вопрос, что такое чувство вины, я мог ответить: «Чувство вины — это значение переменной А». При этом я мог ответить на вопросы о связи величины А с формальными аналогами других субъективных явлений. Эта модель позволяла говорить о феноменах внутреннего мира субъекта, однако у нее не было предсказательной силы.

Далее я попытался связать построенную модель с поведением человека. Такая связь была установлена в рамках биполярного выбора. В книге подробно описывается, как строилась эта расширенная модель и как она верифицировалась.

Затем у меня появилась мысль проверить, не является ли эта модель

фундаментальной, т.е. попытаться найти ее связь с законами природы. И здесь началось самое интересное. Оказалось, что расширенная модель «вкладывается» в цепочку абстрактных тепловых машин, тем самым являясь перефразом двух первых законов термодинамики. При этом тепловая модель смогла решать задачи, недоступные аналитической модели. Остановлюсь на самой трудной из них.

Со времен Пифагора известно, что только некоторые музыкальные интервалы (отношения частот двух звуков) приятны человеческому уху. Был создан так называемый пифагорейский строй — последовательность благозвучных интервалов, по замыслу. Но оказалось, что интервалы были выбраны не столько по благозвучию, сколько по красоте их математического представления!

Попытки создания системы благозвучных интервалов продолжались в Средние века и в Новое время. В 1885 г. Г. Гельмгольц выделил четырнадцать гармоничных интервалов, но не было ни акустического, ни психологического объяснения, почему эти интервалы воспринимаются благозвучными.

Тепловая модель может быть рассмотрена как генератор математических дробей. Оказалось, что при некоторых очень естественных условиях модель порождает 18 дробей, из которых 14 совпадают с гармоническими интервалами Г. Гельмгольца, а оставшиеся четыре совпадают с известными музыкальными консонансами. Таким образом, не исключено, что тепловая модель субъекта решила древнюю общепсихологическую проблему, объяснив, какие

именно интервалы являются благозвучными.

И тут возникает драматический вопрос: каков онтологический статус тепловой модели и какая реальность за ней лежит? В голове субъекта не идут физические процессы, описываемые цепочкой тепловых машин. Я пытаюсь ответить на этот вопрос, раздвинув онтологические границы реальности, возвратясь к идеям Платона.

В.П. Итак, на вопрос, что такое одушевленность, Вы, Владимир Александрович, по счастью, отвечаете не дефиницией, а делом. Позвольте мне задать Вам несколько вопросов вдогон? Их у меня двенадцать.

1. Что НЕ одушевлено? Вы предлагаете и опытно оцениваете критерии «одушевленности». Вы оспариваете идею Squirs (1990), что «у нас нет теста, способного показать, “одушевлен” ли данный объект, т.е. является ли он живым». Вы предлагаете значительно более сильный критерий, чем известный критерий Тьюринга, в котором машинные ответы на одинаковые вопросы сравниваются с ответами человека.

Одна дама, психотерапевт, неосторожно призналась в своем кругу, что иногда ей на сеансах приходится вместо себя включать машину Тьюринга, общаясь с клиентом... Может быть, это и «душевная» женщина! Но вполне ли — одушевленная?..

Солнце, Земля, Черные дыры, Человек, Птицы, может быть, даже Космос, в котором все это существует, — все это в Вашей теории Живое, Одушевленное, ничему из этого нельзя априори отказать в субъектности. В пределе все может рассматриваться как цепочка тепловых машин или

ее элементы. Но, по контрасту, что в Вашей теории не есть Субъект, не есть Орган субъекта, не есть Источник или Средство существования субъекта, — что-то выключенное или еще не включенное в систему обеспечения бытия субъектов, «нейтральное», непричастное? Есть ли такое? Или, на Ваш взгляд, вся Вселенная — в конечном счете «Субъект»? И тогда идея «расширяющейся Вселенной» может приобрести новый смысл: «расширяющаяся до состояния тотальной субъектности»?

Итак, что в Универсуме не относится к категории «одушевленного» (если это так)? В конечном счете, это вопрос об аристотелевской энтелихи, — признаете ли Вы этот конструкт?

Поясню, Владимир Александрович, чем вызван вопрос. «Личность» для меня, как Вы знаете, есть «единица Я», «мульти-субъектное образование» (в связи с таким пониманием В.П. Зинченко приводит слова М. Пруста — «роистое Я»). Впрочем, к единице нужно еще прийти. Оно возникает «не вдруг». Целостность должна осуществиться на основе тяготения друг к другу (а не тяготения друг другом) разных Я, представленных в микрокосме индивидуальности. И вот я думаю, нет ли здесь аналогии с «расширяющейся Вселенной» В.А. Лефевра по комплексированию, состыковке, «соединению» (отнюдь не «поеданию») друг друга Космическими субъектами?

В.Л. В рамках моего рассмотрения одушевленность связывается с существованием точек неопределенности в функционировании физиче-

ского тела. Эта неопределенность преодолевается эйдосом-навигатором, который выбирает из пучка возможных одну траекторию дальнейшей эволюции состояния тела. Система эйдос—тело является одушевленной по определению. Казалось бы, что тела с жесткой внутренней структурой, например кристаллы, у которых строение не меняется, не должны иметь разветвляющихся траекторий своей эволюции, т.е. могут быть неодушевленными. Но этот аргумент не проходит, поскольку в телах есть тепловое движение молекул, которое порождает точки неопределенности. Итак, «теплые тела» должны считаться одушевленными. Давайте рассмотрим тела с температурой равной абсолютному нулю (-273°C). У них нет теплового движения молекул, нет разветвляющихся траекторий эволюции состояний, нет навигатора. Они лишены одушевленности. Таким образом, одушевленность оказывается связанной с внутренней энергией тела.

В.П. 2. Не будем умножать сущности? Правильно ли я понимаю, что, характеризуя «навигатор», Вы отнюдь не случайно опускаете такие слова, как «воля», «разум», «свобода», «Я» (все то, что мы относим к ипостасям Творца, о котором «молчок» — разумеется, из теоретических соображений!)? Исторические аналогии: И.П. Павлов запрещает сотрудникам употреблять антропоморфные слова; И.М. Гельфандт, работая совместно с Н.А. Бернштейном, объявляет мораторий на использование математического аппарата (я слышал об этом от их сотрудника, М.Б. Беркенблита). Вопрос: без этих

слов можно обойтись только сейчас, на данной ступени разработки модели, т.е. это временная отсрочка? Или — эти психологические реалии не представляют для Вас интереса вообще? Или, может быть, все уже «схвачено», все уже есть в субъекте (и мы не станем тут поддразнивать бритву Оккама?).

В.Л. Я не отказываюсь употреблять «ипостаси Творца», такие как воля, разум и т.д. Я только наделяю их дополнительным смыслом, когда говорю о человеке. Как я уже отметил, это позволяет связать друг с другом различные ментальные феномены, отношения между которыми трудно просматриваются на уровне естественного языка. Например, каждый психотерапевт знает, что у субъекта есть как осознанный образ себя, так и неосознанный. Психотерапевту также известно, что, стимулируя субъекта осознать свои неосознанные переживания, во многих случаях удается смягчить его страдания. Почему это так, было неизвестно. В формальной модели субъекта присутствуют теоретические аналоги осознанного и неосознанного образов себя. Модель позволяет установить связь между ними и объяснить, при каких условиях акт осознания приводит к облегчению страдания. Так что при построении формальной модели ментального мира человека психологические реалии являются фундаментом рассмотрения. Подчеркну, что по отношению к животным такой подход не является очевидным. Я буду говорить об этом дальше.

В.П. 3. Цель навигации? Метафора «эйдоса-навигатора» (я говорю пока именно о метафоре!) подразумевает навигацию, а она, в свою оче-

редь, существование цели, ради которой навигация осуществляется. В конце своей книги Вы пишете: «Есть ли некая цель у эйдоса-навигатора, определяющая его выбор динамической траектории? Один возможный ответ таков: навигатор, порождая распределение вероятностей, стремится к росту числа точек, в которых возможно ветвление динамических траекторий, и увеличивает свои возможности детерминации поведения тела, не нарушая при этом законов природы». Мне кажется, здесь выражена важная перспектива разработки модели, но идет ли при этом речь о Цели? Ведь наличие цели подразумевает процессы сличения с целью, да еще и некую предварительную «запись» будущего (в случае творчества — сначала «возможного», а потом уже «потребного» будущего); но, очевидно, процессы сличения — затратны, они связаны с потреблением энергии; а что касается «записи» должествующего состояться будущего, то я пытаюсь найти (угадать) ее место в модели, но никак не могу. Помогите!

В.Л. Это очень трудный вопрос, и я не могу дать на него общего ответа. К эйдосу, видимо, неприменимо понятие обратной связи. Кроме того, я не уверен, что понятие цели применимо к любому одушевленному телу. Вспомним повесть Станислава Лема «Солярис». По ней был создан великий фильм Андрея Тарковского. Сюжет таков. Люди открыли планету со странным «живым» океаном. В нем идут процессы, которые никак не удастся объяснить. Этот океан способен проникать в души людей и материализовывать их мысли и воспоминания. Понять, зачем океан ведет себя

так, обнаружить его цель — не удается. Исследователям не остается ничего иного, как дать чисто поведенческое описание функционирующего океана.

С ситуацией, подобной Солярису, столкнулся и я. Только Солярис предстал передо мной в виде голубей и крыс. Я обнаружил, что графики выбора одной из двух альтернатив у животных похожи на графики биполярного выбора у человека. И мне пришло в голову, что у животных, как и у человека, происходит поляризация альтернатив — одна становится позитивным полюсом, а другая негативным. Такой подход в принципе противоречил общепринятому подходу. Большинство исследователей, проводивших эти эксперименты, полагали, что у животного есть цель: максимизировать количество подкреплений. Однако каждая конкретная гипотеза о механизме подкреплений опровергалась последующими экспериментами.

Я решил полностью отказаться от антропоморфной идеи, что у животных есть цель что-то оптимизировать. Вместе с Федерико Санабриа, молодым, но уже известным экспериментатором, мы разработали новый подход к этим экспериментам, основанный на модели биполярного выбора. Эта модель показала хорошее согласие с экспериментами. Здесь мне важно подчеркнуть, что, казалось бы, очевидное предположение о целевой активности животных необходимо было отбросить, чтобы двинуться дальше. Перевод нашей совместной статьи опубликован как приложение к книге.

В.П. 4. Что такое «хорошо» и что такое «плохо»? Если от метафоры

навигатора перейти к построениям более строгим, то может быть поставлен вопрос о порождении, самом генезе условий «биполярного выбора». Модель биполярного выбора и ее развитие в модели идеальных тепловых машин позволяют прогнозировать вероятность выбора субъектом позитивного полюса. Вопрос в том, кто (или что) ведает «полюсами», ориентирующими биполярный выбор? То есть, каковы принципы поляризации как таковой («добро — зло», «красивое — некрасивое», «правильное — неправильное» и т.п.)? И в этой связи, в силу каких причин, к примеру, распределение предпочтений оказывается двугорбым (я имею в виду глубоко интерпретируемые Вами загадочные данные эксперимента Поултона и Симмондса с оценкой светлоты: почему все-таки для большей части испытуемых позитивным полюсом было «белое», а для меньшей — «черное»)?

Итак, существуют ли критерии предпочтений, позволяющие упорядочивать полюса?

В.Л. Формальная модель сама по себе не позволяет ответить на вопрос, как происходит поляризация альтернатив. Это задача экспериментальной психологии. Кратко расскажу, что мне об этом известно. Биполярный выбор человека осуществляется в двух ситуациях. Во-первых, при выборе действия, во-вторых, при оценке объекта. Примером первой ситуации является выбор между альтернативами сказать правду — солгать. Пример второй — оценка фильма как хорошего или плохого. В первом случае критерий поляризации довольно прост: нормативное добро является индикатором

позитивности полюса. Ситуация оценки оказывается сложнее. Сначала экспериментаторы полагали, что если в качестве оценки употребляются прилагательные, то положительное прилагательное будет соответствовать позитивному полюсу, а отрицательное — негативному. Однако Адамс-Веббер и Бенджафелд показали, что это не так. Рассмотрим, например, конструкт нежный — грубый. Казалось бы, что оценка «нежный» соответствует позитивному полюсу, а оценка «грубый» — негативному. Но в случае, когда объектом оценки является медведь, данный конструкт остается неориентированным. Если же мы оцениваем медведя с помощью конструкта сильный — слабый, то оценка «сильный» связана с позитивным полюсом, а оценка «слабый» — с негативным. Для того чтобы прилагательное, входящее в конструкт, стало позитивным полюсом, недостаточно, чтобы оно было положительным; необходимо еще, чтобы оно выражало качество, *типичное* для класса объектов, к которому принадлежит описываемый объект. Характеристика «нежный» не является типичной для всего класса медведей, поэтому она не может играть роль позитивного полюса. В отличие от нее характеристика «сильный» является типичной для класса медведей, поэтому она может играть такую роль. В экспериментах с прилагательными можно сказать, что испытуемый «знает» ориентацию альтернатив. Но существуют эксперименты, в которых поляризация не осознается. Рассмотрим эксперимент, в котором испытуемый должен указать, какой из двух многоугольников более красив.

(Я описал в книге подобные эксперименты.) Один из этих многоугольников предъявлялся испытуемому ранее с экспозицией в одну миллисекунду. При такой короткой экспозиции испытуемый не помнит свой предварительный опыт, и, тем не менее, ранее показанный объект становится для него позитивным полюсом.

Камера Скиннера позволяет изучать биполярный выбор у голубей и крыс. Было проведено большое число экспериментов в камерах с двумя ключами, регулирующими подачу подкреплений с различной щедростью. Рефлексивная модель вскрыла любопытный факт. Иногда позитивным полюсом является более бедная альтернатива, а более богатая играет роль негативного полюса. Понять этот парадоксальный результат помогло обращение к человеку: соединение добра и практической пользы оскверняет добро. Та альтернатива, которая связана с меньшим количеством пользы, более чиста, и именно она становится позитивным полюсом.

В.П. 5. Универсальный язык — «всеобщий эквивалент»? Математический язык формул (сюда же относятся и неметрическая геометрия Ваших ранних рефлексивных моделей, включающая «человечка») обладает продуктивной избыточностью. Этот язык абсолютно точен — в качестве ориентира интерпретации и прогнозирования эмпирических фактов. Вместе с тем — каркас и элементы этого языка дают возможность понимать друг друга представителям самых разных научных дисциплин и многообразных школ внутри каждой из них. Сужу как психолог.

Например, опираясь на символы и формулы, описывающие работу тепловых машин, Вам, по существу, удалось «зацепить» множество феноменологических систем в описании сознания, построить обобщенную онтологию феноменальных миров, используя минимум лексических средств.

Так, в сознании субъекта отчетливо разграничиваются три слоя: 1. Мир, каков он есть «сам по себе» — «объективность», «физическая реальность» («онтическое» по Э. Гуссерлю); это актуальные переживания, или переживания, открываемые *post factum*, категоризируемые субъектом как «внешний мир», «телесное Я», «что-то», существующее само по себе, независимо от меня, — я думаю, «видимое также кем-то другим»). 2. Образ мира — здесь нет деления на «субъективное» и «объективное», это — предсознательный мир (по З. Фрейду), «мистический опыт» (по П. Флоренскому), «дореклексивный мир» (по Ж.-П. Сартру), «жизненный мир» (по М. Хайдеггеру); 3. Мир *cogito* — «мысль» (включающий в себя, как подчеркивал М.К. Мамардашвили, «мысль, что мыслю, что мыслю... и т.д.»). Понятно, что «мысль» — это также и «представляю», «чувствую», «стремлюсь» и т.п.

Вы сделали то, чего, по-моему, не сделал до Вас никто. Вы показали, как они отстаивают свою индивидуальность в эмпирических формах, а не только словесных изысках. «Работая» как теоретик с мирами 1, 2, 3, Вы прояснили различия и общность, присущие двум фундаментальным законам психофизики — Вебера-Фехнера и Стивенса. В осно-

ве предложенной Вами интерпретации — тонкое соотнесение выделенных Вами «миров»: закон Стивенса описывает ситуацию, в которой испытуемый оценивает непосредственную интенсивность стимула (мир 1), а закон Вебера-Фехнера — интенсивность осознаваемых переживаний, связанных со стимулами (мир 3). Но ведь это поразительно! Опираясь на термодинамические отношения (идеальная модель субъекта), разграничить феноменальные «слои» сознания (феноменология) в соответствии с эмпирическими процедурами, поставляющими сознанию тот или иной род переживаний (условия операционализации теоретических конструкций)!

Однажды Вы буквально сразили меня одним своим высказыванием. У нас был такой разговор:

Я (вежливо): «В своих разработках я исхожу из модели Лефевра и Берна, а также своих собственных исследований».

Вы (весьма директивно): «Не надо исходить из модели Лефевра и Берна! Есть реальность. Из нее-то и исходите!»

Теперь понимаю: в тот момент я был для Вас в «мире 3», а Вы призывали меня перейти в «мир 1»... Язык трех миров говорил в Вас.

Вы сделали все, чтобы «ввести» в культуру этот будущий общий язык. Последующие поколения ученых увидят в нем универсальное средство общения. Может быть, мы в начале процесса овладения этим языком. Но тот же самый язык — это еще и строгий критик. Чем не всеобщий эквивалент «стоимости» построений, ведущихся нами наедине с собой, друг с другом внутри

наших конфессий и парадигм? И вообще, долой профессиональную замкнутость! Всего несколько символов, ясные способы соотнесения! Слабо нам всем — выучить? Или, может быть, М. Хайдеггеру — да! А математике — нет?!

Владимир Александрович! Как чувствуете Вы себя в окружении коллег, лишь частично понимающих красоту Ваших построений, в которых математика — не орнамент здания, а несущая конструкция, не техника подтверждения гипотез, но самая суть дела?³

В.Л. Я хорошо понимаю Ваше огорчение, когда кто-то, читая Ваши работы, пропускает «струйки формул», ведь в этих струйках отражена новая психология, которую Вы с таким мастерством развиваете. Есть психологи, которые гордятся своим незнанием математики. Им я хочу сказать лишь то, что современный интеллект не мыслим без знакомства с основами математики. Вас это может удивить, но охотнее всего мой подход приняли американские бихевиористы. Во-первых, они знают

математику. Во-вторых, я думаю, их привлекла моя попытка проникнуть во внутренний мир живого существа, минуя путь словесных спекуляций. В-третьих, модель позволила предложить объяснение многих обнаруженных ими феноменов на основе одного принципа, который я назвал аксиомой повторного выбора. Смысл этой аксиомы состоит в том, что, выбрав негативный полюс, субъект (лучше сказать — организм) еще до реализации выбора с некоторой малой вероятностью повторяет свой выбор. Он как бы «сомневается» в своем предварительном выборе. Эта аксиома есть формулировка стратегии субъекта, которая позволяет выполнить требования эйдоса-навигатора.

В.П. 6. Математическое моделирование психологии или психологическое моделирование математики? Обладая избыточностью — что, конечно же, благо! — математический язык содержит в себе вызов к исследователям — что еще большее благо! Согласитесь ли Вы со мной, Владимир Александрович, что некоторые

³ К. Поппер, по-моему, щадил читателей, минимизируя в тексте число формул и убеждая нас, что не так страшен черт, как его малюют. В работе «Что такое диалектика?» он писал: «...речь идет об одном из немногих не вполне тривиальных фактов элементарной логики; он заслуживает того, чтобы его знал и понимал каждый мыслящий человек. Его можно легко объяснить тем читателям, которые не испытывают неприязни к символам, похожим на математические; однако и те, кому такие символы не нравятся, без труда во всем разберутся, если только *им достанет терпения посвятить этому предмету несколько минут* (курсив мой. — В.П.)» (К. Поппер. Предположения и опровержения. М., 2004. С. 523). По образному выражению одного из наиболее авторитетных моих учителей, при чтении часто пропускаются «струйки формул»; а психолог Р. (прекрасный экспериментатор!) как-то написал мне: «Где начинаются формулы, там кончается Р.». Но ведь моя математика (2-я матшкола Москвы, с полвека назад), куда проще Вашей, мехматовской. Впрочем, есть все-таки свет в конце тоннеля! Недавно я узнал, что школьники 6 класса общеобразовательной школы изучают материальную импликацию. Правда, на уровне «если... то...».

символы рефлексивной теории многозначны и могут быть психологически по-разному определены, а иногда до-определены?

Я говорил Вам когда-то, в присутствии очаровательной собеседницы, назовем ее «Кавказской пленницей»⁴, что пронизательность автора рефлексивной теории заключается, в частности, в том, что его символика не привязана жестко к возможным интерпретациям. Например, знак материальной импликации « \rightarrow ». Логика говорят, что он приблизительно соответствует конструкции «если... то...». Подчеркиваю, «приблизительно»! Но в Вашей булевой модели готовности к биполярному выбору $A_1 = (a_3 \rightarrow a_2) \rightarrow a_1$ (где A_1 — готовность субъекта к выбору позитивного полюса, a_1 — давление среды, a_2 — образ давления среды, a_3 — интенция) \rightarrow — стрелка, символизирующая материальную импликацию, не имеет ничего общего с «если... то...». Но что означает стрелка, присутствующая в выражениях $\alpha \rightarrow \beta = \neg\alpha + \alpha\beta$ на разных ступенях импликации в булевой модели готовности? Может быть, это — отношение реализуемости стремления с опорой на внешние β и внутренние $(1 - \alpha)$ ресурсы (ведь, очевидно, стремление α есть реакция субъекта на нехватку внутреннего ресурса $\neg\alpha$, а $\alpha\beta$ суть возможные новоприобретения опыта)? Или, например, выражение $X_1 = x_3 + (1-x_3) \cdot (1-x_2) \cdot x_1$. Исходная интерпретация X_1 — готовность к выбору. Но в определенном смысле это и субъективный эффект совершаемого

выбора (например, как в Вашей книге, это, в частности, оценка стимула; может быть, также это — благополучие, благоденствие, удовлетворенность собой, успешность, словом, обобщенно — состоятельность устремлений). Если, к примеру, X_1 трактовать как благополучие, то в этом случае x_3 может быть осмыслено как благо, а $(1-x_3) \cdot (1-x_2) \cdot x_1$ — как благорасположение (грубовато — «блажь»); и тогда получаем: благополучие = благо + блажь.

Но не кажется ли Вам, что традиционный язык психологии (философии) лишь частично способен выразить суть происходящего? Можно ли «до доньшка» интерпретировать Вашу математическую модель в терминах естественного языка? В терминах языка психологии? Философии? Хотелось бы, но возможно ли это? В связи с этим вопросом мне вспоминается давний разговор с Вами на одной из конференций в Москве, где мы познакомились. По поводу одной из работ Вы, может быть, вполусерьез, сказали: «Это — истинная поэзия в математике... Будущий язык поэзии — это язык формул». Помните?

В.Л. Я согласен, что некоторые символы многозначны, однако эта многозначность не есть произвол. Часто она указывает на глубокую связь различных элементов внутреннего мира субъекта. Например, осознанный образ себя, образ себя, который есть у образа себя, и интенция обозначаются одним символом.

Рассмотрим выражение:

$$A = (a \rightarrow b) \rightarrow c.$$

⁴ Для тех, кто не знает, познакомиться с ней можно в районе «Проспекта Мира» в Москве... Только, пожалуйста, встречайтесь с ней натошак...

Символ A — это субъект, связка ($a \rightarrow b$) — неосознанный образ себя, a — образ себя у образа себя и, одновременно, и осознанный образ себя, и интенция.

В терминах естественного языка математическую модель интерпретировать невозможно именно в силу, как Вы заметили, ее избыточности.

Я хорошо помню, что как-то назвал Ваши работы поэзией. Я и сейчас так думаю. И конечно, традиционный язык психологии изменится на символично-математический. И в этом будет большая Ваша заслуга.

В.П. 7. «На растерзание — психологам?» Создается впечатление, Владимир Александрович, что многие психологические проблемы, которые могли бы быть рассмотрены под углом зрения Вашей модели, оставлены Вами на усмотрение психологов. Назову несколько областей...

Психология установки (школа Д.Н. Узнадзе). К примеру, замечена разница в условиях появления контрастной и ассимилятивной иллюзий при изучении фиксированной установки. Когда в установочных опытах разница между объектами (шарами) велика, в критической серии (шары объективно равны) наблюдается контрастная иллюзия (на месте большего недооценивается величина предъявленного шара), в случае небольшой разницы между шарами — ассимилятивная иллюзия (недооценивается величина объекта на стороне меньшего). Почему? Может быть, модель биполярного выбора могла предложить ответ?

Психология мотивации. Отталкиваясь от Вашей модели готовности субъекта к биполярному выбору (правда, рассматривая ее в терминах транзактного анализа), я получил факты, частично опровергающие модель «принятия риска», предложенную Дж. Аткинсоном, но зато соответствующие фактам. Модель Аткинсона прогнозировала выбор уровня трудности задач (схема Ф. Хоппе, «уровень притязаний») в районе средних степеней трудности для испытуемых с доминированием надежды на успех и краевых значений (самые легкие и самые трудные задачи) у испытуемых с доминированием страха перед неудачей. Но оказалось, что выборы испытуемых, мотивированных успехом, приходятся на задачи повышенной трудности (в районе 0.6–0.7). Именно это и предсказывала моя модель, которую я назвал «метаимпlicativeй моделью мотивации выбора»⁵. Согласно данной модели выбор смещен в сторону «золотого сечения» (0.62). Но это только один результат. Есть и другие, не менее интересные. Ваши ранние и последующие разработки — чрезвычайно плодотворны для психологии мотивации. Вам причитаются дивиденды!

Психология личности. Здесь интересно разобраться, почему в каждом из нас — не один субъект (одно «я»), а много. Анализ показывает, что не всегда при данном уровне запросов и ресурсов, предоставляемых средой, удается быть реалистом (как в плане соответствия между

⁵ Петровский В.А. Уровень трудности задачи: метаимпlicativeй модель мотивации выбора // Психологический журнал. 2006. № 1. С. 6–23.

уровнем интенций и уровнем готовности, так и в плане достижений, которые должны соответствовать запросам). Необходимо сформировать цепочки внутренних партнеров («субличностей»), структурировать их отношения (например: Хозяин → (Работник → Среда), (Лидер → Советник) → Среда, (Руководитель → Коллеги) → Среда и др.), и в этом случае индивидуум будет фактически действовать так, как хочет, и получать то, что хочет (черта под символами показывает, кому достанется результат усилий). Но это, конечно, также не единственное направление исследований...

...В незапамятные времена, когда был я совсем юн, от своего отца, психолога, я получил следующее поучение: «Если ты когда-нибудь услышишь, как некий ученый сетует, что, мол, этот вопрос (выбранный им лично для исследования), “к сожалению” не получил должного освещения (или не был им достаточно разработан, или содержит в себе противоречивые данные и т.д. и т.п.), то знай, что это чистое лицемерие. В действительности, исследователь ликует, что на его долю что-то осталось».

Я назвал несколько областей, Вами нетронутых. Они остались на растерзание психологам, вдохновленным Лефевром. С Вашей стороны это упущение или жест доброй воли?

В.Л. Это не упущение и не жест доброй воли. Это бессилие. Из перечисленных Вами проблем я догадываюсь только, как можно было бы приложить рефлексивную модель к феноменам установки. Например, в книге я рассматриваю процедуру категоризации стимулов по степени

их интенсивности. Модель объяснила, что после предъявления слабых стимулов сила очередного стимула завьшается.

Давайте промоделируем эксперимент с установкой, с помощью модели интенционального субъекта, которая задается функцией:

$$X_1 = \frac{x_1}{x_1 + x_2 - x_1 x_2} \quad (1)$$

X_1 может быть интерпретировано как оценка интенсивности стимула, x_1 — физическая интенсивность предъявляемого стимула, x_2 — среднее значение интенсивности ранее предъявлявшихся стимулов.

Представим себе, что $x_1 = 0.5$, а $x_2 = 0.1$. Подставляя эти значения в (1), находим, что $X_1 = 0.91$. Мы видим, что возникает иллюзия. Субъекту предъявляется стимул с интенсивностью 0.5, а он полагает, что интенсивность стимула 0.91. Возможно, на этом пути могут быть объяснены и другие эксперименты, связанные с возникновением иллюзий.

В.П. 8. Эйдос-навигатор-сборщик? Вы вводите совершенно новый конструкт в категориальный строй философии, психологии, биологии, астрономии — «эйдос-навигатор». Он обладает удивительным свойством действовать «под порогом» различимости физическими приборами, управляя распределением вероятностей и, в соответствии с этим, переводя физическое тело в новое состояние. Самое замечательное, что действие эйдоса-навигатора не нарушает фундаментальные законы природы. И в этом, как Вы пишете, модифицированный временем аналог присутствия в мире платоновской «чистой идеи». Необычный

(необычайный!) конструкт позволяет Вам предложить совершенно неожиданный способ разрешения знаменитой психофизической проблемы. Вы смело (философы ленинской закалки вздрагивают) пишете о том, что «сознание и физический мир являются отдельными сущностями, и при этом сознание способно воздействовать на физические процессы и причинно и энергетически». Но при этом «бесконечно малые» энергетические воздействия, вызывающие изменение траекторий тел, суть не что иное, как «операционально ненаблюдаемые» толчки, не нарушающие законы сохранения. Так решается проблема «эпифеноменализма» — гипотетической непричастности сознания к материальному миру. Воздействие — есть, но оно ненаблюдаемо в физических экспериментах.

Какая красивая гипотеза! Но нельзя ли в этом контексте вообще обойтись без «энергии» толчков?

Лет 10 назад я предложил версию, которую впервые опубликовал в статье под названием «Идея Гегеля, оператор Лефевра и “Я”»⁵. Я рассуждал так: что могло бы отличать собственно физические явления от психических («ментальных»)? Мой тогдашний ответ: качество транспонируемости (вещь можно переместить в другое место, без ущерба для вещи, волна «повторяет» себя, распространяясь в пространстве); локус возникновения и локус существования физического могут различаться,

а свойства — те же. Иное дело — психика. Она результат композиции (суперпозиции) физических волн. Волны (очевидно) — транспонируемы (передаваемы), композиции (это уже не столь очевидно) — нет. Постулируем: локус возникновения и локус существования психических явлений (в отличие от физических) совпадают. По этой причине переживания как таковые (запах, цвет, тепло, ощущение движения, чувства, стремления, боль) нельзя «подсмотреть», «осязать», «подцепить» (их нельзя ни «вытащить» из нервного волокна, ни заснять на пленку, ни сканировать с помощью записывающих приборов). «Чувственная ткань» психики (ощущения, переживания) невещественна, неэнергийна. Ничуть не более «весомы» или «заряжены» конфигурации психической материи (образы, цели, смыслы). Они как таковые не содержат в себе ни грана вещества, ни кванта энергии. И тем не менее узоры, вытканые на чувственной ткани психики, опосредуют физические процессы, порождаемые телом (активность). За счет чего?

Подмечено (в итоге известного мысленного эксперимента), что контур светового пятна, движущийся по поверхности Луны при повороте лазера, не есть физический объект (а иначе как объяснить, что он может двигаться со скоростью, существенно превышающей скорость света?!). Перед нами — идеальная форма, существующая в мире физических

⁵ В.А.Петровский. «Идея» Гегеля, «оператор осознания» Лефевра и самопричинность «Я» // Рефлексивное управление: Тезисы международного симпозиума 17–19 октября 2000 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 67–69.

тел, но не являющаяся ни одним из них. И вместе с тем носителями таких идеальных форм являются физические тела. Взять хотя бы «чистые» формы геометрических объектов — точки, линии, треугольники. Они все — «нулевой» толщины. Но рисунки этих объектов, выполненные карандашом или пером, обладают всеми свойствами физических объектов. Но если так, то вещественные формы воплощения идеальных форм способны конфигурировать (использую Ваше слово) потоки импульсов, и тем самым они могут быть «соучастны» движению тел, как бы форматируя его. Так дырочки перфокарты конфигурируют (форматируют) потоки света, сквозь них проходящие. Форматирование, конечно, подразумевает изменения энергии «соприкасающихся» материй. Но главное здесь форма как таковая; она не является физическим объектом и в то же время, существуя в физической оболочке, способна конфигурировать поведение.

В невидимости, неосвязаемости, беззвучности, безболезненности «для меня» чужого психического, повидимому, заключен огромный эволюционный смысл. Вы приводите метафору Д. Чалмерса, задаваясь вопросом, «почему, если уподобить сознание свету, этот процесс не идет в темноте? Откуда этот свет? Почему мы чувствуем?» Но я бы перевернул вопрос: почему этот свет только в нас, только для нас? Почему другие существа, кроме нас, не видят и не чувствуют того, что мы видим и чувствуем «на свету»? Для всех других наши психические процессы протекают в темноте. Один аргумент мне подсказывает сейчас Ваша модель:

они невидимы, потому что не излучают — не растрачивают даром — энергию. Но кроме того (об этом говорится в моей последней книге), «светиться» (т.е. быть у всех на виду, обнаруживать свои помыслы перед другими) было бы, по меньшей мере, неэкологично. Эволюция выработала способ скрывать то, что служит цели выживания в конкурентной среде.

Что если не «малые толчки», а «эйдос» навигатора (идеальная форма) служит динамическим фильтром-конфигуратором пронизывающих его импульсов? В этом случае рождается метафора идеальной структуры-«эйдоса», движущегося в физическом материале (вдогон Вашим собственным ранним схемам: лампочки на световом панно зажигаются и гаснут, образ как бы бежит по ним...); это движение фильтра, щели, зазора, узора, образованного отверстиями перфокарты. И таким образом сама сборка машин в цепочку работающего субъекта опосредуется «эйдосом» — спутником и соучастником происходящего. Насколько правомерно так думать?

В.Л. В сегодняшнем интеллектуальном языке слова «идеальный объект» и «абстрактный объект» звучат как синонимы. Это некоторые очищенные от второстепенных деталей конструкции в нашем сознании. «Идеальное» в моей модели имеет другой смысл. Это не абстракция, не продукция человеческого разума, а реальная сущность, присутствующая во Вселенной. Именно так понимал «идеальное» Платон. Я предположил, что бытие «идеального» и есть феномен психики. В соответствии с таким подходом у человека есть не только

мозг, но и другой реальный орган — эйдос-навигатор. Не исключено, что психология станет ровней физике, если сделает этот орган главным предметом своего изучения.

В.П. 9. Модель тепловой машины — ее участие в навигации и работе субъектов? Сознаю: звучит странно. Но разве нельзя допустить, что Ваша модель — соучастница мирового процесса? Что она не просто отражает, но еще и творит? И тогда вовсе неважно, в каких «кодах» (формулы, нервные импульсы, картинки, как в Ваших ранних работах) она представлена. Важно, что она встроена. Известный парадокс Эдипа (не путать, конечно, с эдиповым комплексом!): есть саморазрушающиеся и самоподтверждающиеся прогнозы. Осознание (рефлексия), как Вы убедительно показали в книге, — активно, действенно⁶. И быть может, сейчас, в тот самый момент, когда Вы строите ее, промышливаете, зарисовываете, говорите о ней, она сама строит-достраивает мир, который стремится в себе отразить? Сопровождает Космических субъектов в их неустанной саморефлексии? Образуется особое звено в цепочке тепловых машин, заряжаясь энергией от предшествующей и сообщая ее последующей?

В.Л. Вы сделали существенный шаг вперед. Действительно, модель с цепочкой тепловых двигателей может быть рассмотрена как космологическая модель. В этом случае она описывает не одного испытуемого, а мир как мегасубъекта. Но важнее, что при этом мы избегаем логических трудностей, порождаемых предположением, что у каждого отдельного материального объекта есть свой идеальный эйдос. На пути, который Вы наметили, есть лишь один объект — материальная Вселенная, у которой есть один всеобщий эйдос. Индивидуальные эйдосы являются только проекциями всеобщего эйдоса.

В.П. 10. «Сознание» — это свобода? Могут сказать: «Тепловой агрегат... Все подчинено логике необходимости... Где ж тут свобода?» На этот вопрос вопрошающий попробует ответить самостоятельно, а Вы, Владимир Александрович, проверьте правильность понимания. «Процесс осознания в модели В.А. Лефевра — это работа, интерпретируемая как “внутреннее переживание”. В момент осознания часть энергии остается незадействованной, невоплощенной. Она-то и является “субстратом” свободы, “свободной энергией” (в некоторых психологи-

⁶ Некоторое время назад в энциклопедии Ребера я прочитал, что мыши образца 1960-х гг. почему-то лучше справляются с решением интеллектуальных задач, чем мыши в 1930-х гг. (хотя порода мышей та же, да и задачи в точности те же). Множество попыток объяснить. А я — шучу (правда, не все понимают шутку, и я чувствую себя в таком случае глуповато). Все просто, говорю я, результаты ранних экспериментов были опубликованы, и будущие испытуемые каким-то образом о них узнали... Если серьезно, в наших собственных исследованиях, проведенных лет 30 назад, участники, знакомясь с достоверными прогнозами, касающимися их будущих реакций, заметно перестраивали свои ответы на вопросы теста. Словом, «счастье, когда тебя понимают, но несчастье, когда раскусили...»

ческих системах используется этот термин, например, в транзактном анализе Э. Берна). Далее: феноменологически, свобода заключает в себе два момента: свобода “от” и свобода “для” (Э.Фромм). Осмыслим, исходя из модели. Свобода “от” — это значит: не все, что имею, служит чему-то сейчас, т.е. непосредственно “идет в дело”, “работает” (энергия за пределами требуемого). Свобода “для” — это значит: уже сейчас есть что-то еще, что будет востребовано после (избыток на будущее)».

Итак, вопрос: «Сознание» = «Энергия будущего» = «Свобода». Так?

В.Л. Понятие свободы выбора вводится в аналитическую модель вполне строго. Свобода появляется, когда мир склоняет субъекта выбрать негативный полюс и субъекту это известно. В такой ситуации субъект свободен и поэтому ответствен за свой выбор. Аналогом свободного субъекта является тепловая цепочка, в которой коэффициенты полезного действия первой и второй машин очень малы. Тогда готовность выбрать позитивный полюс ведет себя хаотично, что в модели является теоретическим аналогом свободы выбора.

В.П. 11. Ваша концепция — детерминизм или...? Однако «свобода» — это одно, а «индетерминизм» — другое. И вот тут вопрос к самому автору теории. Ваша концепция — детерминизм?

В.Л. Индетерминизм, причем даже более радикальный, чем в квантовой механике, поскольку недетерминированы даже вероятностные распределения.

В.П. 12. Могу ли теперь я сказать: «Знаю...»? (вопрос риторический).

Разумные существа делят свое бытие. Счастье — это ведь не только «наслаждение жизнью» или, скажем, «достойная жизнь». Счастье в том, чтобы благополучие было продолжено, не было подорвано самой жизнью. Большой «оптимист» Ф. Энгельс писал: «Жить — значит умирать». А вот еще: «Есть болезнь, от которой умирают все. Что это?» — «Жизнь!» (это уже не Ф. Энгельс). Таковы формулы несчастья. А формула счастья: «Жить, чтобы жить» (по возможности, вечно). Но что в этом плане можем мы? Всего ничего. В этом отношении мало чем отличаемся от первобытных людей. Правда, мыслью мы забегаем вперед... Грезим: пройдет время, эти помыслы осуществятся, наши потомки научатся жить вечно. Но ведь не одни мы такие умные. Тысячи цивилизаций во Вселенной наверняка прошли этот путь. Вы обнаружили музыку во Вселенной (нет ли у Вас контрамарки в Космическую консерваторию?). Космические субъекты — не фикция. Вселенский разум — реальность. Бессмертие — существует. На вопрос: «Верите?» — твердо скажу: «Не верю! Но — знаю!» Спасибо, Владимир Александрович! Теорема доказана.

В.Л. Спасибо Вам, Вадим Артурович. Вы замечательный собеседник!

В.П. Я искренне благодарен Вам, Владимир Александрович, за Ваши ответы. Вы предлагаете совершенно особый подход в разработке того, что философы называют космизмом. Но Вы не просто поэтически одушевляете мир или рассуждаете о его одушевленности. Таких попыток в истории культуры не счесть. Вы строите

Науку о душе — в том понимании науки, которое развито К. Поппером (система эмпирически опровержимых гипотез). «Две вещи на свете наполняют мою душу священным трепетом — звездное небо над головой и нравственный закон внутри

нас» (И. Кант). В Ваших математических моделях открывается глубокая общность макро- и микрокосма. Универсальность охвата. Уникальность видения. Универсум, отражающийся в самом себе. «Космизм рефлексии».

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТИМОЛОГИИ И ТИПОЛОГИИ РЕФЛЕКСИИ В ПСИХОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ НАУКАХ

И.Н. СЕМЕНОВ

Семенов Игорь Никитович — профессор факультета психологии НИУ ВШЭ, доктор психологических наук. Академик Международной академии гуманизации образования (Магдебург—Сочи), академик Российской академии естествознания. Лауреат Премии Президента РФ в области образования. Главный редактор журнала «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования». Сфера интересов — психология мышления, рефлексии, сознания, индивидуальности, профессиональной деятельности, творчества. Основные труды: «Тенденции развития психологии мышления, рефлексии и познавательной активности» (2000), «Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно-конфликтных ситуациях» (в соавт., 2002), «Проектно-исследовательский подход в рефлексивной психологии инновационного образования» (в соавт., 2011), «Рефлексивно-организационная психология» (в соавт., 2011).

Контакты: i_samenov@mail.ru

Резюме

В статье ставятся и обсуждаются методологические проблемы этимологического анализа такой важной, но недостаточно изученной высшей психологической функции, как рефлексия. Реконструируется история проникновения этого латинского термина в русскую словесность (литературу, философию) и схематизируется периодизация развития значений понятия «рефлексия» в отечественной психологии. При этом этимология рефлексии трактуется в качестве методологического средства построения онтологических представлений о категоризируемой ею психологической реальности, что служит философским основанием для разработки теоретических моделей структуры рефлексивности. В итоге предлагается психологически дифференцированная типология видов рефлексии и их обобщенная трактовка при энциклопедическом обобщении междисциплинарных значений современного

Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг., проект № 12-01-0120. This study was carried out within «The National Research University Higher School of Economics' Academic Fund Program» in 2013–2014, research grant № 12-01-0120.

философско-научного понятия «рефлексия» как концептуально-методологического базиса для построения теории рефлексии.

Ключевые слова: рефлексия, мышление, понятие, личность, философия, человекознание, психология, методология, этимология, типология, культурология, русский язык, русская культура, литература, творчество.

О необходимости изучения этимологии рефлексии

Одним из фундаментальных достижений человекознания рубежа XX–XXI вв. является научное (в том числе психологическое) изучение рефлексивных процессов, эмпирические результаты которого систематически публикуются в ряде журналов — как российских («Мир психологии», «Вопросы психологии», «Вопросы философии», «Психологический журнал РАН», «Психология. Журнал Высшей школы экономики», «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования», «Инновационная деятельность в образовании»), так и международных («*Reflexive processes and control*» (Рефлексивные процессы и управление), «*Humanisierung der Bildung*» (Гуманизация образования) и др.). Достижения психологии рефлексии обобщаются в монографиях и учебных пособиях (Н.Г. Алексеев, Г.И. Давыдова, В.П. Зинченко, А.В. Карпов, О.И. Лаптева, В.А. Лефевр, А.В. Россохин, А.В. Растянников, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, Д.В. Ушаков и др.). Так, в рамках одной лишь психологии сформировалось несколько научных школ исследования рефлексии (Н.Г. Алексеев, О.С. Анисимов, В.В. Давыдов, А.В. Карпов, В.А. Лефевр, В.А. Пет-

ровский, И.Н. Семенов, Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадриков, Г.П. Щедровицкий и др.).

Весьма перспективным является изучение рефлексии как важного механизма внутреннего мира индивидуальности человека в процессе развития его духовных и профессиональных способностей (Шадриков, 2010). В этом направлении мы ведем экспериментальное исследование рефлексивных особенностей формирования духовности и целеобразования как ценностного аспекта ментальности молодежи. Эти опыты базируются на философско-методологической основе как теоретической предпосылке психологического изучения проблематики рефлексии. Полученные в различных исследованиях данные о рефлексивных процессах нуждаются в концептуальных обобщениях, теоретическом углублении трактовки ключевых понятий и историко-научном обосновании исходных позиций в свете новых экспериментальных фактов. Конструктивными прецедентами подобной теоретической (вплоть до этимологической) проработки ключевых понятий являются известные труды Б.М. Теплова, В.Д. Шадрикова по психологии способностей и одаренности и О.К. Тихомирова по мышлению.

Однако по сравнению с другими психологическими процессами (памятью, восприятием и особенно

мышлением, имеющим многовековую традицию теоретической проработки проблематики и ее экспериментальной верификации) рефлексия значительно менее концептуализирована, в частности, в плане методологического и этимологического обоснования ее как научного понятия, причем философского по своему происхождению и в основном психологического по словоупотреблению. Так, в наиболее фундаментальной ретроспекции историко-философского анализа рефлексии в статье А.П. Огурцова в «Философской энциклопедии» нет даже сведений об этимологии этого термина (Огурцов, 1967, с. 499), а в статье М.Г. Ярошевского «Рефлекс» имеется лишь краткое указание на то, что «Рефлекс (от *лат.* reflexus — в переносном значении — отражение) — общий принцип регуляции поведения живых систем» (Ярошевский, 1967, с. 498).

Развернутую попытку этимологического анализа рефлексии предпринял Н.Г. Алексеев: «Слово “рефлексия”, производно от латинского слова “*reflexus*”, что означало: внутреннюю, обращенную к морю и отражающую его волны сторону залива... В XVII в. появился, пришедший из Киева, первый неприжившийся и, по всей видимости, неудачный перевод — восклонение. И только в 1848 г. в работах В.Г. Белинского была впервые введена калька с немецкого, т.е. наше современное звучание (и смысловое осознание) этого слова» (Алексеев, 2004, с. 13). Проведенное нами этимологическое исследование истории проникновения в русский язык слова «рефлексия» в процессе критического мышления (Семенов,

2000) выявляет не только его традиционно указываемые латинские корни, но и польские (не только немецкие) заимствования, эволюцию ассимиляции которых российской литературно-философской мыслью необходимо учитывать при теоретической разработке и методологическом обосновании научного (в частности психологического) значения понятия рефлексии.

Слово «рефлексия» все шире используется в современном русском языке: как в разговорном обиходе, так и особенно в научной речи, в частности в психологии. Еще совсем недавно — на рубеже 1980–1990-х гг. среди 12 000 наиболее общеупотребительных слов на русском и украинском языках было лишь слово «рефлекс» и не было слова «рефлексия». Сейчас же выходят книги, посвященные различным аспектам рефлексии, а само это слово становится общеупотребительным не только в научном, но и в обиходном языке. Об этом, в частности, свидетельствуют некоторые эмпирические данные о словупотреблении рефлексии в современной языковой практике.

Эмпирическое исследование употребления слова «рефлексия»

Анализ закономерностей употребления в современном русском языке слова «рефлексия» предполагает проведение специальных лингвистических и психолингвистических изысканий. В связи с этим нами было предпринято следующее пилотажное эмпирическое исследование.

Испытуемым студентам-первокурсникам одного из столичных гуманитарных университетов перед

чтением семестрового курса «психология» предлагалось письменно раскрыть значение 20 основных психологических терминов (психика, восприятие, память, личность и т.п.), в том числе и однокоренных слов, но с принципиально разным значением, как «рефлекс» и «рефлексия». Это же задание повторялось через три с лишним месяца после завершения данного курса, одной из подтем которого являлась психология рефлексии. Предполагалось, что, вероятно, далеко не все современные вчерашние школьники, а ныне абитуриенты (напомним, что наше задание предъявлялось первокурсникам в самом начале учебного года, причем еще до чтения им курса лекций) знакомы с термином «рефлексия». Поэтому была выдвинута гипотеза, согласно которой лишь некоторая часть испытуемых смогут правильно раскрыть значение термина «рефлексия», продемонстрировав при этом некоторое эмпирическое разнообразие его словоупотребления.

В результате сравнения двух проведенных срезов оказалось, что после усвоения студентами содержания даже краткого курса психологии с особой подтемой «рефлексия» определение ими его значения стало более содержательным и верным. Об этом свидетельствуют следующие факты, полученные в нашем эмпирическом пилотажном исследовании.

По данным первой серии опытов, из 100 испытуемых 47% человек не смогли раскрыть значение слова «рефлексия» (ответ «Не знаю» или пропуск этого пункта задания), 18% ответили неверно (ответ «Это наука о рефлексах» либо «Цепь, система рефлексов»), 18% дали неопределен-

ные ответы и лишь 17% ответили правильно (написав, что это «самоанализ, самооценка, самонаблюдение, самосознание и т.п.»). Итак, оказалось, что чуть меньше пятой части абитуриентов, поступивших в гуманитарный университет, имеют вполне верное представление о рефлексии.

Иная картина выявилась после усвоения первокурсниками краткого курса лекций по общей психологии с подтемой о рефлексии. Так, по данным второй серии опытов, из 72 испытуемых (в это время многие болели гриппом и не участвовали во втором срезе) лишь 2 человека дали неверный ответ (2.8%), 11 — неопределенный (15.2%) и 59 студентов ответили правильно (82.0%). Итак, оказалось, что в результате обучения курсу психологии (с пройденной студентами в его середине подтемой «рефлексия») количество верных представлений возросло на 65.0%.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что подавляющее большинство студентов эффективно усваивают научное содержание термина «рефлексия» в контексте обучения даже краткого курса психологии с подтемой «рефлексия».

Однако в связи с эмпирическим анализом словоупотребления термина «рефлексия» интерес вызывает не столько этот полученный тривиальный и в общем-то ожидаемый вывод, сколько выявленная в результате нашего пилотажного исследования феноменология словоупотребления рефлексии современной студенческой молодежью. В связи с этим наибольший интерес представляют данные правильного понимания термина «рефлексия», представленные в

формулировках его значения первокурсниками (фактически вчерашними школьниками-абитуриентами) в первой серии опытов, т.е. в первоначальном срезе его словоупотребления. При этом оказалось, что из 17 верных ответов 1 приходится на понимание рефлексии как критики, 4 как самопознания, 3 как самооценки, 7 как самоанализа и 2 как одновременно самоанализа и самооценки. Среди множества тривиально неверных ответов (согласно которым рефлексия — либо «цепь рефлексов», либо «наука о них») любопытны 2 ответа, являющиеся отголоском еще бытующих негативных представлений о рефлексии как некоей «болезни».

Показательна в этом отношении формулировка одного студента: «Рефлексия — осмелюсь предположить, что это поведение, основанное на частом повторении одного и того же действия. По-моему, это патология». Перед этим он четко сформулировал, что «Рефлекс — действие, основанное на частом повторении того или иного действия или безусловные действия на раздражимость». С учетом такого ответа ясно, что, не имея определенного представления о рефлексии, этот первокурсник сначала проецирует на нее известную ему из школьного курса биологии физиологическую трактовку рефлекса, а потом, как бы спохватываясь, припоминает: ведь рефлексия как-то связана с «патологией» и фиксирует тем самым свое интуитивно негативное ее понимание, которое позднее сменилось позитивным, о чем свидетельствуют данные второго среза.

Помимо этого, встречаются и в первом срезе позитивные представ-

ления о рефлексии. Так, например, одна студентка считает: «Рефлекс — реакция человека на те или иные раздражители. Может быть условным и безусловным». Она дает весьма развернутую и в целом верную формулировку: «Рефлексия — оценка человеком собственных и чужих реакций. Каждому человеку в той или иной степени свойственна саморефлексия, т.е. размышление о правильности, неправильности, рациональности и т.д. собственных поступков и решений. В какой-то степени рефлексия — это подведение итогов». Исходя из представления о реакции (как общего начала и для рефлекса, и для рефлексии), эта первокурсница видит в рефлексии их оценку, подчеркивает роль размышления в саморефлексии и отмечает ее позитивность в виде конструктивного «подведения итогов».

Необходимо подчеркнуть, что бытующие среди современной студенческой молодежи представления о рефлексии, естественно, отражают сложившиеся в русском языке традиции словоупотребления этого термина, зафиксированные в толковых словарях, конкретизированные в специализированных словарях и обобщенные в универсальных энциклопедиях.

Об этимологии термина «рефлексия»

Термин «рефлексия» в русском языке имеет иностранное происхождение. В переводе с латыни *reflexus* означает отражение (Словарь иностранных слов, 1975, с. 443). Словообразование таково: «флексия» — по-латыни *flexio* — сгибание,

изгиб (Там же, с. 554), а «ре» — приставка, обозначающая, во-первых, возобновление или повторность действия или, во-вторых, противоположное действие, противодействие (Там же, с. 428). Отсюда получается, что «ре + флексия» означает как бы возобновленное (повторное, удвоенное) сгибание (скручивание по восходящей спирали), ведущее к противоположному (во всяком случае иному) действию (результату).

Согласно «Словарю иностранных слов» (Там же, с. 443), различается три значения более известного (чем рефлексия) слова рефлекс: «1) ответная реакция через нервную систему (ВНД — высшую нервную деятельность) на воздействие среды; 2) оттенок цвета, возникающий при падении на предмет света, отраженного от других объектов; 3) отражение, следствие чего-либо». В первых двух случаях чисто естественно-научное словоупотребление: физиологическое (психофизиологическое) в первом и физическое (оптическое) во втором, а в третьем гуманитарное — философское (логическое). Общими для всех этих трех случаев научного словоупотребления термина «рефлексия» является вторичность действия и наличие особого механизма (процедуры или способа) обеспечения особого, специфического эффекта этого действия. Причем если сопоставить второе, по сути оптико-физическое значение термина «рефлекс» с проведенным выше анализом словоупотребления термина «ре + флексия», то получим как бы каскад взаимоотношений (в виде движения изгибающегося луча света), определяющих возникновение нового качества (в виде оттенка цвета).

Собственно, заимствованное русским языком иностранное (латинское по своей этимологии) значение термина «рефлексия» двояко: 1) размышление, полное сомнений и противоречий; 2) анализ собственного психического состояния (Там же, с. 443). Подчеркнем, что в первом случае отмечается связь рефлексии с разумом и дается ее интеллектуалистическое толкование, а во втором — с самим субъектом и с ее личностным толкованием.

Добавим, что существует и математическая операционализация рефлексии. Так, согласно «Математическому словарю», «рефлексивность — свойство бинарного отношения содержать диагональ прямого квадрата рассматриваемого множества: отношение R рефлексивно, если xRx при всех x » (Каази́к, 1985, с. 215). В соответствии с этим, рефлексивное пространство — пространство, изоморфное своему второму сопряженному пространству (Там же), а самосопряженное пространство — пространство, изоморфное со своим сопряженным пространством (Там же, с. 218). Помимо этого, употребление слова «рефлексия» в русском языке также исходит из традиции не только науки, но и культуры.

О типологии употребления слова «рефлексия» в русском языке

Какова же типология употребления термина «рефлексия» в современном русском языке? В фундаментальном «Толковом словаре великорусского языка» В.И. Даля, обобщившем словарный состав русского человека первой половины XIX в., слово «рефлексия», разумеется, не

встречается. И это естественно — ибо его интервенция в русский литературный язык была совершена В.Г. Белинским (хотя само это слово в его латинском и французском вариантах еще в XVIII в. завез в Россию поэт А. Кантемир после путешествия в Европу). Однако уже в середине XIX в. В.И. Даль указывает отнокоренные с рефлексией слова.

По данным «Словаря современного русского литературного языка» (М.:Л., 1961. Т. 12), слово «рефлексия» появляется в русских словарях еще до литературно-критической деятельности В.Г. Белинского, а именно в начале XIX в., но в ином — оптическом, т.е. физико-техническом (а не гуманитарном) значении. Так, слова «рефлексия или рефлексия» уже встречаются в «Новом словотолковом словаре» Яновского в 1806 г., а по известному словарю В.И. Даля (СПб., 1863–1866): «рефлекс — отраженный свет» и «рефлексия — отражение (больше: о лучах света)» (Даль, 1955, т. IV).

А вот во второй половине XIX в. в словаре Михельсона (1866) уже встречается слово «рефлексия». О неустойчивости этого слова в тогдашнем русском языке свидетельствует тот факт, что в «Словаре общедоступных сведений по всем отраслям знания» С.Н. Южанова (СПб., 1886. Т. 16) слово «рефлексия» не встречается вовсе. Но в «Энциклопедическом словаре» (СПб., 1899) в т. XXVI уже приводится ряд однокоренных слов: «рефлексив (грамматич.) то же, что возвратный залог»; «рефлексов паралич»; «рефлексы» /в физиологическом значении/; «рефлекторные движения»; «рефлекторные явления» и, наконец, «рефлектор — отражатель-

ный телескоп» (Там же, т. XXVI, с. 287–288), а вот слово «рефлексия» и в этом словаре не встречается. Иная картина в первой половине XX в.

Обратимся к анализу современного употребления термина «рефлексия». В «Толковом словаре» Д.Н. Ушакова (1939) отмечается, что слово «рефлексия» происходит от позднелатинского «загиб, заворот» и от новолатинского «отражение». В середине XX в. в «Словаре современного русского литературного языка» (М.:Л., 1961. Т. 12) различается два значения слова рефлексия: 1) размышление, полное противоречий, сомнений и колебаний, анализ своих мыслей и переживаний; и 2) то же, что и рефлекс. Последнему имеются свои историко-научные и философско-методологические основания (Семенов, 1989), но важно отметить другое, а именно что в этих толкованиях акцентируется скорее негативное (сомнения, колебания), чем позитивное (преодоление противоречий) значение слова «рефлексия».

В фундаментальном переиздании «Толкового словаря» под редакцией Д.Н. Ушакова (первое издание которого вышло в 4 томах в 1935–1940 гг.) отмечается, что слово «рефлексия» (от латинского *reflexio*: отклонение, размышление) означает: 1) физическое — отражение света на поверхности предмета, 2) психическое — размышление, внутренняя сосредоточенность, склонность анализировать свои переживания (Ушаков, 2002, с. 101). Относительно же образования этого термина важно учесть, что, по Д.Н. Ушакову, «флексия» (*flexio*) буквально означает «изгиб, сгибание», флектор (*flexor*) — сгибатель,

а флексура — в геологии: изгиб или смещение участков земной коры в вертикальном направлении без разрыва, но с натяжением (Там же, с. 526–527).

В слове «рефлексия» благодаря приставке «ре» указывается на «возвратность, повторность» действия вплоть до «противодействия» или даже «противоположности». Отсюда обнаруживается как бы возвратно-поступательный характер рефлексивного действия, причем иногда с противоположным (относительно его начала) эффектом. В связи с этим в психологическом плане можно провести аналогию между «участками земной коры» и «пластами (слоями) сознания». Отсюда следует, что с учетом геологической аналогии термин «рефлексия» мог бы обозначать возвратно-поступательную работу мышления или сознания, в процессе чего происходит смещение по вертикали его слоев, т.е. переход с одного уровня на другой. Заметим, что о слоях сознания говорится в трудах В.П. Зинченко (Зинченко, 1991), а об уровнях рефлексивной регуляции мышления — И.Н. Семенова (Семенов, 1990, 2000).

Перейдем от анализа этимологии слова «рефлексия» в русском языке к типологии словоупотребления через выяснение значений однокоренных слов или производных от него. Базовым в этом ряду является слово «рефлекс». По Д.Н. Ушакову, это: 1) первичная реакция организма на внешние раздражения (например, условный рефлекс); 2) отражение, следствие, реакция, вторичное явление, вызываемое другим (например: религиозные споры являлись рефлексом обострения классовой борь-

бы); 3) отражение оттенков окраски какого-нибудь яркого предмета на теневой стороне другого соседнего предмета (например, в живописи: рефлексы зеленой листвы на белой стене дома). Если в первом и третьем случаях приводятся специфические значения слова «рефлексия», то во втором дается его более общее значение с акцентом на непреложность и вторичность этого явления. При этом важно подчеркнуть, что во втором случае отмечается как бы механизм или способ осуществления рефлекса в виде оптической игры светотени.

Согласно Д.Н. Ушакову, словом «рефлексный» обозначается в радио рефлексивная схема, т.е. соединение элементов приемника, в котором лампа работает вдвойне для усиления как высокой, так и низкой частоты. Тем самым в технике рефлексия трактуется как усилитель частоты посредством опять-таки двоякой функции одной и той же лампы. Далее Д.Н. Ушаков указывает технический прибор рефлексометр, измеряющий коэффициент преломления света при помощи явлений полного внутреннего отражения, а главное — прибор рефлектор (от лат. reflecto — отражение), означающий: 1) в астрономии — телескоп, снабженный отражательным, вогнутым зеркалом; 2) отражатель света в форме изогнутого зеркала, направляющий луч в нужном направлении (Ушаков, 2002, с. 101). Иначе говоря, с учетом этой технической метафоры рефлексия обладает интенсивной интенциональностью (направленностью) самосознания.

А вот, казалось бы, производное от существительного «рефлектор»

прилагательное «рефлекторный» означает, по Д.Н. Ушакову, «бессознательно реагирующий на внешние раздражения», хотя глагол «рефлектировать» (от лат. *reflecto* — отклоняю, отражаю) означает: 1) отвечать рефлексом на внешние раздражители; 2) раздумывать, размышлять о чем-нибудь с большой внутренней сосредоточенностью (Там же, с. 101–102). Если в первом случае дается физиологическая трактовка термина, то во втором уже собственно психологическая. Правда, прилагательное «рефлексивный или рефлексивный», по Д.Н. Ушакову, означает лишь: непроизвольный, подсознательный, машинальный, являющийся рефлексом (в значении 1), т.е. то же, что «рефлекторный».

На наш взгляд, такое толкование Д.Н. Ушакова справедливо лишь относительно прилагательного «рефлексивный», но отнюдь не прилагательного «рефлексивный», ибо это противоречит вышеприведенному значению, во-первых, существительного «рефлексия» (как размышления или склонности к анализу переживаний) и, во-вторых, глагола «рефлектировать» в значении раздумывать, размышлять. Это подтверждается и более лапидарным и современным толкованием слова «рефлексия» в «Толковом словаре» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (первое издание в 1949 г., современное в 2000 г.): «рефлексия (книжное) — размышление о своем внутреннем состоянии, самоанализ; прилагательное — рефлексивный» (Ожегов, Шведова, 2000, с. 678).

Итак, в современном русском языке переводное с латыни слово «рефлексия» и однокоренные с ним

и производные от него слова употребляются в значениях, используемых всеми основными видами современных наук: естественными (математика, астрономия, физика, оптика, геология), техническими (электротехника, радиотехника), биологических (физиология, психофизиология, рефлексология) и гуманитарными (психология, философия, логика). Поскольку нас интересует психология рефлексии, то обратимся к толкованию этого термина в психологических словарях, а также в философских — как базовых для понятийно-категориального аппарата современной психологической науки.

О философских значениях термина «рефлексия»

Известно, что философско-научным истоком европейской цивилизации является античная, греко-римская культура. Термин «рефлексия» позднелатинского (на рубеже Средневековья и Возрождения) происхождения, в эпоху античности его не было. Хотя, естественно, в древнегреческой философии и в древнеримской литературе (лирике, прозе, риторике и публицистике) существовали аналоги содержания, эквивалентного значению термина «рефлексия» (например, Сократ говорил о самопознании души). Обратившись к «Словарю античности» (пер. с нем. — М.: Прогресс, 1989), обнаружим, что слова «рефлексия» в нем не имеется.

В «Современном философском словаре» отмечается, что «по Канту... рефлексия — осознание отношений, а история понятия “рефлексия”

выделяет эмпирическую, логическую, трансцендентную рефлексию» (Современный философский словарь, 1998, с. 417).

В дореволюционном «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона крупнейший русский философ XIX в. В. Соловьев отмечает, что интуиция происходит от латинского слова «глядеть» и что она противопоставляется рефлексии.

Через сто лет после этого в «Иллюстрированном энциклопедическом словаре» (2001) отмечается, что рефлексия происходит от латинского «обращение назад» и выделяется два основных значения этого термина: 1) размышление, самонаблюдение, самопознание и 2) философская форма познания, теоретическая деятельность человека, направленная на осмысление своих собственных действий и их оснований.

В наиболее обстоятельной статье «Рефлексия» А.П. Огурцов в «Философской энциклопедии» (Огурцов, 1967) приводит следующее определение: «Рефлексия — форма теоретической деятельности общественно-развитого человека, направленная на осмысление своих собственных действий и их законов; деятельность самопознания, раскрывающая специфику духовного мира человека». Близкое определение дает в «Философском энциклопедическом словаре» А.А. Митюшин: «Рефлексия (от позднелатинского *reflexio* — обращение назад), принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление и осознание собственных форм и предпосылок; предметное рассмотрение самого знания, критический анализ его

содержания и методов познания; деятельность самопознания, раскрывающая внутреннее строение и специфику духовного мира человека» (Митюшин, 1989, с. 555). Следует заметить, что редколлегия сочла необходимым поместить в этот словарь статью И.Н. Семенова «Вюрцбургская школа психологии мышления», ибо эта школа оказала существенное влияние на развитие метода самонаблюдения и самопознания, а также на психологическое изучение рефлексии (Семенов, 2001, 2012). Эти философские определения конкретизируются психологами.

О психологических трактовках рефлексии

В «Кратком словаре системы психологических понятий» К.К. Платонов определяет рефлексию как «самопознание в виде размышлений над собственными переживаниями, ощущениями и мыслями. Понятие и термин, идущие от античной философии и заимствованные психологией» (Платонов, 1984, с. 123–124). В «Кратком психологическом словаре» отмечается, что «рефлексия — самопознание субъектом внутренних психических актов и состояний» (Краткий психологический словарь, 1989, с. 303–304). Если вспомнить, что по Дж. Локку рефлексия — наблюдение душой своих собственных состояний, то получается, что психология за три века так и не продвинулась в понимании и изучении рефлексии. Если же обратиться к наиболее фундаментальному российскому «Психологическому словарю», где нет статьи «рефлексия», а упоминается лишь ряд однокоренных

терминов — рефлекс, рефлекторное кольцо и т.п. (Психологический словарь, 1996, с. 328–329), то оказывается, что рефлексия как бы вне пределов психологии... Это тем более странно, что среди многочисленных теоретико-экспериментальных и психолого-педагогических прикладных исследований редактора словаря В.В. Давыдова и его научной школы имеются и работы, специально посвященные изучению рефлексии (А.З. Зака, А.В. Захаровой и др.). Все это лишний раз свидетельствует о том, как непросто обстоит дело относительно научного (прежде всего психологического) изучения рефлексии.

Интерес к рефлексии наблюдается ныне именно на переднем крае психологической науки, в частности, в такой новой области современного человекознания, как возникающая и отпочковывавшаяся от нее акмеология, что нашло свое отражение в «Акмеологическом словаре». Здесь рефлексия трактуется как «самоанализ, осмысление, оценка предпосылок, условий и течения собственной деятельности, внутренней жизни субъектом. К рефлексии относятся такие явления, как самопознание, переосмысление и перепроверка своего мнения о себе, о других людях и о том, что, по мнению субъекта, думают о нем другие люди, как они его оценивают и к нему относятся... В настоящее время наиболее изучена рефлексия, сопровождающая собственную индивидуальную деятельность человека по решению нестандартных (творческих) задач. Такую рефлексия называют интеллектуальной. Исследуется рефлексия в процессе общения, а также некото-

рые аспекты рефлексии в педагогической деятельности» (Абульханова и др., 2004, с. 107–108).

Поскольку «предметом акмеологии являются процессы и механизмы совершенствования личности и как индивидуальности в жизни, деятельности (профессии), общении, приводящие к наиболее оптимальному способу самореализации в жизни, к конструктивному, компетентному, высокопрофессиональному осуществлению деятельности в качестве субъекта» (Абульханова и др., 2004, с. 14), то для акмеологии в силу распространенности в ней деловых и организационно-деятельностных игр и психотехнологий «игрорефлексии» (Семенов, 1990) особый интерес представляет «Рефлексия игротехническая» как «рефлексивный процесс, осуществляемый игротехником в ходе игры или после нее по поводу своих игротехнических действий, возникших в решении игротехнических задач и проблем затруднений относительно фиксированных рамок игры» (Абульханова и др., 2004, с. 108).

В настоящее время изучение рефлексии носит междисциплинарный комплексный характер и осуществляется в Институте рефлексивных процессов и управления (директор — профессор В.Е. Лепский) и Институте рефлексивной психологии творчества и гуманизации образования (ИРПТиГО, директор — профессор И.Н. Семенов), созданном в 1995 г. при Международной академии гуманизации образования (президент — академик РАО, профессор М.Н. Берулава). ИРПТиГО за 18 лет своего существования провел ряд международных конференций и симпозиумов

по актуальным проблемам психологического и междисциплинарного изучения рефлексивных процессов, ежегодно публикуя их материалы в виде сборников, монографий и пособий по рефлексивной психологии, акмеологии и педагогике.

Результаты научных исследований и практико-ориентированных разработок проблематики рефлексии систематически публикуются в научных изданиях, где широко освещены как история развития философских и научных (в том числе психологических) представлений о рефлексии (Семенов, 1989), так и ее современные трактовки (Н.Г. Алексеев, В.В. Давыдов, В.П. Зинченко, А.В. Карпов, В.Е. Лепский, В.А. Лефевр, В.А. Петровский, И.Н. Семенов, Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадриков и др.). С позиций одной из них (Семенов, 1990) представлена именно рефлексивная специфика изучения психической реальности, историко-философская, концептуально-методологическая, теоретико-методическая, экспериментально-эмпирическая и организационно-практическая проработка которой привела к образованию такого нового направления в человекознании, как рефлексивная психология творчества (Семенов, 1990, 2000).

Интегральная трактовка рефлексии с позиций современного человекознания

Интегрируя многообразие сложившихся в современном человекознании представлений о рефлексии (в этимологии, культурологии, философии, логике, методологии, гносеологии, психологии, акмеологии, пер-

сонологии, педагогике), этому понятию можно дать следующее системно-концептуальное определение.

Рефлексия (лат. отражение) — высшая психическая функция, интегрирующая и регулирующая взаимодействие психических процессов; обеспечивает посредством самонаблюдения и самообщения осознание и самопонимание человеком собственных чувств, мыслей, действий и переосмысление состояний и поступков своего Я, благодаря самосознанию которого формируется и раскрывается его индивидуальность как субъекта жизнедеятельности. Изучение рефлексии имеет многовековую историю как ее философского анализа (от Античности до Новейшего времени), так и собственно научного, в частности психологического, исследования, развернувшегося лишь в XX в. (О. Кюльпе, С.В. Кравков, А. Бузман, П.П. Блонский, В.А. Лефевр, Ж. Пиаже, В.В. Давыдов, А.З. Зак, И.Н. Семенов, Н.Г. Алексеев, А.В. Карпов, В.А. Петровский, А.В. Россохин и др.). Процессуально рефлексия представляет собой созерцание осуществляющегося бытия посредством наблюдения человеком над совершающимся и переживаемым событием и содеянным в нем собственным поступком или осуществленной при этом деятельностью, что феноменологически выступает как акты самонаблюдения субъекта, ведущие в конечном счете к самосознанию личностью своей индивидуальности — уникального и неповторимого своеобразия своего целостного Я, которое самоактуализируется и самореализуется в проблемно-конфликтных ситуациях жизнедеятельности.

Начало философского выделения проблематики рефлексии восходит к Античности: Сократ учил «Познай самого себя!», в системе Платона разрабатывались вопросы сознания и самосознания, а Аристотель выделил, по сути, интеллектуальную рефлексия, различая «мышление о мышлении» и само мыслительное рассуждение. Феноменология личностной рефлексии представлена в «Исповеди» Августина (IV в.) и «Истории моих бедствий» П. Абеляра (XII в.). Само латинское слово «reflexio» начинает специфически использоваться в Италии лишь на рубеже Средневековья и Возрождения, первоначально обозначая эффект большего усиления волн в середине бухты по сравнению с волнением в открытом море. Отсюда термин «рефлексия» генетически связан со своим социокультурным прототипом, обозначающим, по сути, эффект взаимоусиления (т.е. интенсификации) вследствие возвратного (т.е. ретроспекции) взаимоотражения волн. В дальнейшем понятие рефлексии как напряженной работы духа посредством ретроспективного созерцания и рационалистического самоанализа стало активно использоваться в философии Нового времени (И. Фихте «Факты сознания», Г. Гегель «Феноменология духа») и в эмпирической психологии (от Дж. Локка до В. Вундта) XVII–XIX вв. в качестве объяснительного принципа наряду с ассоциацией.

Начало же собственно психологическому изучению рефлексии было положено Дж. Локком, трактовавшим ее как наблюдение душой за своими собственными состояниями. Хотя проблематика рефлексии изна-

чально связана с интроспекцией (которая со времен Дж. Локка и до В. Вундта считалась основным методом психологического познания), однако, как это ни парадоксально, но именно рефлексия была той последней высшей психической функцией, которая стала исследоваться экспериментально. Начало этому было положено О. Кюльпе в начале XX в. в созданной им Вюрцбургской школе, где была осуществлена конструктивная попытка объективировать самонаблюдение в ходе мыслительного поиска решения задач. Тем самым было положено начало экспериментальному изучению интеллектуальной рефлексии в процессе дискурсивного мышления. Роль рефлексии в интеллектуальном развитии анализировал Д. Дьюи в «Психологии и педагогике мышления» (1916). Личностную же рефлексия начал изучать экспериментально в 1920-е гг. А. Буземан на материале эмпирического исследования самосознания подростков. В общем виде роль рефлексии в познании теоретически анализировал в 1940-е гг. в своем трехтомнике А. Марк. Экспериментальное изучение интеллектуальной рефлексии в когнитивной психологии началось в 1970-е гг. с работ Дж. Флейвелла по метакогнитивизму памяти как ретроспекции опыта. Знаменательно, что Ж. Пиаже в конце своей научной деятельности также обратился к экспериментальному изучению интеллектуальной рефлексии на материале умозаключений и рассуждений. В 1980-е гг. американские психологи А. Мезиров, О. Шён и др. обращаются к практическому освоению рефлексии, теоретико-экспериментальное изучение

которой в США продолжил эмигрировавший туда из СССР В.А. Лефевр (Лефевр, 2003).

В русской философской мысли понятие рефлексии используется с рубежа 1820–1830-х гг. преимущественно в эстетических трудах по литературной критике Д.В. Веневитиновым, А.Н. Герценом, В.Г. Белинским (при эстетическом анализе поэзии Дж.Г. Байрона и М.Ю. Лермонтова) и в продолжение всего XIX в. рядом философов и психологов. В конце столетия в эпоху Серебряного века русской культуры литературный критик и философ Ф.Э. Шперк (1871–1897) публикует первые в России книги о рефлексии: «Мысль и рефлексия» (СПб., 1895) и «Книга о духе моем» (СПб., 1896), а также «Философия индивидуальности» (СПб., 1895). Согласно нашей типологии, первая из них по своей проблематике представляет собой интеллектуально-рационалистическую рефлексии, вторая — духовно-трансцендентную, а третья — экзистенциально-личностную. В начале XX в. Б. Фогт публикует первую монографию по логической рефлексии.

В отечественной психологии начало теоретическому анализу проблематики рефлексии положено С.В. Кравковым в его труде «Самонаблюдение» (М., 1922), а ее экспериментатике — в 1930-е гг. П.П. Блонским в исследовании рефлексивности памяти школьников. В обобщающих трудах 1930–1950-х гг. Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна рефлексия трактовалась как один из объяснительных принципов развития психики. На рубеже 1950–1960-х гг. в отечественной философии и психологии

оживился интерес к проблемам деятельности и сознания (Г.С. Батищев, А.Н. Леонтьев, М.К. Мамардашвили, С.Л. Рубинштейн, Г.П. Щедровицкий), идеального (Э.В. Ильенков) и ориентировки (П.Я. Гальперин), интуиции (В.Ф. Асмус, Я.А. Пономарев) и внимания (Н.Ф. Добрынин), самосознания (И.С. Кон, А.Г. Спиркин) и рефлексии (А.П. Огурцов, В.А. Лекторский). Начавшаяся на рубеже 1960–1970-х гг. философско-методологическая проработка проблематики рефлексии (Г.П. Щедровицкий, В.А. Лефевр) создала конструктивные предпосылки для ее научного изучения в социально-гуманитарных науках: лингвистике (Р.М. Фрумкина, Г.И. Богин), социологии (Л.Г. Ионин) и социальной психологии (Г.М. Андреева, К.Е. Данилин и др.). В психологической науке уже в 1970–1980-е гг. возникают первые, ставшие уже классическими научные школы психологии рефлексии (Н.Г. Алексеев, В.В. Давыдов, В.А. Лефевр, И.Н. Семенов), на базе развития которых позже, в 1990–2000-е гг., формируются современные школы (О.С. Анисимов, А.В. Карпов, Ю.Н. Кулоткин, В.Е. Лепский, В.И. Слободчиков, С.Ю. Степанов), причем лишь две из них (В.А. Лефевра и И.Н. Семенова) позиционируют себя в качестве научных школ собственно рефлексивной психологии, аксеологически подчеркивая онтологическое доминирование изучения рефлексивности психических процессов человека.

Поначалу отечественные классические школы психологии рефлексии в ее онтологической трактовке базировались на рационалистической

методологии в рамках информационно-кибернетического и логико-математического подхода (И.С. Ладенко, В.А. Лефевр, М.А. Розов, Г.Л. Смолян) или философско-методологического и нормативно-деятельностного подхода (Н.Г. Алексеев, В.В. Давыдов, Г.П. Щедровицкий). В оппозиции к этой сугубо интеллектуалистской трактовке рефлексии как рациональной экспликации и осознания субъектом оснований и средств мыслительной деятельности И.Н. Семенов стал разрабатывать личностно-деятельностный и структурно-функциональный подход (трансформировавшийся затем в процессуально-феноменологический и экзистенциально-культуральный), согласно которому рефлексия понимается как переосмысление человеком культурно-детерминированных и индивидуально-переживаемых содержаний своего сознания в процессе разрешения личностью проблемно-конфликтных ситуаций в контексте осуществляемой жизнедеятельности.

Эта смысловая трактовка рефлексии (на фоне традиционно-рационалистического понимания как осознанности) и ее дифференциация на различные типы (интеллектуальная, личностная, диалогическая, коммуникативная, кооперативная, культуральная, экзистенциальная, духовная) позволила перейти от ее изучения как сугубо интеллектуальной мыследеятельности (Г.П. Щедровицкий) по оперированию научными понятиями (В.В. Давыдов) и решению типовых задач (Н.Г. Алексеев) к исследованию в научной школе И.Н. Семенова рефлексии как механизма регуляции творческого мыш-

ления и самосознания субъекта сначала при дискурсивном решении творческих задач (В.К. Зарецкий, С.Ю. Степанов), а затем — при развитии и самоопределении личности (Ю.А. Репецкий, Н.А. Алюшина, Г.И. Давыдова, И.А. Савенкова), формировании индивидуальности человека в контексте его экзистенциального бытия в пространстве культуры и социума (С.Ю. Степанов, В.Г. Аникина, Н.А. Коваль, А.В. Балаева), а также как эффективного средства развития профессиональной деятельности (И.М. Войтик, А.В. Лосев), ее компетентности и культуры (А.А. Деркач, О.А. Полищук, С.Ю. Степанов), карьерной самореализации (О.Д. Ковшуро) и творческого потенциала (И.В. Байер, Е.П. Варламова) собственной индивидуальности.

Таким образом, если классической психологии рефлексии присущ в целом монистически-рационалистский подход, реализовавшийся в экспериментальном изучении интеллектуально-кооперативной рефлексии (Н.Г. Алексеев, В.В. Давыдов, Г.П. Щедровицкий) и построении на ее концептуальной базе социально-педагогических рефлетехнологий (формирования теоретического мышления, проектной мыследеятельности и процедур организационно-деятельностных игр), то современный период характеризуется переходом к системно-дифференцированному подходу (И.Н. Семенов), позволяющему вести личностно-ориентированные исследования (Н.А. Алюшина, В.Г. Аникина, Е.П. Варламова, Н.И. Непомнящая, Ю.А. Репецкий, В.И. Слободчиков) многообразия остальных видов рефлексии и их

консалтингово-психотерапевтическое (Г.И. Давыдова, С.А. Смирнов), тренингово-игровое (Р.Н. Васютин, С.Ю. Степанов), организационно-деловое (О.С. Анисимов, Ю.В. Громыко, В.Е. Лепский) и профессионально-социальное (А.А. Деркач, А.В. Карпов, О.Д. Ковшуро, А.В. Лосев, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов) взаимодействие в комплексно-прикладных разработках рефлексивно-психологического обеспечения различных сфер социальной практики: образования, здравоохранения, управления, экономики.

Проведенный историко-научный анализ эволюции проблематики рефлексии позволяет (Семенов, 2001) дифференцировать следующие основные этапы ее философского анализа и научного изучения посредством рефлексивной психологии.

Первый — латентный — этап относится к Античности (Сократ, учивший самопознанию) и раннему Средневековью, когда проблематика рефлексии существовала в неявном виде (пока еще без ее специального понятийного обозначения), хотя уже затрагивалась в тех или иных философских учениях (Платон, Аристотель, Плотин, Августин, Абельяр, Фома Аквинский) как особая реальность, важность значения которой достаточно чувствовалась для познания человека и освоения им собственного внутреннего мира.

Второй — терминологический — этап на рубеже позднего Средневековья и раннего Возрождения, когда в Италии латинское слово *reflexio* стало фиксировать эффект более значительного усиления волнения в центре бухты, чем в открытом море во время бури, а также про-

изошел терминологический перенос обозначения этого феномена интенсификации взаимоотражения на описание интенсивной душевной жизни человека в процессе самопознания.

Третий — категориальный — этап Нового времени (Р. Декарт, А. Монпелье, Б. Паскаль, Дж. Локк, Г. Лейбниц, И. Фихте, Г. Гегель), когда в рационалистической философии выделяется особая феноменологическая реальность рефлексии как отраженности либо действия (в виде рефлекса, по Р. Декарту и А. Монпелье), либо душевных состояний (в виде интроспекции, по Ф. Бэкону и Дж. Локку) и определяется ее онтологический статус в качестве подлежащей естественно-научному изучению рефлекторной дуги либо в качестве подлежащего гуманитарному постижению путем самонаблюдения процесса самосознания (в пределе как трансцендируемой субъективной ступени развития абсолютного духа, по Г. Гегелю) человека или самопознание его индивидуальности, переживающей самораскрытие своей уникально-неповторимой экзистенции (по С. Кьеркегору).

Четвертый — эмпирический — этап Новейшего времени (В. Вундт, Э. Титченер, В. Джемс, О. Кюльпе), когда на рубеже XIX–XX вв. в психофизиологии разрабатывались объективные методы экспериментального изучения рефлексов как материального субстрата психики (И.М. Сеченов, Ч. Шеррингтон), а в Вюрцбургской школе были заложены основы для психологического познания рефлексии (в качестве интенциональности мышления и смысловых установок сознания) путем

систематической и стандартизированной интроспекции, объективировавшей самонаблюдение.

Пятый — онтологический — этап относится к началу XX в. (Г. Риккерт, В. Дильтей), когда в силу неокантианского разделения познания на науки о природе и науки о духе произошла не только дифференциация естественно-научного подхода, призванного изучать рефлекторность психики (В.М. Бехтерев) как высшей нервной деятельности (И.П. Павлов), и подхода гуманитарного, призванного изучать сознание как смысловое понимание человеком себя в мире (В. Дильтей, М.М. Рубинштейн), но и, по сути, двух противоположных трактовок рефлексии: как интеллектуального процесса мышления (Д. Дьюи) и личностного процесса самосознания (А. Бузман).

Шестой — гносеологический — этап в середине XX в., когда в обобщающих трудах (А. Марк, Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн) по психологии рефлексия трактовалась в качестве одного из объяснительных принципов развития психики и сознания деятельной личности.

Седьмой — методологический — этап, когда в отечественной философии на рубеже 1950–1960-х гг. (В.С. Библер, М.К. Мамардашвили, А.П. Огурцов) стали разрабатываться конструктивные подходы к изучению рефлексии как идеального (Э.В. Ильенков) и рационального основания социальной и предметной деятельности (Г.С. Батищев, А.Н. Леонтьев, Г.П. Щедровицкий) человека, а также важного начала (в виде «нравственного чувства») или компонента (в виде самосознания) его жизнедея-

тельности как активного самодетельного субъекта (С.Л. Рубинштейн, Ф.Т. Михайлов, А.Г. Спиркин).

Восьмой — методический — этап, когда в отечественной психологии на рубеже 1960–1970-х гг. стали разрабатываться научные, логико-психологические методы (математико-логического, логико-генетического, нормативно-деятельностного, категориально-нормативного анализа понятийного, проблемного, продуктивного, дискурсивного мышления и сознания) в целях экспериментального изучения рефлексии как средства организации сознания и мыследеятельности, а также теоретического и творческого мышления в контексте инженерно-психологических, социально-психологических и психолого-педагогических исследований (Н.Г. Алексеев, В.В. Давыдов, И.С. Ладенко, В.А. Лефевр, И.Н. Семенов).

Девятый — предметный — этап, когда в 1970-х гг. стали дифференцироваться различные предметные трактовки рефлексии как интеллектуального средства организации мыследеятельности, свойства мышления и личности, группового сознания и индивидуального самосознания, а также вестись реализующие их экспериментальные исследования (В.В. Давыдов, А.З. Зак, В.А. Лефевр, В.Е. Лепский, Г.М. Андреева, К.Е. Данилин, Ю.Н. Кулюткин, И.Н. Семенов, В.К. Зарецкий).

Десятый — концептуальный — этап, когда на рубеже 1970–1980-х гг. рядом ученых (Г.П. Щедровицкий, В.А. Лефевр, В.В. Давыдов, Н.Г. Алексеев, Я.А. Пономарев, И.Н. Семенов) средствами системно-структурной

методологии и метакогнитивной психологии были разработаны обобщенные концептуальные модели рефлексии как контролирующего, регулирующего, организующего и проектирующего механизма развития социального взаимодействия, мыследеятельности субъекта и самосознания личности.

Одиннадцатый — психотехнологический — этап, когда в 1980-е гг. стали разрабатываться тренинго-игровые технологии (оргдеятельности, игротехники, интеллектики, рефлексики, игрорефлексики, рефлепрактики) психологического освоения рефлексии и ее развития как способности личности к самоорганизации, самоанализу, самосознанию, самонормировке, самопроектированию, а также как выращиваемой специфической культуры совместной деятельности, социального взаимодействия, корпоративного общения, продуктивного творчества и саморазвития индивидуальности (Г.П. Щедровицкий, И.С. Ладенко, Н.Г. Алексеев, В.И. Слободчиков, Л.А. Петровская, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов).

Двенадцатый — прикладной — этап, когда на рубеже 1980–1990-х гг. рефлексивные модели и рефлетехнологии стали использоваться в качестве средств проектирования и оптимизации профессиональной и управленческой деятельности педагогов, госслужащих, менеджеров, политтехнологов, имиджмейкеров (Н.Г. Алексеев, Л.Н. Алексеева, О.С. Анисимов, Ю.В. Громыко, В.К. Зарецкий, Н.Б. Ковалева, В.Е. Лепский, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов, А.А. Тюков, П.Г. Щедровицкий).

Тринадцатый — пропедевтический — этап, когда на рубеже

1990–2000-х гг. установленные и верифицированные в результате различных фундаментальных и прикладных экспериментальных исследований подходы, модели, факты и закономерности, характеризующие закономерности и динамику рефлексивных процессов, а также рефлетехнологии их развития и организации стали концептуально обобщаться, технологически алгоритмизироваться и дидактически интегрироваться в качестве учебно-методических пособий и преподаваться в виде курсов, спецкурсов, практикумов в системе высшего и дополнительного профессионального образования в ряде ведущих вузов страны — МГУ, ЯрГУ, НГУ, ГУ ВШЭ, РАГС (О.С. Анисимов, И.М. Войтик, А.А. Деркач, В.М. Дюков, А.В. Карпов, О.И. Лаптева, И.Н. Семенов, Е.Б. Старовойтенко, С.Ю. Степанов).

Четырнадцатый — практический — этап, когда в 2000-е гг. полученные в прикладных исследованиях и разработках рефлексивные знания и рефлетехнологии конструктивно применяются в различных сферах современной социальной практики: в культуре, науке, образовании, здравоохранении, политике, управлении, экономике (О.С. Анисимов, Ю.В. Громыко, Г.И. Давыдова, В.П. Зинченко, А.В. Карпов, Ю.Н. Кулоткин, В.Е. Лепский, В.А. Петровский, Ю.А. Репецкий, А.В. Россохин, И.Н. Семенов, В.И. Слободчиков, С.Ю. Степанов, В.Д. Шадриков).

Эти этапы были выделены посредством обобщения результатов ряда специальных историко-научных изысканий в различных аспектах. Так, в предметном аспекте стала выясняться роль рефлексии в развитии

творческой индивидуальности и продуктивности научной деятельности (А.В. Балаева, А.А. Деркач, И.Н. Семенов); в концептуальном плане – строиться модель взаимодействия рефлексии и интуиции в инновационном процессе (Г.Н. Бершацкий, И.Н. Семенов); в психотехнологическом ключе – разрабатываться рефлетехнологии развития личности посредством психотерапевтического рефледиалога (Г.И. Давыдова, И.Н. Семенов); в прикладном аспекте – исследоваться рефлексивно-психотерапевтические особенности реабилитации аномальной личности при алкогольной и наркологической зависимости, а также изучаться рефлексивно-акмеологические закономерности карьерной самореализации личности госслужащих системы муниципального управления (О.Д. Ковшуро, И.Н. Семенов). В пропедевтическом аспекте стали разрабатываться (И.Н. Семенов) и использоваться в практике преподавания высшего профессионального образования учебные программы курсов «Психология рефлексии» (МГУ, ЯрГУ), «Рефлексивная психология творчества» (НИУ ВШЭ, ЗГУ, ОГУ) и «Рефлексивная акмеология» (РАГС, БФ ОРГАС). Во всех этих программах систематизированы и обобщены современные научные знания по указанным дисциплинам, а также дидактически представлены основные результаты разработки рефлексивно-психологической проблематики в историко-научном, философско-методологическом, концептуально-теоретическом, экспериментально-эмпирическом, рефлетехнологическом и практико-прикладном аспектах изучения и развития рефлексии в клас-

сической и современной психологии (В.Г. Аникина, О.С. Анисимов, И.М. Войтик, А.В. Карпов, О.И. Лаптева, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов и др.). В практическом плане ныне разрабатываются рефлексивно-организационные проблемы и способы рефепсихологического (Ю.А. Репецкий, И.Н. Семенов), рефлеакмеологического (И.М. Войтик, А.А. Деркач, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов) и рефлепедагогического (Семенов, Болдина, 2011) обеспечения профессиональной деятельности и подготовки кадров в различных сферах социальной практики: образования (школьного, гимназического, дополнительно-досугового, вузовского и профессионально-дополнительного), управления (муниципального и внутрифирменного), здравоохранения (психотерапии и реабилитологии), а также в сфере организационно-психологического рефлексконсалтинга по инновационному развитию рефлексивной компетентности управленцев (С.П. Маслов, О.А. Полищук, А.В. Растянников, И.Н. Семенов), рефлексивной культуры госслужащих и менеджеров (И.В. Байер, А.А. Деркач, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов), рефлересурсов человеческого капитала (И.Н. Семенов), творческого потенциала личности профессионала и рефлексии смысла жизни (Ю.А. Репецкий, А.В. Репецкая, И.Н. Семенов, К.С. Серегин, А.Ю. Сидорова и др.).

В этом контексте рефлексивно-психологический интерес представляет проведенное нами (А.А. Деркач и др., 2005) историко-научное и рефлексивно-акмеологическое исследование продуктивности научной деятельности и смыслового целеполагания

творческой индивидуальности талантливого ученого-энциклопедиста (врача, физиолога, психофизиолога, психолога, акмеолога, науковеда, методолога, педагога) эпохи Серебряного века русской культуры Н.Я. Пэрны (1873–1924), соратника академиков-физиологов Н.Е. Введенского и А.А. Ухтомского. Он не только изучал биографии и творчество корифеев науки и искусства в целях выяснения ритмологических закономерностей развития продуктивности их жизнедеятельности, но и анализировал ритмодинамику собственного жизнетворчества, рефлексировав его многие годы в своем, по сути, рефлексивно-экзистенциальном и профессионально-творческом дневнике. С позиций рефлексивной психологии и акмеологии специального монографического исследования потребовало психолого-биографическое изучение творческой индивидуальности и продуктивности жизнедеятельности Н.Я. Пэрны, а также историко-научный и психолого-науковедческий анализ его вклада в отечественное человекознание. В начале XX в. в Петербургском университете, изучая биографии и достижения ряда выдающихся деятелей науки и искусства, он рефлексировал в многолетнем дневнике феноменологию и динамику собственного жизнетворчества в целях подтверждения на своем опыте тех рефлексивно-психологических закономерностей, которые были им выявлены относительно ритмической периодичности развития творческой продуктивности корифеев европейской и российской культуры. Проведенное рефлексивно-биографическое изучение жизнедеятельности Н.Я. Пэрны —

рефлексивно-акмеологическое исследование его продуктивности и рефлексивно-экзистенциальный анализ творческой личности талантливого ученого в целом — явилось конструктивным примером рефлексивно-психологической характеристики творческой индивидуальности ученого как персонологического прецедента акмеологического развития выдающейся личности, которая является важным психологическим фактором прогресса культуры.

Заключение и выводы

1. Аналитически представленная панорама различных трактовок рефлексии эксплицирует категориальный аспект историко-научных предпосылок и философско-методологическую базу психологического изучения рефлексивности как важного метакогнитивного и полимодального свойства сознания человека.

2. В лингвистическом плане термин «рефлексия» имеет поликультурный статус, сложившийся в результате перехода от средневекового латинского слова *reflexion* как базисного к производным от него словам на новоевропейских языках (итальянском, французском, испанском, португальском, английском, немецком, польском) через эпоху Возрождения в Новое время, когда Ф. Бэкон ввел понятие рефлексии в классическую философию, а Дж. Локк и Г. Лейбниц начали его философско-психологическую проработку. В русскую культуру термин «рефлексия» ввел в XVIII в. Кантемир, а его проработку начали Любомудры и В.Г. Белинский.

3. В новоевропейской традиции сложилось два основных понимания

рефлексии: а) более широкого — как размышления, обдумывания; б) более узкого — как самонаблюдения, самопонимания. Развитие первого значения привело к трактовке рефлексии как анализа и критики, а второго — как самоанализа и осмысления. С учетом обоих значений указанного термина рефлексия определяется нами как процесс размышления, переосмысления и перестройки субъектом содержания своего сознания.

4. Обобщение ретроспективной панорамы историко-научных трактовок рефлексии позволяет дифферен-

цировать ее типологию с науковедческих позиций — на основании изучающих наук, т.е. различать философскую, логическую, социологическую, психологическую, персонологическую, акмеологическую, педагогическую виды рефлексии. Таким образом, с методологических позиций рефлексия обладает междисциплинарным статусом, что должно учитываться как в теоретическом плане при ее психологическом изучении, так и в практическом плане в процессе преподавания в высшей школе и при написании учебников и пособий.

Литература

Абульханова К.А., Анисимов О.С., Семенов И.Н. и др. Акмеологический словарь / Под ред. А.А. Деркача. М.: РАГС, 2004.

Алексеев Н.Г. Философские основания рефлексивного подхода // Рефлексивный подход к психологическому обеспечению образования. М.— Ярославль, 2004. С. 11–17.

Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С.15–36.

Давыдов В.В., Рубцов В.В. и др. Развитие основ рефлексивного мышления школьников в процессе учебной деятельности. Новосибирск. ПИ РАО, 1995

Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. М., 1955.

Деркач А.А., Семенов И.Н., Балаева А.В. Рефлексивная акмеология творческой индивидуальности. М.: РАГС, 2005.

Деркач А.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Психолого-акмеологические основы изучения и развития рефлексивной культуры госслужащих. М.: РАГС, 1998.

Иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 2001.

Каазик Ю.А. Математический словарь. Таллин: Валгус, 1985.

Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985.

В.А. Лефевр. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003.

Митюшин А.А. Рефлексия // Философский энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1989.

Огуцов А.П. Рефлексия // Философская энциклопедия. М.: СЭ, 1967. Т. 4.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000.

Платонов К.К. Рефлексия // Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Наука, 1984.

Психологический словарь / Под ред. В.В. Давыдова и др., М.: Педагогика-Пресс, 1996.

Семенов И.Н. Вюрцбургская школа // Философский энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1989.

Семенов И.Н. Вехи и направления развития рефлексивной психологии творчества на рубеже XX–XXI вв. // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2013. № 2–3. С. 78–102.

Семенов И.Н. Проблемы рефлексивной психологии решения творческих задач. М.: НИИОПП АПН СССР, 1990.

Семенов И.Н. Тенденции развития психологии мышления, рефлексии и познавательной активности. М.; Воронеж: АПСН, 2000.

Семенов И.Н. Философия гуманизации образования и рефлексивность диалога // Рефлексивные процессы и управление. 2001. № 1. С. 113–119.

Семенов И.Н., Болдина Т.Г. и др. Проектно-исследовательский подход в

рефлексивной психологии инновационного образования. М.: Аналитика Родис, 2011.

Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1975.

Современный философский словарь / Отв.ред. В.Е. Кемеров. М.; Бешкек; Екатеринбург, 1998.

Тихомиров О.К. Основные понятия и принципы общей психологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Вече, 2002

Философский энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1989.

Шадриков В.Д. Профессиональные способности. М.: Логос, 2010.

Ярошевский М.Г. Рефлекс // Философская энциклопедия. М.: СЭ, 1967. Т. 4.

КУЛЬТУРНО-ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ РЕФЛЕКСИИ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

В.Г. АНИКИНА

Аникина Вероника Геннадьевна — доцент Академии социального управления, кандидат психологических наук. Автор ряда публикаций в т.ч. монографии «Рефлексия в культурно-исторической психологии» (2011). Область научных интересов — психология рефлексии, методология психологии
Контакты: vegav577@mail.ru

Резюме

При анализе различных философских традиций: трансцендентальной, марксистской, экзистенциально-герменевтической — создаются основания для нового ракурса рассмотрения рефлексии. На основе обращения к современным методологическим подходам в исследовании рефлексии и ориентировка на созданную систему его принципов разрабатывается новая модель рефлексии (сетевая функциональная модель). Опираясь на выработанные философско-методологические основания, мы предлагаем новое понимание рефлексии в рамках культурно-исторического и диалогического подходов.

Ключевые слова: трансцендентальная, экзистенциально-герменевтическая, марксистская философские рефлексивные традиции, рефлексия, культурно-исторический, диалогический подходы в психологии.

Психология рефлексии, являясь открытой системой (как и любая отрасль научного знания), характеризуется своей уникальной динамикой развития (Семенов, 2007). Достижения и запрос психологиче-

ской практики, развитие философского знания и методологии — основные факторы, которые детерминируют и определяют становление данной отрасли психологии. Философское знание о рефлексии

позволяет ученому не только выявлять базовые характеристики и создавать модели рефлексии, но и понимать, а затем и исследовать фундаментальные связи и отношения данного феномена с другими явлениями бытия. Не менее важным фактором является понимание ее проблемных областей и поиск конструктивных путей решения поставленных вопросов.

Анализ достижений отечественной психологии рефлексии (Аникина, 2011, 2012) позволил нам выделить сложный комплекс ее теоретико-методологических проблем, а именно: расширение философских оснований исследования рефлексии; создание новых и развитие уже существующих концептуальных подходов и теорий рефлексии с опорой на различные парадигмы в психологии; раскрытие еще не исчерпанного потенциала отечественных психологических школ; включение в рефлексивные исследования контекста жизни человека; освоение новых принципов и подходов к изучению рефлексивного феномена характерных для современного этапа развития науки.

Разработка нового методологического и концептуального ракурса изучения рефлексии — цель, которую мы ставим в рамках данной статьи. Для достижения поставленной цели мы будем ориентироваться на следующие этапы:

1) анализ философских и методологических подходов к изучению рефлексии в современной науке. Выход на новые философско-методологические основания в исследовании рефлексии;

2) формулировка общеметодологических принципов построения

модели рефлексии. Разработка модели рефлексии;

3) разработка культурно-диалогического подхода к исследованию рефлексии в психологии.

Философские основания научного познания рефлексии

Этимологический анализ слова «рефлексия» показывает, что оно производно от латинского *reflexio* — «отклонение», «размышление», и имеет следующие значения: «отражение света на поверхности предмета» и «размышление, внутренняя сосредоточенность, склонность анализировать свои переживания» (Толковый словарь... [Электронный ресурс]).

Н.Г. Алексеев (Алексеев, 1982), осуществляя этимологическое исследование понятия «рефлексия», отмечал, что оно обозначает внутреннюю сторону залива, обращенную к морю и отражающую его волны. Семантический анализ позволил ученому выделить базовые характеристики рефлексии: 1) рефлексия есть отражение «неким субстратом» чего-либо, поступившего извне; 2) это отражение всегда преобразовано согласно природе отражающего; 3) интенционально рефлексия направлена на нечто уже бывшее, например, на опыт.

Считается, что как философское понятие впервые это слово в смысле, уже близком к его современному пониманию, было применено в работах Дж. Локка (Локк, 1985). Обращаясь к вопросу о природе и месте рефлексии в философском знании, Г.П. Щедровицкий (Щедровицкий, 2005) отмечал, что «исследователи непрерывно искали то объектное или

онтологическое место, в которое рефлексия могла бы быть помещена, так чтобы вместе с тем ей могли быть приписаны определенные свойства, соответствующие этому месту» (Там же, с. 97). Осмысление рефлексии осуществлялось в контексте проблемных областей, с которыми так или иначе она была связана. К ним можно отнести проблему раскрытия и получения объективного знания, отношения к «предметам-посредникам»; проблему интенциональной природы достоверности (Р. Декарт, Г.-В. Лейбниц, Г.-В.-Ф. Гегель, И.-Г. Фихте, И. Кант и др.); антропологическую проблему (М.М. Бахтин, К. Ясперс и др.); проблему развития и саморазвития и включенности рефлексии в самопознание как познавательного принципа и механизма (Аристотель, Николай Кузанский, И.-Г.Фихте, Г.-В.-Ф. Гегель и др.) и др.

Каждый из акцентов в решении выделенных проблем задает свое основание для формирования традиций изучения рефлексии в философии, свое как онтологическое, так и гносеологическое представление о рефлексивной реальности. К наиболее заметным философским традициям рассмотрения рефлексии можно отнести трансцендентальную и экзистенциально-герменевтическую. Они имеют длительную историю своего становления и отражают различное понимание как природы рефлексии, так и ее включенности в познание.

Трансцендентальная традиция рассмотрения рефлексии характеризуется тем, что в ее рамках рефлексия выступает как феномен, имеющий бытийное основание вне челове-

ка, но связанный с его душой, разумом, сознанием. Данная традиция прослеживается в трудах Р. Декарта (Декарт, 2006), Дж. Локка (Локк, 1985), Г.-В. Лейбница (Лейбниц, 1982), Г.-В.-Ф. Гегеля (Гегель, 1992), И.-Г. Фихте (Фихте, 2000), И. Канта (Кант, 1964), Э. Гуссерля (Гуссерль, 2004, 2005), М.К. Мамардашвили (1984, 1990) и др.

В экзистенциально-герменевтическая традиции рефлексия представлена как явление бытия, непосредственно обусловливаемое коммуникацией, которое предполагает понимание, развитие личностью себя и Другого, как механизм обнаружения человеком себя в ситуации здесь-и-теперь. Такое или близкое понимание рефлексии мы можем встретить в работах Ж.-П. Сартра, М.М. Бахтина, Э. Левинаса, М. Бубера, К. Ясперса и т.д.

Источником философского осмысления рефлексии, как отмечает Д.О. Парамонов (Парамонов, 2001) стали взгляды греческих философов: Платона, Плотина, Аристотеля. Значимыми для наших дальнейших исследований станут размышления Аристотеля о человеке (Аристотель, 1984, 2002). В своих философских построениях Стагирит отмечал, что в человеке представлено как чистое Я (имеющее исключительно нозтическую природу), так и эмпирическое Я (динамическое и субстанциональное единство души и тела). Чистое Я высвечивается посредством созерцательной деятельности человеческого ума, который имел аналогию с «нусом», а вот эмпирическое Я узнает себя в зеркальном отражении — в другом эмпирическом Я. В «Большой этике» Аристотель писал:

«Узнать самого себя — это и самое трудное... < > как при желании увидеть свое лицо мы смотримся в зеркало и видим его, так при желании познать самих себя мы можем познать себя, глядя на друга. Ведь друг, как мы говорим, — это “второе я”. Итак, если радостно знать самого себя, а знать себя невозможно без помощи друга, то самодовлеющий человек должен нуждаться в дружбе, чтобы познать самого себя» (Аристотель, 1984, с. 373). Дружба между людьми — это источник самопознания, выхода за пределы эгоистического состояния самоудовлетворенности.

Самопознание человека описывается Аристотелем как явление, обусловленное возникновением особого характера отношений, складывающихся между двумя людьми — ценностных, дружеских, так как человек может обладать благом самопознания только благодаря Другому. Механизм самопознания «зеркальный» — друг (Другой) является «зеркалом», вглядываясь в которое, человек узнает себя через сравнение.

Изучая работы античных философов, Д.О. Парамонов (Парамонов, 2001) делает вывод о том, что рефлексия греческих философов зародилась в онтологии, в которой есть надличностный рациональный принцип. Именно в Античности заложены основания трансцендентальной и экзистенциально-герменевтической традиций рассмотрения рефлексии в философии.

Трансцендентальная традиция

Пройдя сложный путь становления (Дж. Локк, Р. Декарт, Г.-В. Лейб-

ниц), к концу Нового времени трансцендентальная традиция достигла высшей точки своей разработки в немецкой классической философии (И. Кант, И.-Г. Фихте, Г.-В.-Ф. Гегель), а затем продолжила развитие в XX в. в рамках феноменологии Г. Гуссерля, философии М.К. Мамардашвили, философии сознания и языка (Л. Витгенштейн, Дж. Серль, Р. Харре и др.), французской рефлексивной школы (М.-Ф.-П. Мен де Биран, Ж.-П. Набер и др.), а также философскими построениями М. Фуко, А.А. Кузьмина и др.

В трансцендентальной традиции немецкой классической философии (Аникина, 2011, 2012), впервые в истории философии рефлексия онтологически представлена в картине бытия и связана с процессом самосознания, самораскрытия бытия, его саморазвития и самопостижения.

В работах Э. Гуссерля (Гуссерль, 2004, 2005) раскрыто онтологическое значение рефлексии в бытии. Феноменологическая рефлексия является механизмом не только достижения априорного знания, осознания Я-центра и т.д., но и, прежде всего, построения новых смыслов и значений мира.

Продолжая трансцендентальную традицию в XX в., М.К. Мамардашвили (Мамардашвили, 1984, 1990) философски осмысляет рефлексивный акт. Ученый уходит от классических схем и выстраивает феноменологию события. Событийность мысли, рефлексии — это, прежде всего, проживание и рождение заново в «теперь». Термин «теперь» предполагает случайность, усилие, борьбу, преодоление для события

мышления. Если рассмотреть рефлексия в представленном ракурсе, то это обозначает, становится событием, длящимся, дискретным во времени, в процессе которого происходит, с одной стороны, сборка Я, а с другой — его существование, исполнение, рождение. Рефлексия над состоянием сознания рождает новое состояние сознания, но не схватывает первого, того, — исходного. Именно поэтому рефлексия над Я не может осуществиться. Она «работает» со своим собственным построением. Необходимо отметить, что особым предметом рассмотрения для М.К. Мамардашвили была культура, в объектах которой зафиксированы понимание и познание людей.

Анализ трансцендентальной философской традиции (Аникина, 2011, 2012) показал, что для нее характерны следующие представления о рефлексии.

1. Рефлексия функционально проявляется в самосознании, самопознании, саморазвитии, то есть в самопостижении Абсолюта.

2. Функциональное включение рефлексии в самопостижение связано с неким «разделением», «удвоением» бытия (знание — познаваемое; Я — не-Я; объект — субъект; чувственное созерцание — рассудок; и т.д.), а также с возникающим отношением между составляющими этого разделения, которое может быть представлено в диалоге, сравнении, сопоставлении и т.д. Рефлексия включена в акт, обеспечивающий самодвижение к цели (достижение абсолютного знания, абсолютного духа, Бога, трансцендентального объекта и т.д.). Рефлексия надличностна.

3. Рефлексия есть акт абсолютной свободы. В классическом понимании ее ничто не детерминирует, так как она является бытием; в неклассическом походе ее проявление не привязано к чему-то фиксированному, в том числе к Я. Как состояние сознания рефлексия вероятностна и зависит от ситуации борьбы, усилия, напряжения. Рефлексия устанавливается в ситуации «теперь», так же как и мышление. Точкой рефлексии является Я, которое тоже устанавливается, но одновременно фиксируется в рефлексии как неререфлексируемая рамка. Необходимо разделять представления о содержании рефлексии и о состоянии рефлексии. Рефлексия всегда имеет дело не с подлинным объектом, а с представлением о нем, то есть рефлексия находит свое выражение семантически и семиотически.

4. Рефлексия включена в смыслопорождение, бесконечное смысловое конституирование Я, постижение априорного знания.

Поскольку рефлексия в трансцендентальной традиции онтологически задана, а личность — нет, важнейшей особенностью разработок моделей рефлексии является то, что в них личность не будет определять ход и, по большому счету, результаты рефлексии. Личность будет инструментальным носителем рефлексии, неким полем ее реализации. Другими словами, разработка моделей рефлексии в рамках трансцендентальной традиции не предполагает субъектной свободы. Так как рефлексия подчинена общей цели Абсолюта — самопостижению, то можно сказать, что она — проявление активности Абсолюта, Сознания и т.д.

Подмена уже на уровне общей методологии в различных современных подходах, Абсолюта, Сознания и т.д. субъектом создает иллюзию собственной активности человека в рефлексивном акте, иллюзию некой рефлексивной деятельности, что порождает одну из ошибок, которая затем транслируется в психологию.

Экзистенциально-герменевтическая традиция

Экзистенциально-герменевтическая традиция рассмотрения рефлексии стала наиболее «заметной» в XX в. и была представлена в экзистенциальной философии (Н.А. Бердяев, А. Камю, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, Л.И. Шестов и др.), философской антропологии (М.М. Бахтин, М. Бубер и др.), герменевтике (Х.-Г. Гадамер). Для экзистенциально-герменевтической философской традиции характерно стремление к избавлению от «навязанного» классической философией разделения мира на объекты и субъекты, душу и тело, причины и условия, детерминации и обусловленности, внешнее и внутреннее и т.д. Поиски в данном направлении представлены различными тенденциями в рассмотрении проблемы рефлексии: уход от трансцендентного субъекта (Ж.-П. Сартр), акцент на коммуникации с Другим (К. Ясперс, М.М. Бахтин, М. Бубер) и т.д. Нами был осуществлен анализ работ этих философов, который будет представлен ниже.

Уделим более пристальное внимание наследию выдающегося отечественного философа и филолога М.М. Бахтина. М.М. Бахтин выходит на проблему бытия рефлексии через

проблему поиска условий оформления внутренней жизни «в душу» (Бахтин, 1979, с. 106), погружая читателя в описание мира отношений и переживаний человека. Философ считал, что внутреннее переживание и душевное целое могут быть пережиты в категории я-для-себя или в категории другой-для-меня (Там же, с. 26). И то, как осуществляется «создание» целого, зависит от того, в каких из этих категорий живет человек. Философ отмечал, что становление человека невозможно без Другого. Почему это так? М.М. Бахтин четко определяет человека в его бытии: человек принципиально не совпадает сам с собой, он единственный и неповторимый, не законченный (Бахтин, 1979). Другой может объяснить мое как целостность, но только если он осуществляет по отношению ко мне эстетическое действие (оно включает в себя как эстетическое созерцание, так и этический поступок). В целом эстетическое действие Другого характеризуется: целостно-объемлющим принятием человека, нащупыванием его смысловых границ, обогащением человека своим завершением (превращение его в героя), занятием единственного места в едином событии бытия. Философ считал, что Другой, осуществляя эстетическую деятельность, становится автором-созерцателем, а тот, относительно которого оно осуществляется, становится героем. Автор «вненаходим» по отношению к герою (т. е., по Бахтину, выходит за пределы контекста его жизни), чтобы «собрать» его. Сознание автора есть сознание сознания, то есть оно объемлет героя в целостность. Другие, внешние

присутствуют в мире человека и могут являться его авторами: я и Другой находятся в диалоге и переживании (Там же).

В работе «Автор и герой в эстетической деятельности» (Там же) философ выделяет и описывает несколько видов рефлексов (как нам кажется, это понятие используется М.М. Бахтиным в значении, близком к понятию рефлексия): нравственный, гносеологический (философский), научный и, отметим, — эстетический. Ни один из указанных видов, кроме эстетического, не позволяет человеку превратить мое в «положительную данность» (Там же, с. 107).

Опираясь на идеи М.М. Бахтина, мы определили рефлексю как условие создания цельного, объемлющего, эстетически значимого видения человеком самого себя, пережитого в категории «другой-для-меня», но не в категории «я-для-себя».

Проведенный нами анализ представлений рефлексии в экзистенциально-герменевтической и антропологической традиции (Аникина, 2011, 2012) позволил нам выделить следующие представления о ней.

1. Рефлексия представлена как онтологически, так и онтически, то есть как явление бытия.

2. Рефлексия выполняет функцию, с одной стороны, раскрытия, обнаружения человеком самого себя, своей экзистенции, а с другой — оформления целостного видения себя и удержания этой целостности.

3. Коммуникация между Другим и Я является условием бытия рефлексии и представлена отношением «другой-для-меня», «один-для-другого» и т.д. В этом смысле рефлексия является особым видом коммуника-

ции, взаимодействия между людьми, которая складывается и определяется в зависимости от ценностных, эстетических и этических устремлений друг к другу.

4. Рефлексия — со-бытие между двумя людьми, которое обусловлено поиском ответа на вопросы о самом бытии человека.

5. Рефлексия в своей функции неразрывно связана с созерцанием, вчувствованием, сопереживанием, пониманием, а также с принятием, желаниями и чувствами людей, включенных в рефлексивное взаимодействие.

6. Рефлексия представляет собой сложный процесс, который включает в себя ряд этапов:

1) «встреча» двоих, возникновение ценностного, эстетического и этического отношения друг к другу;

2) «перемещение» Другого на позицию Я, ценностное рассмотрение его мира изнутри, так, как видит этот мир он, нащупывание его смысловых границ, принятие и познание;

3) «возвращение» Другого на свою позицию;

4) восполнение Другим уже со своей позиции кругозора Я, его обрамление появившимся избытком внешнего и внутреннего видения, пониманием его уникальности, единственности и неповторимости.

7. Рефлексия может протекать как во внешнем, так и во внутреннем мире человека, в последнем случае ее обозначают как саморефлексию.

В рефлексивном процессе место Другого можно определить понятием «рефлексивная позиция». Рефлексивная позиция может быть как внешней, так и внутренней. Под рефлексивной позицией мы понимаем

топос во внутреннем и внешнем мире человека, относительно которого осуществляется поворот сознания на восприятие субъективного мира человека, построение его целостного образа и преобразование этого образа.

Анализ экзистенциальной рефлексивной традиции позволил выявить проблемную область, связанную с дальнейшей организацией научного исследования рефлексии. С одной стороны, рефлексия рассматривается как некая форма становления бытия, представленного в том числе и в историческом ракурсе (К. Ясперс), а с другой — рефлексия невозможна без личности, готовой к глубокой и содержательной коммуникации, решению экзистенциальных вопросов, освоившей моральные и нравственные нормы общества, с устоявшимися ценностями, другими словами — без взрослой личности. Остается открытым вопрос о становлении рефлексии. Такое положение дел приводит к сложностям в применении принципа развития в психологических исследованиях с экзистенциально-герменевтических позиций.

Рассмотрение нами философских традиций — трансцендентальной и экзистенциально-герменевтической — показал, что как в первой, так и во второй существуют проблемные области для организации исследований рефлексии в психологии. Методологическое решение отмеченных проблем требует поиска таких философских подходов, опираясь на которые можно снять выделенные противоречия. Если же философских разработок, в которых рефлексия представлена как бытийный процесс развивающегося субъекта, нет, то нам в ходе нашего исследования

придется опереться на ряд непротиворечивых положений из различных традиций. Данный шаг соответствует принципам постнеклассической науки.

Рассмотрение рефлексии в марксизме

Кардинальным поворотом по отношению к трансцендентальной традиции рефлексии можно считать идеи марксизма. Перенос процедуры подтверждения истинности в практику меняет видение самой практики мышления (Маркс, 1974). Мышление, рефлексия в своей абстрагирующей деятельности должны соотноситься с историческими условиями их появления, т.е. они приобретают практический, исторический характер.

Потенциал марксистского подхода к рассмотрению рефлексии в философии, к сожалению, достаточно долго не получал своего развития (Бажанов, 2002). И только начиная с середины XX в. в работах отечественных философов В.М. Асмуса, Э.В. Ильенкова, А.Ф. Лосева, а затем В.А. Лекторского, А.П. Огурцова, В.Я. Дубровского и др. зарождается философская традиция изучения рефлексии в рамках диалектического материализма.

Инновационными были идеи о природе идеального, разрабатываемые Э.В. Ильенковым (Ильенков, 1997). Идеальное рассматривается им как результат взаимодействия сознаний людей, которые включены в трудовые отношения, как база общественной практики. Опираясь на взгляды Э.В. Ильенкова, можно определить, что рефлексия, которая проявляется в процессе самосознания

человека, носит общественно-исторический характер и, с одной стороны, представляет идеальную деятельность, а с другой – присутствует в самой общественной практике, между людьми, в активно-практических отношениях, которые транслируются в культуре. Такая философская трактовка рефлексии является основанием ее изучения в системно-деятельностном подходе в отечественной методологии и психологии.

Идеи неокантианцев, связанные с аксеологической проблематикой и методологией наук гуманитарного цикла, рационалистическая установка философствования и категорическое неприятие любых разновидностей философского иррационализма нашли свои отзвуки в работах С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1957, 1997). С.Л. Рубинштейн считал, что «бытие человека – это бытие все более высокого плана, все большего внутреннего богатства, возникающего из бесконечно многообразного и глубокого отношения человека к миру и другим людям» (Рубинштейн, 1997, с. 133). Глубина и красота жизни определяются существованием человека в мире «как сознательного и действующего существа» (Там же, с. 111). Философ писал: «Существуют два основных способа существования человека и, соответственно, два отношения его к жизни. Первый – жизнь, не выходящая за пределы непосредственных связей, в которых живет человек... <> Второй способ существования связан с появлением рефлексии. Она как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает

позицию вне ее. Это решающий, поворотный момент. Здесь кончается первый способ существования. Здесь начинается либо путь к душевной опустошенности, к нигилизму, к нравственному скептицизму, к цинизму, к моральному разложению (или в менее острых случаях к моральной неустойчивости), либо другой путь – к построению нравственной человеческой жизни на новой, сознательной основе. С появлением рефлексии связано философское осмысление жизни» (Там же, с. 79). Рефлексивное отношение к своей жизни обуславливает появление проблемы ответственности человека в моральном плане за «все содеянное и все упущенное» (Там же).

Рефлексия С.Л. Рубинштейном рассматривается как особый способ бытия человека, определяемый ценностным отношением человека к другому, самому себе и окружающему миру и обусловленный самой жизнью. Этот способ бытия позволяет осознанно относиться к жизни, осуществлять ее творческое становление.

Итак, анализ философских рефлексивных традиций нам показал, что представления о рефлексии в них не только различаются, но и имеют точки соприкосновения. Прежде чем указать эти точки, мы выделим философские основания, которые отражены идеями следующих философов.

1. Аристотель:

– самопознание эмпирического Я человека описывается как явление, обусловленное возникновением особого характера отношений (дружеских, ценностных), которые складываются между двумя людьми.

Механизм самопознания «зеркальный»: друг (Другой) является «зеркалом», вглядываясь в которое человек через сравнение узнает себя.

2. И.-Г. Фихте:

– рефлексия есть некоторое для-себя-бытие Абсолютного знания. «Не-я», другой становится точкой поворота в индивидуе Абсолютного знания на самое себя, высвечиванием, распространением и самопостижением себя, возможностью рефлексии.

3. Г.-В.-Ф. Гегель:

– рефлексия — это онтологическое свойство бытия, благодаря которому осуществляется процесс самопостижения, самосознания Абсолюта. Человек, как сфера бытия воли и сознания Абсолюта, в своем познании через деятельность и рефлексию раскрывает и воплощает Абсолют.

4. К. Маркс:

– познание имеет практический и исторический характер.

5. Э.В. Ильенков:

– идеальное присутствует в самой общественной практике, «между людьми», в активно-практических отношениях, которые транслируются в культуре.

6. М.М. Бахтин:

– Другой — смысловой центр, опора в становлении «души» человека;

– ценностное отношение, эстетическое действие понимаются как основа познания и самопонимания человека.

7. М.К. Мамардашвили:

– культура (в широком смысле), конкретная практика являются носителями зафиксированного познания и понимания. Взаимодействие с культурой рождает предметные действия понимания;

– в культуре существуют понимающе-вещественные предметы как конструктивные элементы психики человека;

– понимание явлений бытия возможно при опоре на принцип событийности. «Мы понимаем сделанным, а не сделанное, то есть мы понимаем, сами установившись в качестве события в мире вместе с законами этого мира» (Мамардашвили, 1984, с. 69);

– конструируя бытие–сознание рассматривается системно, что предполагает отказ от прямого установления причинно-следственных связей и осуществление поиска опосредующих звеньев, которые позволяют выявить эффекты действия систем;

– сознание многомерно и многослойно, что предполагает феномен осознания, создает его глубину и объем.

8. С.Л. Рубинштейн:

– рефлексия — это особый способ бытия человека, который обуславливает его осознанное отношение к своей жизни, формирование ценностного отношения к другим, самому себе и окружающему миру, осуществление творческого становления. Появление рефлексии детерминировано самой жизнью человека, постановкой им предельных вопросов.

Точками соприкосновения этих философских взглядов являются, во-первых, идея рефлексивной активности личности в своем становлении и развитии, изменении бытия. Во-вторых, акцентирование внимания на роли Другого как источника развития Я конкретного человека и как источника его рефлексивной активности. В-третьих, значение культуры

в формировании рефлексии личности. Рассмотрение рефлексии как механизма, транслируемого культурой и представленного в культуре. С этих позиций рефлексия существует, с одной стороны, вне внутреннего мира человека, но с другой стороны — как трансцендентальный феномен (идеальной, смысловой природы).

Опора на выделенные философские основания позволила нам представить рефлексию в некоей целостности, которая, не претендуя на философскую картину, позволит нам перейти к изучению данного феномена на общеметодологическом и частично-научном уровнях методологии.

1. Рефлексия определена в бытии. Феноменологически она может быть представлена в разнообразных формах: в культуре, сознании, знании, деятельности, Я и т.д.

2. Коммуникация, взаимодействие между Другим и Я (которое проявляется в диалоге) является условием существования рефлексии и определяется ценностным, эстетическим и этическим взаимоустремлением людей друг к другу, отношениями «другой-для-меня».

3. Рефлексия устанавливается в ситуации «теперь», она является неким событием. Проявление рефлексии обусловлено, с одной стороны, поиском ответа на вопросы о бытии и познании: о смысле существования, вере, призвании, об отношениях с людьми и т.д., а с другой — напряжением, проблемностью, с которой сталкивается человек. Движение к решению этих вопросов невозможно без понимания человеком самого себя, без «собираания» себя в целостность, без определения своего

уникального места среди людей. Рефлексия становится тем процессом, который помогает личности осуществлять это движение, снять возникшее напряжение. Рефлексирует «осознанное Я» (Я, которое в различных философских традициях называется «чистое Я», «трансцендентное Я», «когитальное Я», «душа», «экзистенция» и т.д.). Осознанное Я устанавливается, но в рефлексии представляет собой нерелексируемое содержание как источник рефлексии; оно также является результатом рефлексивной коммуникации двух людей.

4. Рефлексия транслируется в культуре. Культура для Я является условием встречи с Другим, которого можно «окликнуть» и который может «отозваться» на этот призыв. В культуре транслируются и средства рефлексии. Другой может быть опосредован «понимательно-вещественными предметами» (Мамардашвили, 1984) и тем самым исторически присутствовать в культуре.

5. Рефлексия представляет собой сложный процесс, в котором Другой определяется понятием «рефлексивная позиция» («точка зрения»). Рефлексивная позиция может быть как внешней, так и внутренней. Под рефлексивной позицией мы понимаем топос во внешнем или внутреннем мире человека, относительно которого осуществляется поворот сознания на восприятие субъективного мира человека, построение целостного образа человека и мира и преобразование этого образа.

6. Рефлексия функционально проявляется в постижении человеком как самого себя, так и мира, в стремлении к достижению цели, в

том числе представленной высшими ценностями (Абсолютного знания, Абсолютного духа, Бога, трансцендентального объекта, априорного знания и т.д.). Мы можем говорить, что рефлексия — это механизм осознания, познания, развития и регуляции.

7. Рефлексия в своей функции связана с созерцанием, вчувствованием, сопереживанием, мышлением, пониманием.

8. Рефлексия — способ бытия человека, связанный с построением нового, цельного представления о какой-либо реальности (внутренней и внешней, материальной и идеальной) за счет условного выделения ее из общих связей, ценностного рассмотрения с новой позиции — рефлексивной позиции («точка зрения», Другой), благодаря чему выявляются скрытые, неявные свойства и отношения этой реальности. Образовавшаяся избыточность преобразует уже известные представления и становится источником нового знания об изучаемой реальности, ее развития и регуляции.

**Формулировка
общеметодологических
принципов к изучению рефлексии.
Построение сетевой
функциональной модели рефлексии**

Выделение философских оснований исследования рефлексии позволило нам выйти на уровень общенаучной методологии и определить базовые принципы и подходы к ее изучению.

Аксологический принцип. Объяснение, описание и анализ бытия человека осуществляются через

призму ценностей (общечеловеческих, групповых, личностных).

Принцип событийности. Значимость для участников взаимодействия ситуации «здесь-и-теперь».

Принцип развития. Изучение рефлексии необходимо осуществлять в ее развитии (филогенез, историгенез, онтогенез и др.).

Принцип детерминизма. Изучение рефлексии возможно на раскрытии причинно-следственных связей с другими феноменами. Мы будем опираться как на системный (сетевой), так и на целевой детерминизм.

Принцип телеологизма. В психике существуют целенаправленные структуры, которые детерминируют бытие человека. Смысловым, предельным результатом для человека являются высшие ценности, и прежде всего — духовные.

Принцип историзма. Рефлексия, как и психика в целом, является продуктом истории взаимоотношений и взаимодействий между людьми.

Диалогический принцип. Осуществление анализа рефлексии с позиций Я и Другой.

Принцип полипроцессуальности. Рассмотрение рефлексии как процесса, связанного с реализацией различных, но взаимосвязанных процессов.

Философские основания, дающие наиболее общее представление о рефлексии, определяют возможность применения различных подходов к разработке модели рефлексии и, в целом, организации ее исследования в рамках психологии (Аникина, 2011а, б, 2012). Отметим, что в современной психологии рефлексии используются различные методологические подходы, такие как:

системо-деятельностный, деятельностный, процессный, уровневый, структурный, информационно-кибернетический, функциональный (Н.Г. Алексеев, О.И. Генисаретский, Ю.В. Громько, Н.Д. Гордеева, В.В. Давыдов, А.З. Зак, В.П. Зинченко, А.В. Карпов, Ю.Н. Кулюткин, И.С. Ладенко, В.Е. Лепский, В.А. Лефевр, Н.И. Лурья, В.А. Петровский, А.И. Райков, В.М. Розин, М.А. Розов, И.Н. Семенов, В.И. Слободчиков, Б.В. Соколов, Т.А. Таран, Г.П. Щедровицкий (системная методология) и др.). Необходимо отметить, что в исследованиях рефлексии практически не встречаются «чистые» подходы, в основном они носят комплексный характер, например: системно-уровневый, структурно-уровневый, системно-функциональный подход и др.

В нашей работе мы обратились к функциональному, процессному, системному и сетевому подходам. Отметим, что сетевой подход является отражением сетевой парадигмы, сформулированной Г. Бейтсоном (Бейтсон, 2000).

Очерченные нами выше философские основания и сформулированные принципы изучения рефлексии позволили нам осуществить разработку модели рефлексии, которая еще не была представлена в современных методологических исследованиях. Отметим, что наша разработка строится с опорой на принцип моделирования и на базе представлений о неформальных (семантических) моделях, одним из видов которых являются сетевые модели. В основе теоретических разработок сетевых моделей лежит идея о том, что любые знания можно предста-

вить в виде совокупности объектов (понятий) и связей (отношений) между ними. В целом они создают определенную конструкцию — семантическую сеть.

Разработка сетевой модели рефлексии потребовала от нас определения базовых понятий (элементов), которые должны быть связаны между собой определенными функциональными отношениями (Аникина, 2010). Элементы, представленные как базовые понятия, в своей совокупности и взаимосвязи задают описание рефлексии. Именно поэтому мы можем говорить о разработке сетевой функциональной модели рефлексии.

Базовые понятия сетевой функциональной модели рефлексии таковы.

«Я-в-рефлексии» — это Я, которое не может в процессе рефлексии пониматься и осознаваться, оно и есть то, что понимает, и то, что осознает.

Появление и присутствие этого элемента является важнейшим моментом, характерным для рефлексии в целом. Это в свое время отмечали М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский: «...рефлексия над сознанием находится в каком-то состоянии, которое не является содержанием самой этой рефлексии, а является постоянной неустранимой добавкой к любому такому содержанию, не входя в него. То есть в каждый данный момент рефлексия находится в таком состоянии, которое само ею не ухватывается» (Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 59).

Хронотоп рефлексии — это пространственно-временной континуум присутствия Я «вне» ситуации, относительно которой содержательно

осуществляется рефлексивный процесс. Функционально хронотоп рефлексии позволяет выделить рефлекслируемую реальность. Хронотоп рефлексии обусловлен выходом личности из текущей ситуации — «рефлексивным выходом» (Г.П. Щедровицкий). Смысловыми аналогами рефлексивного выхода могут быть «зазор между предстоящим и последующим микродвижением» (Н.Д. Гордеева, В.П. Зинченко), «табло сознания» (В.А. Лефевр) и т.д.

Рефлекслируемая реальность — это объект рефлексии (ситуация, задача, личность). Выделение рефлексивной реальности чаще всего связано с необходимостью разрешения личностью проблемно-конфликтных ситуаций и осуществления процессов познания, развития и регуляции. Рефлекслируемая реальность задает выбор средств рефлексивного описания и способы организации отношений между рефлексивными построениями.

Рефлексивная позиция — создаваемое в хронотопе рефлексии смысловое по своей природе образование (Другой, объект культуры, деятельность, Я (вне рефлексии)), относительно которого осуществляется поворот сознания на восприятие рефлексивной реальности, построение цельного представления о ней и организация рефлексивных отношений с целью преобразования рефлексивной реальности, расширения видения этой реальности. Так как Я константно, т.е. не может расщепиться, построение рефлексивных позиций возможно только «внутри» хронотопа, в котором пребывает «Я-рефлексии» («рефлекслирующий субъект» (В. Лефевр)).

Рефлексивное построение — создание представления о рефлексивной реальности (образа, модели, схемы), относительно рефлексивной позиции.

Рефлексивное отношение — активность, направленная на организацию взаимосвязи между рефлексивными построениями. Рефлексивные отношения являются источником возникновения нового представления о рефлексивной реальности, которое может быть отображено в виде модели, схемы и т.д.

Результат рефлексии — рефлексивное построение, имеющее семиотическую природу, полученное в ходе реализации рефлексивных отношений. Результатом рефлексии может быть постижение нового знания (Р. Декарт, И. Фихте), постижение аргюри (Э. Гуссерль), нового «образа пространства», нового плана и программы действия, деятельности (Н.Д. Гордеева, В.П. Зинченко, Г.П. Щедровицкий, В.А. Лефевр и др.), новых личностных смыслов (И.Н. Семенов, В.Г. Аникина и др.), философское осмысление жизни (С.Л. Рубинштейн) и т.д.

Представленные понятия описывают рефлексии и являются составляющими элементами ее сетевой функциональной модели. Для понимания рефлексии важным является положение о том, что рефлексия — это не заданная и константная конструкция в психике; она всякий раз устанавливается в ситуации проживания ценностно-значимых отношений между людьми. Установление рефлексии определяется прежде всего теми условиями и задачами, которые перед ней ставятся.

Разработка культурно-диалогического подхода к исследованию рефлексии

И.Н. Семенов, осуществляя историко-теоретический анализ (Семенов, 2000, 2004; Семенов, Степанов, 1983) развития отечественной психологии рефлексии, отмечал, что обращение к рефлексии как предмету исследования началось с работ Л.С. Выготского, П.П. Блонского, С.Л. Рубинштейна. В истории психологии рефлексии был достаточно длительный период забвения (с 1930-х по 1970-е гг.). И.Н. Семенов объясняет это рядом причин: во-первых, на протяжении многих десятилетий в отечественной психологии не была осуществлена проработка понятия рефлексии в контексте исследования сознания и деятельности; во-вторых, рефлексивный процесс с трудом вписывался в понятийный аппарат экспериментальной психологии; в-третьих, понятие «рефлексия» имело существенное значение и использовалось при анализе лишь отдельных психических процессов, прежде всего мышления, что сужало область ее эмпирических изысканий. Однако изучение рефлексии не прекращалось на философско-методологическом уровне. Результаты этой работы стали фундаментальным основанием для становления психологии рефлексии в России (Семенов, 2007).

Необходимо отметить, что в 90-х гг. прошедшего столетия И.Н. Семеновым и С.Ю. Степановым (Семенов, Степанов, 1989) в науку было внесено понятие «культураридигма» — интегрирующая характеристика общего фундаментального представле-

ния о познаваемой реальности, сформированного в культуре и науке. Ученые отмечали, что с культураридигмальной точки зрения проблема рефлексии начала занимать одно из ключевых мест в современных научных исследованиях. В психологической науке появилась новая область изучения — психология рефлексии, которая заложила основы развития рефлексивной культураридигмы в психологии. Культурологические идеи, заложенные в работах школы И.Н. Семенова, позволили выделить диалогический ракурс исследования рефлексии и конструктивно его развивать как в психологии (Аникина, 2000; Семенов, 2001; Степанов, 1999 и др.), так и в педагогике (Давыдова, 2010; Давыдова, Семенов, 2006 и др.).

Культурологический аспект исследования рефлексии рассматривает в своих работах Е.Б. Старовойтенко (2007а,б). Рефлексия представляется ученым в контексте культурно-психологической динамики самопознания личности, как феномен, включенный в процесс развития индивидуального творческого Я. Исследования Е.Б. Старовойтенко затрагивают актуальные вопросы современной психологии рефлексии и связаны с очень интересным, перспективным и потенциально содержательным направлением в изучении рефлексии.

Ориентируясь на методологическую целостность как важную характеристику разработанности концепции или теории, в отечественной психологии мы выделяем следующие подходы к изучению рефлексии:

- 1) системо-деятельностный подход (Г.П. Щедровицкий, В.А. Лефевр, В.А. Лекторский, В.Е. Лепский,

В.А. Петровский, В.Н. Садовский, Т.А. Таран, Э.Г. Юдин и др.);

2) праксиологическая концепция рефлексии (И.Н. Семенов, Ю.А. Степанов и др.);

3) метакогнитивный подход (В.Я. Буторин, М.С. Егорова, А.В. Карпов, И.М. Скитяева и др.);

4) субъектно-деятельностный подход (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская, В.В. Знаков и др.).

Осуществленный нами анализ массива исследований в рамках данных подходов (Аникина, 2011а, б, 2012) позволил сделать следующие выводы.

1. Философским основанием для большинства исследований являются идеи трансцендентальной и марксистской традиции, однако все в большей и большей степени наблюдаются тенденции в освоении новых философских систем гуманитарной и экзистенциальной традиции.

2. Попытки отечественных исследователей выйти за пределы трансцендентальной и марксистской трактовки рефлексии связаны с движением в направлении изучения личности, субъекта — как более широкий контекст исследования рефлексивных феноменов, что предполагает смену философских оснований или их конструктивное развитие.

3. Для современных подходов изучения рефлексии характерно стремление к методологической целостности. В каждом из подходов отрабатываются определенные уровни ее изучения, что, собственно, является основанием для серьезных перспектив в их дальнейшем развитии. Так, для системно-деятельностного подхода важны организация и проработка психологического уров-

ня исследования рефлексии и разработка методов, для праксиологической концепции рефлексии значимой является работа на философском уровне. В когнитивном подходе видится необозримое поле деятельности как на философском и общеметодологическом уровне, так и уровне психологических исследований. В рамках субъектно-деятельностного подхода важны как теоретические разработки проблемы рефлексии, так и разработка изучающих ее методик.

4. Перспективным направлением для разработки концептуальной модели рефлексии мы считаем конструктивное системное объединение идей субъектно-деятельностного (С.Л. Рубинштейн) и культурно-исторического (Л.С. Выготский) подходов, достижений праксиологической концепции рефлексии (И.Н. Семенов) и историко-эволюционного подхода (А.Г. Асмолов).

В целом проделанный нами анализ показывает, что отечественная психология рефлексии находится на этапе своего становления.

Продолжим наше исследование. Поиск и описание феноменологии рефлексии в культуре (Аникина, 2011б) показали, что рефлексия представлена в широком культурном диапазоне. И прежде всего, в форме философского знания. Также она выполняет роль самообоснования философии, являясь условием возможности данного вида знания. Важно отметить, что наука обладает свойством рефлексивности — это проявляется в осуществлении сознательного контроля над ростом и функционированием знания (Бажанов, 2002). В культуре институционально

закреплены различные формы рефлексии, которые представлены такими отраслями научного знания, как: методология, социология науки, наукометрия, науковедение и т.д. В языковой культуре и искусстве рефлексия фиксируется в форме языковых обобщений, рефлексивов, риторических структур, различных приемов и методов литературного творчества (например, в постмодернистской литературе). Сама личность человека как явление культуры, с точки зрения ряда ученых (С.Л. Рубинштейн, В.М. Розин, А.Г. Асмолов и др.), возможна благодаря и в силу включенности рефлексии в процесс становления и развития человека. Обобщим полученные нами феноменологические представления о рефлексии.

1. Рефлексия в культуре функционально представлена в процессах самосознания, самопознания и саморегуляции.

2. Условия проявления рефлексии:

- источником появления рефлексии является возникшая неразрешимость, проблема, напряженность и т.д.;
- существование в культуре исторически развивающихся средств, инструментов познания, смыслового фона знаний;

- открытость культуры к самопознанию, саморазвитию, саморегуляции.

3. Характеристики рефлексии:

- осуществляется на «замкнутой», условно выделяемой целостности;
- направлена на структуру, аспекты выделенной целостности (объекты рефлексии);
- наличие нерелексируемой рамки, т.е. нерелексируемого смыслового содержания (например, Я в процессе личностной рефлексии);

- наличие рефлексивной позиции, относительно которой осуществляется рефлексия.

4. Результаты рефлексии: получение нового знания об условно выделяемой целостности; осознание этого знания (становится ясно, что результаты понимания принадлежат лично тебе, являются личным знанием); осмысление (присвоение новому знанию смысла); развитие (личности или реальности личностью); регуляция субъекта, деятельности, культуры и т.д.

5. Рефлексия находится в некоей связи с сознанием человека.

6. Рефлексия в историко-эволюционном ракурсе – это приобретенное свойство сложных, открытых, самоорганизующихся систем, характеристика нового уровня их саморегуляции.

7. Возникновение рефлексии (с позиции культурно-исторического подхода) обусловлено усложнением форм и механизмов общественного самосознания, усложнением объектов научного поиска, усилением взаимовлияния науки и общественных отношений, усложнением видов деятельности личности.

8. В культуре транслируются:

- средства рефлексии (языковые структуры, художественные структуры, схематизмы и т.д.);

- результаты рефлексии (философское знание, методологическое знание, методы и приемы постмодернистской литературы и т.д.);

- смыслы рефлексии (ценности самопознания, саморазвития, саморегуляции и т.д.);

- рефлексивные формы социального взаимодействия (управление и организация, наука, искусство).

9. В культуре создаются условия, транслируются средства и смыслы для возможного проявления рефлексии, а также создаются формы социального взаимодействия, но не транслируется сам процесс рефлексии.

Итак, на основе полученных обобщений мы можем отметить, что в культуре функционально выделен особый механизм познания, развития и регуляции — рефлексия. Нами было осуществлено исследование понятия «осознание», представленного в рамках культурно-исторической теории Л.С. Выготского (Аникина, 2010). Его результаты позволили по-новому взглянуть на рефлексия. Рефлексию можно рассматривать как культурно-исторический феномен, т.е. как феномен, имеющий знаковую природу, который транслируется в культуре. Причем как культурные знаки, так и условия трансляции рефлексии изменяются в ходе исторического процесса. И наконец, культурно-историческая теория позволяет представить рефлексию как механизм становления психики человека, ее развития, являясь неким психотехническим действием. Показав, что рефлексия феноменологически представлена в культуре, что в культуре существуют как формы, так и средства ее трансляции, мы попытаемся концептуализировать это знание, обратившись к идеям, заложенным в культурно-исторической теории Л.С. Выготского (Выготский, 1982а, б, 1983, 2000), работах А.А. Пузыря (Пузырей, 2006) а также в семиотических исследованиях Ю.М. Лотмана (Лотман, 2004) и представлениях о рефлексии С.Л. Рубинштейна и М.М. Бахтина.

Выделив теоретические и философско-методологические основания рассмотрения рефлексии, определим аспекты ее рассмотрения в рамках культурно-исторической и диалогической парадигмы. Такое движение предполагает: 1) описание модели рефлексии; 2) определение знаковых объектов рефлексии; 3) трансляцию рефлексии в культуре, а также условия и факторы, детерминирующие проявление рефлексии; 4) разработку и раскрытие этих аспектов в диалогической парадигме.

Рефлексию как культурно-исторический феномен невозможно раскрыть без понимания роли диалога в бытии человека. Мы считаем, что освещение этого вопроса позволит понять значение диалога в культурной трансляции рефлексии.

Диалог (от греч. *dialogos* — «разговор, беседа»; букв. «речь через») определяется как процесс общения, обычно языкового, между двумя или более лицами. Более частные значения слова «диалог»: 1) разговор между персонажами пьесы; 2) литературное произведение, написанное в форме беседы между героями (например, «диалоги Платона»); 3) взаимодействие, направленное на достижение взаимопонимания, особенно в политике (например, «диалог между властью и оппозицией»).

В рациональном познании выделяют несколько направлений изучения диалога: философское (Сократ, Платон, М.М. Бахтин, М. Бубер, К. Ясперс, Г. Марсель, Э. Левинас, К.-О. Апель, Ю. Кристева, Ю. Хабермас и др.), лингвистическое (Л.П. Якубинский, А.Е. Кибрик, А.С. Нариньяни, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, А.Н. Баранов,

Г.Е. Крейдлин и др.), психологическое (А.В. Визгина, А.В. Россохин, В.Л. Измагурова, Е.Т. Соколова, В.В. Столин и др.) и т.д.

В работах М. Бубера (Бубер, 1995, 1999), Э. Левинаса (Левинас, 1998, 2007), М.М. Бахтина (Бахтин, 1979, 2000) одной из центральных категорий философских систем является понятие Другой. Т.П. Лифинцева (Лифинцева, 1999) отмечает, что только в постклассической европейской философии появляются условия для подлинного понимания категории Другого.

Опишем основные характеристики диалога в его философском понимании. Во-первых, диалог между Я и Другим — это условие полноты бытия каждого из них; во-вторых, диалог — это «место» осмысления себя и Другого; в-третьих, диалог — это событие, единичное и неповторимое, в котором происходит постижение «истины», радикальный опыт инаковости Другого, признание этого Другого «своим иным» — узнавание; в-четвертых, диалог — это пространство любви и заботы, сопричастности друг другу. Диалог возможен, только если есть взаимоустремленность Я к Другому и наоборот. И наконец, диалог — это раскрытие бытия не только личности, но и культуры.

Проблема исследования диалога в психологии рассматривается в двух аспектах (которые, однако, ее не исчерпывают): внешнем (диалог как форма общения) и внутреннем (внутренний диалог). Внутренний диалог в широком смысле рассматривается как форма диссоциации личности на составные части, а в узком — как речевое взаимодействие

между двумя смысловыми позициями, развиваемыми одним и тем же человеком, как механизм самосознания личности (Визгина, 2007). Внутренний диалог непосредственно связан с рефлексией (Аникина, 2000).

В диалогическом подходе к проблеме исследования психики человека делается акцент на значении и роли диалогического пространства во взаимодействии Я и Другого, в поиске закономерностей познания, самопознания, в формировании и раскрытии личностного потенциала, становлении отношений личности к миру, личности к личности Другого, а также роли диалога в трансляции культуры.

Признавая диалог между Я и Другим формой раскрытия бытия человека и культуры, мы продолжим осуществлять разработку проблемы рефлексии в соответствии с выделенными выше аспектами. Философско-теоретические основания позволяют нам предположить, что рефлексия должна быть первично представлена во внешнем диалоге и взаимодействии людей, благодаря чему она становится уже внутренним процессом. Следовательно, рефлексия — инвариантна, т.е. ее структура как во внешнем, так и во внутреннем мире человека одинакова.

Представим основные положения и сетевую функциональную модель рефлексии в рамках культурно-исторической и диалогической парадигм психологии:

1) рефлексия устанавливается в диалоге (как внутреннем, так и внешнем) в ценностной, значимой, смысловой коммуникации личностей друг с другом (проявление принципа диалогичности);

2) рефлексия невозможна без условия со-бытийности людей, человека и культуры (и в том числе человека и Бога), включенности жизни одного человека в становление и развитие жизни другого (проявление принципа событийности);

3) необходимым условием возникновения рефлексии является ценностно-смысловая направленность на познание, понимание, развитие, регуляцию субъекта, как самого себя, так и другого человека, жизненных ситуаций и мира (проявление принципа телеологизма);

4) условием протекания первичного, пока еще внешнего рефлексивного процесса является активная позиция Другого, его переход на позицию личности и возвращение на свою, чтобы транслировать личности свое избыточное видение. Рефлексивное взаимодействие характеризуется неповторимостью в каждом конкретном случае;

5) функционально-сетевая модель рефлексии в рамках культурно-исторической и диалогических парадигм будет представлена следующим образом:

– *Я-в-рефлексии* — это Я, которое устремлено на познание, развитие и регуляцию; в процессе рефлексии оно само не рефлексивируется.

– *Хронотоп рефлексии* — это пространственно-временной континуум совместного присутствия, ценностной взаимоустремленности в диалоге Я и Другого с целью познания, развития, регуляции.

– *Рефлексируемая реальность* (например, личность, ситуация и т.д.) — это объект, на который направлена рефлексия.

– *Рефлексивная позиция* (Я–Другой, Другой) — это позиция, с которой осуществляется восприятие Я, вчувствование в него с целью построения цельного, нового представления о личности и ситуации. Во внутреннем мире личности Другой (значимый, существующий человек, «знаковый объект» культуры и др.) — это смысловое построение.

– *Рефлексивное построение* — это создание представления о рефлексируемой реальности с рефлексивной позиции.

– *Рефлексивное отношение* — это диалог между личностью и рефлексивной позицией (Другой), направленный на восполнение ее кругозора тем избытком видения, которое сформировалось у Другого.

– *Результат рефлексии* — это изменение рефлексируемой реальности (личность, ситуация и т.д.);

6) рефлексия — это сложный процесс, реализация которого предполагает следующие этапы:

– возникновение со-бытийности, в которой Другой может стать рефлексивной позицией; возникновение потребности познать, понять, регулировать, развивать себя, другого человека, ситуацию, деятельность и т.д.;

– построение рефлексивного хронотопа;

– построение рефлексивных позиций: Другой, Я-в-прошлом, Я–Другой и др.;

– построение представлений относительно рефлексивных позиций;

– организацию взаимодействия между «рефлексивными построениями» (сравнение, обобщение, абстрагирование и т.д.) (проявление принципа полипроцессуальности);

– формирование нового (избыточного) рефлексивного видения внутреннего мира человека, а также его дела, деятельности и отношений;

– принятие, присваивание этого видения как лично значимого;

7) результатом проявления рефлексивного механизма являются становление и развитие субъекта (его деятельности, культуры), его познание и регуляция.

Другой в рефлексивном диалоге становится внутренней, смысловой рефлексивной позицией. Личность в состоянии Я-в-рефлексии будет осуществлять переход к этой позиции, а затем относительно нее выстраивать представления о рефлекслируемом объекте (сама личность, проблемно-конфликтные ситуации и т.д.) и, используя полученные знания, приращивать, превращать их в избыток – в новое понимание самой себя и т.д. Внутреннее проявление рефлексии обозначается понятием авторефлексия или саморефлексия.

Итак, *рефлексия – это способ бытия человека, связанный с диалогическим построением нового, цельного представления о какой-либо реальности (внутренней или внешней, материальной или идеальной), который проявляется в ее условном выделении из общих связей и ценностном рассмотрении с рефлексивной позиции (Другой), благодаря чему выявляются скрытые, неявные свойства и отношения этой реальности.* Образовавшаяся избыточность в диалоге между Я человека и рефлексивной позицией (Другой) преобразует уже известные представления и становится источником нового знания об изучаемой реальности, ее развития и регуляции.

Опосредующим звеном между культурой и психикой является знак (как носитель значения и смыслов), поэтому можно предположить, что одним из оснований проявления феноменологии рефлексии также является знак. Другими словами, культура дает человеку знаковые средства для рефлексии. Что это за средства и как происходит культурная трансляция рефлексии – это важнейшие вопросы, ответы на которые позволят концептуально представить рефлексии в новом ракурсе исследований.

Став объектом рефлексии, психика, личность человека претерпевают качественные изменения. Можно предположить, что рефлексия является «психотехническим действием» (Л.С. Выготский), т.е. активностью, направленной на трансформацию и развитие психики с помощью специальных культурных «знаковых средств» (Л.С. Выготский), которыми могут быть искусство, деятельность (управление, организация, планирование и т.д.), духовные и религиозные практики.

Решая проблему трансляции рефлексии в культуре, мы обращаемся к понятию Другой не только как к носителю, но и в том числе как к той «точке зрения», той позиции, благодаря которой осуществляются познание и самопознание человека. Другой, являясь, как и Я, потенциально открытым, уникальным и единственным в данном «времени и пространстве» (М.М. Бахтин), для личности в ее «самопостроении» (М.М. Бахтин) становится смысловой опорой (рефлексивной позицией), тем, кто «достраивает» ее до цельности (Бахтин, 2000).

Мысль М.К. Мамардашвили: «Понимание законов мира есть одновременно элемент мира, законы которого мы понимаем» (Мамардашвили, 1984, с. 69) — является источником нового взгляда на природу протекания психических процессов. Устанавливаясь вновь и вновь в диалогическом отношении, коммуникации, со-действии Другого и Я, рефлексия становится механизмом усложнения мира человека, механизмом появления многомерности человека, его полифонии (Бахтин, 1979; Асмолов, 2007). Осознавая свои миры, личность, субъект осваивает новый способ существования — построение нравственной человеческой жизни на новой, сознательной основе (Рубинштейн, 1997).

С позиций культурно-исторической и диалогической парадигм рефлексия — это сложный многофункциональный механизм, включенный в процесс личностного развития, опосредованный «знаковыми объектами» культуры и транслируемый в диалогическом отношении между людьми.

«Вещь искусства» как знаковый объект рефлексии

Л.С. Выготский осуществил революцию в психологии, произведя смену парадигм и методов изучения психики. Разработанный им объективно-аналитический метод строится на положении о том, что психическое можно изучать благодаря знаковым объектам. «...Таковы машина, анекдот, лирика, мнемоника, воинская команда. Здесь перед нами практический эксперимент. Анализ таких случаев — эксперимент гото-

вых явлений» (Выготский, 1982б, с. 406). Применение Л.С. Выготским объективно-аналитического метода в рамках психологии искусства позволило ему открыть искусство в психотехнической функции: как особого рода орган для выполнения психотехнической работы — работы, которая открывает возможность радикальной трансформации психики, сознания, личности человека (Пузырей, 2006).

Осуществляя майевтическое понимание идей Л.С. Выготского, А.А. Пузырей выделяет функции «вещей искусства» по отношению к психической жизни (духовно-душевной жизни) человека: произведения искусства — это орган психического и духовного развития человека, благодаря которому и исходя из которого человек восполняет себя до того целого, которое и может осуществить свое развитие. Это орган душевно-духовной работы человека над самим собой; произведение искусства включает в себя потенциальность как условие возможности человека Нового.

Итак, возвращаясь к описанию объективно-аналитического метода, предложенного Л.С. Выготским, можно выделить два этапа его применения: 1) анализ «вещи искусства» — т.е. выделение ее особой функциональной структуры; 2) реконструкция «того устройства психического аппарата человека, который данной вещью искусства “предполагается” — предполагается в качестве условия возможности самого ее существования в качестве таковой, то есть, — “вещи искусства”» (Там же, с. 145).

К каким же «вещам искусства» мы можем обратиться, чтобы обнаружить

«человека рефлексующего»? Обнаружение и описание таких объектов потребовало реализации определенного методологического подхода, который предполагал опору, с одной стороны, на объективно-аналитический метод Л.С. Выготского, а с другой — на теоретические ориентиры — сетевую функциональную модель рефлексии.

Обращение к идеям Ю.М. Лотмана (Лотман, 2004), об «удвоении реальности» и «удвоении удвоения», феномены которых наблюдаются в произведениях искусства с изображением зеркала (Веласкес «Менины», Ян ван Эйк «Портрет четы Арнольфини», К. Массейс «Меняла с женой»), позволило нам (Аникина, 2012) обнаружить, что появление зеркала и зеркального изображения в картине вводит в нее новый самостоятельный структурный элемент — точку зрения.

Основное значение включения зеркала — «точки зрения» — в картину — это расширение бытия картины, познание того, что не могло быть возможным без этой точки зрения, а также фиксация обобщенного знания (знак, модель) о языке изображения, которое представлено на картине в виде изображения в зеркале. Другими словами, мы наблюдаем результат некоторого механизма, связанный с самопознанием культуры, имеющий вероятность трансляции с помощью «знакового объекта» — картины с зеркалом. «Сочетание зеркала и метаструктурных элементов... позволило... сделать предметом наглядного познания самое сущность изобразительного языка, его отношение к объекту», — отмечает Ю.М. Лотман (Лотман, 2004, с. 197).

Исследование картин с изображением зеркала позволило нам показать, что в культуре существуют формы трансляции рефлексии — знаковые объекты, и такими объектами могут быть произведения художественного творчества — «вещи искусства». Теперь перед нами стоит задача максимально обобщенно описать эти объекты.

Нам видится, что «знаковыми объектами» культуры, в которых могут быть функционально зафиксированы структурные элементы рефлексии, являются тексты, появление которых обусловлено поставленными рефлексивными задачами (задачами на познание, развитие и регуляцию). Одним из требований к рефлексивным текстам является освоенность личностью понятийного уровня развития слов.

Мы отмечали, что рефлексивные языковые тексты характеризуются наличием метаязыковых структур, в которых отражены обобщенные представления о самом языке или о том объекте, который рассматривается в тексте. В художественном произведении этим объектом является Герой, а рефлексующим субъектом становится Автор. Присутствие в структуре текста возвратных глаголов, местоимений, возвратных конструкций (И.Е. Ким — см.: Вепрева, 2003), рефлексивных лексем, рефлексивных стратегий (Л. Фальц), рефлексивов (Там же), а также таких литературных приемов, как «музейное мышление» (А. Битов), «метод медленного письма» (С. Соколов), «выход в область пограничных смыслов» (В. Пелевин), является показателем присутствия рефлексии в тексте.

Но текст, в широком смысле слова, — это объект, появление которого связано с использованием любого языка, с помощью которого можно передать значения и смыслы, понимаемые людьми.

Итак, рефлексивный текст (в широком смысле слова) — это текст, который функционально можно рассматривать как ответ на задачу о познании, развитии и регуляции объекта рефлексии. В нем выделяются авторская или иные позиции (рефлексивные позиции), относительно которых выстраивается некое представление о решении задачи (модель) в рамках созданного «выпадения» (хронотопа) из наличного, существующего контекста рефлексивной реальности.

Рефлексивным текстом в культуре может быть любой семантический текст, в котором присутствуют указанные нами признаки. Это могут быть художественные произведения, театральные представления и т.д. Другими словами, рефлексивным текстом — «знаковым объектом» — может быть любое произведение искусства, при условии, что в нем отражены знание о рефлексивной реальности, точка зрения (рефлексивная позиция), относительно которой это знание представляется, и средства диалога со зрителем (язык, пластика тела, зеркало и т.д.).

Обратимся к решению вопроса о способах употребления «знаковых объектов» рефлексии. Здесь уместно отметить мысль М.К. Мамардашвили о том, что культура (в широком смысле), конкретная практика являются носителями зафиксированного познания и понимания (Мамардашвили, 1984). Взаимодействие с

культурой рождает предметные действия понимания. Нам надо понять, каким образом человеку необходимо взаимодействовать с культурой, чтобы она транслировала рефлексии?

Поиск ответа на поставленный вопрос может быть связан со следующим ходом размышлений. Существуют культурные объекты, которые созданы рефлексивным Другим, заинтересованным в том, чтобы с созданным им знаковым объектом рефлексии вступила в диалог (т.е. ценностно приняла его, устремилась к нему, Другому, как к значимому, раскрылась и начала задавать ему вопросы) личность, которая в этом обращении решала бы свою задачу — задачу на познание, развитие и регуляцию. Эта встречу можно назвать — открытие себя в диалоге с Другим.

Пытаясь найти конкретный механизм трансляции рефлексии, мы, как нам кажется, делаем ошибку. Чтобы избежать ее, необходимо обратить внимание на представления о нелинейной, системной детерминации психических процессов (Там же). Это означает, что необходимо указать те условия и факторы, которые могут определять вероятность проявления рефлексии и, тем самым, ее трансляцию в культуре благодаря знаковым объектам. Условия трансляции рефлексии в культуре мы разделили на три группы.

1. Особенности «знаковых объектов»:

– в «знаковых объектах» рефлексии должна быть зафиксирована рефлексивная работа (рефлексивный процесс автора (Другого)), которая представлена с помощью различных рефлексивных средств

(языковые структуры, художественные структуры, схематизмы, и т.д.);

– «в знаковом объекте» можно выделить элементы рефлексии;

– «знаковый объект» обладает жизненной контекстностью для личности (содержание этого условия мы раскроем ниже);

– в «знаковых объектах» рефлексии транслируются ее (рефлексии) смыслы (ценности познания и самопознания, развития и саморазвития, регуляции и саморегуляции и т.д.);

– «знаковые объекты» рефлексии могут быть включены в рефлексивные формы социального взаимодействия.

2. Особенности Другого:

– Другой может рефлексировать;

– автор (Другой) стремится ответить в «знаковом объекте» на вопросы познания, развития и регулирования;

– автор (Другой) готов к диалогу со зрителем (другой личностью), т.е. готов к безусловному принятию, доверию, открытости, ценностному отношению к тому, кто потенциально, только возможно соприкоснется с тем «знаковым объектом», который создал автор. Автор своей подлинной жизнью рождает будущую личность. Именно поэтому, как отмечает А.А. Пузырей, в искусстве рождается и возрождается Новый человек, искусство развивает личность (Леонтьев, 2007).

3. Особенности личности, осваивающей рефлексии:

– личность ставит перед собой задачи на познание, развитие, регуляцию;

– личностью освоены языковые системы на понятийном уровне, знаковые системы и техники (рефлексивные средства);

– проблемность, конфликтность, которые личность стремится разрешить;

– готовность вступить в диалог с Другим, открытость, вопрошание.

Решая задачу объяснения искусства как общения, А.А. Леонтьев высказал очень важную для нашего исследования мысль: «В своем восприятии произведения я могу столкнуться (и обычно сталкиваюсь) с какими-то новыми для меня языковыми средствами. Я их пойму, они окажутся для меня функционально нагруженными, если я встречу их впервые не вне содержательного контекста, а в такой системе, в таком контексте, где, несмотря на новизну, мне будет ясна задача и функция данного средства» (Там же, с. 315–316).

Итак, важным моментом трансляции рефлексии в диалоге должна быть понятная для личности контекстность «знакового объекта», средств и элементов рефлексии. Т.е. понимание рефлексивных элементов возможно, если они включены в понимаемый для личности жизненный контекст.

Далее мы бы хотели сделать акцент на следующей мысли А.А. Леонтьева: «Если мне доступна техника искусства и доступны принципы построения языка искусства, я смогу экстраполировать это знание на такие его средства, которые раньше в моем опыте не встречались» (Там же, с. 314). В нашем случае для понимания средств рефлексии в произведении искусства необходима «дополнительная подготовка» личности — не только в освоении языка на понятийном уровне, но и (в случае искусства) в освоении «техник искусства и принципов построения языка искусства».

Итак, вступая в диалог с Другим, личности необходимо понимать его язык, принципы построения этого языка. Такое требование, с нашей точки зрения, относится и к любому виду «знаковых объектов» рефлексии — искусству, науке, деятельности.

Мы уже отмечали, что встреча Другого и личности, наверное, самый сложно описываемый процесс освоения и трансляции рефлексии. Во-первых, для его осуществления должны возникнуть (должны быть созданы) условия. Во-вторых, Другой, как «носитель» рефлексии, в диалоге должен проявлять новые элементы общения, функционально отражающие рефлексивный механизм, — это станет источником вопрошания, задачей на понимание и, тем самым, на освоение рефлексии уже самой личностью.

Итак, для трансляции и развития рефлексии необходимо: учитывать условия и факторы, которые обуславливают ее проявление, — контекстную составляющую освоения рефлексии (для каждого человека она индивидуальна), освоенные личностью знаковые системы и техники (способы деятельности) и, наконец, сам процесс осуществления рефлексивного диалога, в рамках которого Другой демонстрирует

в общении с личностью элементы, функционально отражающие процесс рефлексии.

Этот вывод очень важен для практической психологии, в рамках которой осуществляется разработка приемов и методов решения проблемы развития и формирования рефлексии как психотехники, как механизма, который, исторически транслируясь в культуре, позволяет личности осознанно и активно включиться в организацию своей жизни.

Итак, в данной работе мы осуществили разработку культурно-диалогического подхода в исследовании рефлексии, очертив его философские и методологические основания. Прежде всего, это гуманитарные и антропологические идеи в философии. Для нас важным было понимание рефлексии, представленное не только в трансцендентальной и марксистской традициях, но и в экзистенциально-герменевтической. Конструктивное развитие идей культурно-исторической и диалогической парадигм, реализуемое в отечественной психологии, достижения семантики, культурологии позволили нам определить новый ракурс изучения рефлексии, увидеть новые направления исследования рефлексии в современной психологии.

Литература

Алексеев Н.Г. Рефлексия: Доклад на Летней психологической школе факультета психологии МГУ. 1982 // *Seminarium hortus humanitatis*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.humanitatis.info/10%20almanax/alm%2010%20alekseev.htm>.

Аникина В.Г. Экзистенциальная рефлексия личности в проблемно-конфликтных ситуациях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГПУ, 2000.

Аникина В.Г. Психотехническая модель рефлексии: теоретические основания

и описание // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 6. С. 17–23.

Аникина В.Г. Рефлексия в культурно-исторической психологии: Монография. М.: Макс-Пресс, 2011а.

Аникина В.Г. Феноменология рефлексии: культурно-исторический аспект рассмотрения // Рефлексивные процессы и управление. 2011б. № 1–2. С. 44–56.

Аникина В.Г. Рефлексия в культурно-исторической психологии. М.: Макс-Пресс, 2012.

Аникина В.Г., Коваль Н.А., Семенов И.Н. Исследование экзистенциальной рефлексии в проблемно-конфликтных ситуациях. Тамбов: ТГУ, изд-во им. Г.Р. Державина, 2002.

Аристотель. Сочинения: В 4 т. / Пер. с древнегреч., общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984. Т. 4.

Аристотель. О душе // Аристотель. СПб.: Питер бук, 2002.

Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл; ИЦ Академия, 2007.

Бажанов В.А. Рефлексия в современном науковедении // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2, № 2. С. 73–89.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979.

Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. М.: Рус. словари; Языки славянских культур, 2000. С. 5–176.

Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000.

Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 15–92.

Бубер М. Два образа веры. М.: ООО Фирма «Издательство АСТ», 1999.

Вепрева И.Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом

освещении: На материале высказываний-рефлексивов 1991–2002 гг.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003.

Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982а. Т. 2. С. 5–361.

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982б. Т. 1. С. 291–436.

Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. С. 5–328.

Выготский Л.С. О психологических системах // Выготский Л.С. Психология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.

Гегель Г.-В.-Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию. СПб.: Владимир Даль, 2004.

Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005.

Давыдова Г.И. Рефлексивный диалог в образовательном процессе вуза: Дис. ... д-ра. пед. наук. М., 2010.

Давыдова Г.И., Семенов И.Н. Рефлексивно-диалогическая психотерапия: экзистенциальная модель развития личности // Мир психологии. 2006. № 2. С. 110–117.

Декарт Р. Сочинения. СПб.: Наука, 2006.

Знаков В.В. Психология понимания: проблемы и перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2005.

Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997.

Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 164–335.

Картов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2004.

Кузьмин А.А. Критика рефлексивного разума. Новгород: НовГУ, 1998.

Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высш. религиозно-филос. школа, 1998.

Левинас Э. Путь к Другому. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2007.

Лейбниц Г.-В. Монадология // Лейбниц Г.-В. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 413–429.

Леонтьев А.А. Психология общения: Учеб. пособие для студ. вузов. М.: Смысл; ИЦ Академия, 2007.

Левевер В.А. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003.

Левевер В.А. Космический субъект. М.: Когито-Центр, 2005.

Лифинцева Т.П. Философия диалога Мартина Бубера. М.: Ин-т философии РАН, 1999.

Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 2.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2004.

Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.

Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.

Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.

М.М. Бахтин как философ / Под ред. Л.А. Гоготишвили, П.С. Гуревич. М.: Наука, 1992.

Парамонов Д.О. Рефлексия: экспликация генезиса понятия: Дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2001.

Пузырей А.А. Психология. Педагогика. Психагогика. М.: Смысл, 2006.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

Семенов И.Н. Тенденции психологии развития мышления, рефлексии и познавательной активности. М.; Воронеж: МПСУ, 2000.

Семенов И.Н. Философия гуманизации образования и рефлексивность диалога // Рефлексивные процессы и управление. 2001. № 1. С. 113–119.

Семенов И.Н. Типология, периодизация и организация рефлексивного подхода в психологии и социогуманитарных науках // Рефлексивный подход к психологическому обеспечению образования: Сб. ст. М.; Ярославль, 2004. С. 18–32.

Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Проблема предмета и метода психологического изучения рефлексии // Исследование проблем психологии творчества. М.: Наука, 1983.

Семенов И.Н., Степанов С.Ю. От психологии рефлексии к рефлексивной культуродигме в психологии // Рефлексия в науке и обучении. Новосибирск: ИФП СР РАН, 1989.

Старовойтенко Е.Б. Рефлексия личности в культуре // Мир психологии. 2007а. № 4. С. 209–220.

Старовойтенко Е.Б. Культурная психология личности: Монография. М.: Академический проект, 2007б.

Степанов С.Ю. Развитие рефлексивной культуры госслужащих инновационно-гуманистическими методами: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1999.

Толковый словарь / Под ред. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс].

URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php/wordid=66310>.

Фихте И.-Г. Наукоучение 1801 года. М.: Логос, 2000.

Щедровицкий Г.П. Рефлексия в деятельности // Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. С. 64–125.

РЕФЛЕКСИВНО-ЛИЧНОСТНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КАК ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К САМОРЕАЛИЗАЦИИ

А.В. РЕПЕЦКАЯ, Ю.А. РЕПЕЦКИЙ

Репецкая Анжела Васильевна — соискатель кафедры социальной психологии и психотерапии Института социологии, психологии и управления Национального педагогического университета им. Н.П. Драгоманова (Украина, г. Киев), преподаватель кафедры психологии Запорожского национального технического университета (Украина).

Контакты: psi@optima.com.ua

Репецкий Юрий Анатольевич — соискатель кафедры практической психологии Запорожского национального университета (Украина), заведующий Запорожским отделением Института рефлексивной психологии творчества и гуманизации образования.

Контакты: psi@optima.com.ua

Резюме

В рамках развиваемого авторами статьи рефлексивно-смыслового подхода к пониманию личностного самоопределения рассматривается продукт этого процесса — готовность к самореализации — как психологическое образование мотивационной (установочной) природы, имеющее сложную структуру.

Предлагается эмпирическая верификация представлений о готовности к самореализации через самоотношение, самоактуализацию и смысложизненные ориентации личности.

Ключевые слова: личностное самоопределение, готовность к самореализации, самоотношение, самоактуализация, смысложизненные ориентации личности.

Стремление личности к успеху — одна из характерных особенностей нашего времени. Успех сегодня — это и цель, и ценности, и важный критерий для оценки результатов деятельности человека. Но подлинный успех неотделим от самореализации личности. Именно стремлением к самореализации нередко объясняют свой успех люди, чьи реальные достижения высоко оцениваются обществом. Самореализация постепенно превращается в социальную и личностную ценность, оказывающую значительное влияние на жизнедеятельность личности. Между тем самореализация сравнительно недавно стала предметом психологических исследований, и сегодня отсутствует развернутая психологическая реконструкция ее сущностных характеристик.

Успех в раскрытии сущности самореализации связан с возникновением и утверждением в отечественной психологии методологических и концептуальных инноваций. В последнее время отечественная психология достигла заметного прогресса в осмыслении феномена «изменяющейся личности в изменяющемся мире», в разработке смысловой концепции личности, в раскрытии механизмов самодетерминации, в понимании сущности творчества и жизнетворчества, а также ключевого места и важнейшей роли рефлексии в смысловых процессах, благодаря которым возможен прогресс в раскрытии сущности самореализации.

Найти себя, понять, чего ты хочешь и можешь, воплотить свои желанные замыслы в жизнь, несмотря на все трудности и преграды, — вот наиболее важные признаки само-

реализации, в нашем понимании. Добавим, что самореализация — процесс удовлетворения человеком потребности быть тем, кем он хочет и может быть. Самореализация, а точнее, готовность к самореализации — продукт успешного личностного самоопределения. В этом состоит базовое положение развиваемой нами рефлексивно-смысловой концепции личностного самоопределения (Семенов, Репецкий, 1999; и др.). В нашей концепции утверждаются идеи о необходимой связи личностного самоопределения и самореализации личности. Наиболее целостно и последовательно положения нашей концепции представлены и обоснованы в работе (Репецкий, Семенов, 2004), где также приводятся положения, указывающие на центральное место и ключевую роль рефлексии в осуществлении успешного личностного самоопределения.

Процесс личностного самоопределения как осмысление и переосмысление личностью степени своей готовности к самореализации сопровождается экзистенциальной активностью и опосредуется работой экзистенциальной рефлексии (Репецкая, Репецкий, 2013). Собственно личностное самоопределение начинается с того, что смысл жизни как обобщенный мотив жизнедеятельности перестает выполнять свою побудительную, направляющую и смыслообразующую функцию. Завершается процесс успешного личностного самоопределения формированием нового действующего обобщенного мотива жизнедеятельности или смысла жизни. На всех этапах и стадиях личностного самоопределения, по нашему мнению, ключевую роль

играет именно экзистенциальная рефлексия.

Одним из самых серьезных недостатков известных нам концепций личностного самоопределения является неудовлетворительное состояние их эмпирического базиса: либо он носит частичный, фрагментарный характер, либо между концептуальными и эмпирическими положениями имеет место очень большой содержательный и логический разрыв. Положения же развиваемой нами концепции достаточно убедительно обосновываются через систему диагностических конструктов и стоящих за ними эмпирических индикаторов, таких как самоотношение, смысло-жизненные ориентации, уровень самоактуализации, личностные ценности и мотивы (Алюшина и др., 2000; Семенов и др., 2002). В результате процесса личностного самоопределения эти образования становятся компонентами готовности к самореализации – устойчивого мотивационного образования установочной природы, которое является инструментом рефлексивно-смысловой саморегуляции жизнедеятельности личности.

Методики и процедура исследования

При изучении ключевых аспектов готовности к самореализации мы исходили из нескольких достаточно простых посылок.

1. Самореализующаяся личность, а особенно имеющая опыт успешной самореализации, уже обладает сформировавшейся готовностью к самореализации.

2. Необходимо найти прецеденты самореализации, причем желатель-

но, чтобы они имели место в однородных условиях, например, в одной социально-профессиональной сфере. В нашем случае это сфера управления.

3. Одним из индикаторов самореализации управленца является его успешность. Успешность же – скорее психологический феномен, в котором находят свое отражение личностные и психологические факторы, не только обеспечивающие успех, но и делающие его закономерным (воспроизводимым и устойчивым) итогом активности личности (Алюшина и др., 2000).

Нами было проведено диагностическое исследование, в котором приняли участие 360 управленцев. В выборку были включены управленцы с различным опытом работы и характером управленческой деятельности, занимающие различные позиции в служебной иерархии предприятия. Добавим, что все испытуемые были мужского пола. Исследование проводилось в рамках реализации программы по формированию кадрового резерва на одном из крупных машиностроительных предприятий. Перед нами была поставлена задача: с помощью надежных и валидных психодиагностических методик подтвердить правильность отбора группы так называемых «успешных» управленцев, отобранных в качестве резерва для дальнейшего обучения и последующего замещения ими ключевых управленческих должностей. Фактически вопрос стоял об инвестировании в эту группу значительных финансовых средств для их дальнейшего развития и обучения. В качестве критерия для дифференциации испытуемых выступил

комплексный показатель, в который были включены: объективные показатели эффективности их работы, результаты экспертных оценок, проведенных опытными управленцами, самооценки испытуемых. Социально-психологическая служба предприятия провела оценку управленческих способностей, качеств и целого ряда других показателей.

Научный интерес участия в этом исследовании заключался, прежде всего, в дальнейшей апробации и подтверждении валидности разработанной ранее диагностической концепции и диагностических процедур (Там же).

Из экспериментальной выборки были выделены две подвыборки: в первую подвыборку (26 человек) вошли так называемые «успешные» управленцы, а во вторую (30 человек) — «неуспешные».

Основная задача этого исследования — обнаружить различие между особенностями личностной сферы, презентующими нам готовность к самореализации испытуемых первой и второй выборки. Для решения этой задачи нами было использовано три методики: Методика исследования самоотношения (МИС) С.Р. Пантелева, Тест СЖО Д.А. Леонтьева, Методика САМОАЛ Н.Ф. Калиной.

Обоснование релевантности этих методических средств цели и задач нашего исследования, анализ их диагностических концепций и конструктов, а также обоснование конструктивной валидности всей диагностической процедуры было представлено нами ранее (Алюшина и др., 2000; Семенов и др., 2002). Подчеркнем, что диагностические концепции этих методик и их индикато-

ры скорее отражают важнейшие составляющие готовности к самореализации, но не исчерпывают их.

Результаты исследования и их обсуждение

Самоотношение порождается через столкновение Я с мотивами самореализации и представляет собой результат оценок себя и чувства расположенности или симпатии к себе. По сути, самоотношение выполняет функцию обратной связи в жизнедеятельности личности, адекватно информируя ее о степени успешности самореализации.

Мы полагаем, что самореализация становится возможной только при наличии определенной степени актуального положительного (позитивного) личностного смысла Я. К этому следует добавить, что именно через самоотношение субъекту собственно и презентуется его личностный смысл Я.

Особенности самоотношения испытуемых по результатам диагностики представлены в таблице 1.

Как известно, шкалы МИС «Саморуководство», «Самоуверенность», «Закрытость» и «Отраженное самоотношение» презентуют такой фактор, как «Самоуважение». По сути, самоуважение представляет собой совокупность самооценок. Наиболее сильное влияние на самоуважение оказывает воспринимаемая и ожидаемая самооэффективность, прежде всего, при решении широкого спектра профессиональных проблем и задач.

Статистически достоверное различие наблюдается только по двум шкалам: «Самоуверенность» и

Таблица 1

**Результаты сравнительного анализа по МИС
для «успешных» (U) и «неуспешных» (N) управленцев (в баллах)**

Субшкалы МИС	Хср U	Хср N	Стат. гипот. 1	D U	D N	Стат. гипот. 2	T Критерий
ОТК	5.880	5.533	H0	1.110	1.568	H0	1.098
СУВ	7.538	6.567	H1(95)	0.898	1.150	H0	3.567
СРК	6.039	5.600	H0	0.999	1.835	H0	1.360
ОСМ	7.423	6.600	H1(93)	1.614	3.421	H1(93)	1.911
СЦН	8.846	6.867	H1(99)	0.855	4.120	H1(99)	4.574
СПР	6.692	6.333	H0	1.901	1.816	H0	0.983
СПВ	3.962	5.000	H1(90)	2.519	5.103	H1(90)	1.961
ВКН	3.961	4.700	H1(97)	1.078	1.597	H0	2.366
СОБ	3.423	4.300	H1(93)	2.013	3.872	H0	1.886

Примечание. Объем выборки N – 30 человек; объем выборки U – 26 человек.

ОТК – шкала «Открытость», СУВ – «Самоуверенность», СРК – «Саморуководство», ОСМ – «Отраженное самоотношение», СЦН – «Самоценность», СПР – «Самопринятие», СПВ – «Самопривязанность», ВКН – «Внутренняя конфликтность», СОБ – «Самообвинение».

Здесь и далее: Хср N, Хср U – среднее арифметическое выборки «успешных» и «неуспешных» управленцев; D N, D U – дисперсии тех же выборок; Стат. гипот. 1, Стат. гипот. 2 – результат решения о принятии (отклонении) статистической гипотезы об однородности анализируемых выборок: гипотеза 1 относится к однородности средних арифметических, а гипотеза 2 – к однородности дисперсий анализируемых выборок. В случае отклонения нулевой гипотезы приводится величина статистической достоверности. В качестве нижнего показателя статистической достоверности нами взята величина 90%; T-критерий – эмпирическое значение распределения Стьюдента, соответствующее построенному доверительному интервалу.

«Отраженное самоотношение». Для «успешного» управленца в большей степени, чем для «неуспешного», характерно отношение к себе как к уверенному, самостоятельному, волевому и надежному человеку, которому есть за что себя уважать. Такой человек в большей степени ощущает силу своего Я. Кроме того, высокие значения по этой шкале связаны с социальной смелостью и отсутствием внутренней напряженности, с хорошей социальной приспособленностью, отрицанием проблем, де-

прессивных состояний и аутичности, а также внутренним локусом контроля преимущественно в сфере достижений. Самое важное, что этот фактор близок к чувству компетентности, на существование которого указывали многие исследователи.

Аналогично мы имеем статистически достоверное различие средних арифметических и по шкале «Отраженное самоотношение». Эта шкала, как известно, отражает представление субъекта о том, что его личность, характер и деятельность способны

вызывать уважение, симпатию, одобрение, понимание и т.п. или же противоположные чувства. Очень важно, что этот аспект самоотношения связан с реальным отношением, демонстрируемым другими. Показатель по шкале «Отраженное самоотношение» коррелирует с эмоциональной открытостью и хорошей контактностью (коммуникативностью) и действительно отражает степень положительного отношения других. По существу, в этом показателе презентуется авторитет или позитивный имидж успешного управленца.

Вторым фактором самоотношения является аутосимпатия как совокупность субфакторов: «Самопринятие», «Самопривязанность» и «Самоценность». В этом факторе фиксируется то содержание, которое называется самоотношением на основе эмоционального чувства привязанности и расположенности к себе. Одной из интересных особенностей аутосимпатии является то, что она отражает степень честного и открытого отношения к себе на фоне устойчивого положительного эмоционального отношения к самому себе.

Так, можно видеть (см. таблицу 1), что статистические показатели по шкалам аутосимпатии группы «успешных» управленцев достоверно отличаются от показателей группы «неуспешных». Причем первая группа характеризуется более высокой «Самоценностью» и более низкой «Самопривязанностью».

Есть основания считать, что в группе «успешных» управленцев имеют место более адекватный Я-образ, более положительное отношение и меньшая консервативная привязанность к нему. По большому счету это

свидетельствует о более высоком уровне развития личностной рефлексии у успешных управленцев по сравнению с неуспешными.

Еще одним аспектом самоотношения является самоуничижение. По своему содержанию этот фактор представляет собой отрицательный полюс самоуважения и аутосимпатии. Отрицательный полюс аутосимпатии представлен как «Самообвинение», а недостаток самоуважения проявляет себя как «Внутренняя конфликтность».

По сути, этот фактор отражает направленное на себя чувство конфликтности и амбивалентности. Отметим, что высокий уровень «Внутренней конфликтности» является достаточно надежным индикатором неуспешности, т.е. неудовлетворенности самореализацией. Кроме того, это положение усугубляется самообвинением. Мы наблюдаем статистически достоверное различие как по шкале «Внутренней конфликтности», так и по шкале «Самообвинения».

Если обратиться к оценке полученных результатов в целом, то можно констатировать статистически достоверное различие по большинству субшкал МИС. Иначе говоря, «успешность — неуспешность», а значит, и готовность к самореализации достаточно точно презентуются через особенности самоотношения. Готовность к самореализации — это, в первую очередь, четко выраженный положительный (позитивный) личностный смысл Я, а собственно самореализация предполагает подтверждение и воплощение этого смысла в деятельности.

Уровень самоактуализированности как результат самоактуализации

является следующим концептом, посредством которого презентуется, на наш взгляд, готовность к самореализации. В качестве эмпирических индикаторов уровня готовности к самореализации выступают показатели по шкалам методики САМОАЛ. Результаты диагностики, полученные нами, представлены в таблице 2.

1. «Шкала ориентации во времени» показывает, насколько человек живет настоящим, не откладывая свою жизнь на потом, не пытаясь найти убежище в прошлом. Высокий результат характерен для лиц, хорошо понимающих экзистенциальную ценность жизни «здесь и теперь»,

способных наслаждаться актуальным моментом, не сравнивая его с прошлыми радостями и не обесценивая предвкушением грядущих успехов. Именно такое отношение характерно для самореализующейся личности, которая не только стремится воплотить «здесь и теперь» задуманное ранее, но и делает это реально.

Из таблицы видно, что статистические показатели выборки успешных и неуспешных управленцев статистически достоверно различаются.

2. «Шкала ценностей». Высокий балл по этой шкале свидетельствует о том, что человек разделяет ценности самоактуализирующейся личности. В контексте самореализации для

Таблица 2

**Результаты сравнительного анализа по методике САМОАЛ
для «успешных» (U) и «неуспешных» (N) управленцев (в баллах)**

Субшкалы САМОАЛ	Хср U	Хср N	Стат. гипот. 1	D U	D N	Стат. гипот. 2	T Критерий
ОВР	8.423	7.133	H1(91)	2.894	5.637	H1(91)	2.303
ЦЕН	12.654	5.997	H1(95)	3.915	9.067	H1(95)	9.655
ПЧЛ	7.962	6.700	H1(96)	1.399	3.803	H1(96)	2.871
ПОЗ	8.846	7.333	H1(95)	1.575	3.954	H1(95)	3.343
КРЕ	13.342	4.667	H1(95)	2.235	3.126	H0	19.663
АВТ	13.362	5.400	H1(95)	1.539	4.731	H1(95)	16.681
СПО	12.539	5.100	H1(95)	4.979	6.507	H0	11.528
СПН	8.154	6.933	H1(95)	1.815	4.685	H1(95)	2.486
АУТ	13.077	5.700	H1(99)	3.194	14.976	H1(99)	8.922
КОН	8.154	7.033	H1(95)	2.535	3.995	H0	2.227
ГОБ	8.539	7.600	H1(95)	2.019	3.283	H0	2.132

Примечание. Объем выборки N – 30 человек; объем выборки U – 26 человек.

ОВР – «Шкала ориентации во времени», ЦЕН – «Шкала ценностей», ПЧЛ – «Взгляд на природу человека», ПОЗ – «Высокая потребность в познании», КРЕ – «Стремление к творчеству или креативность», АВТ – «Автономность», СПО – «Спонтанность», СПН – «Самопонимание», АУТ – «Аутосимпатия», КОН – «Шкала контактности», ГОБ – «Шкала гибкости в общении».

нас особый интерес представляют такие ценности, как: целостность, отсутствие раздвоенности, уникальность и самодостаточность. Говоря об управленце, мы можем констатировать, что гармоничные отношения с коллегами и подчиненными являются достаточно надежными показателями высокого уровня самоактуализированности, а следовательно, и готовности к самореализации.

Результаты, полученные нами по этой шкале, также свидетельствуют о статистически достоверном различии показателей выборки успешных управленцев и соответствующих показателей выборки неуспешных управленцев.

3. Взгляд на природу человека может быть положительным (высокая оценка) или негативным (низкая оценка). Высокий показатель может интерпретироваться как устойчивое основание для искренних и гармоничных межличностных отношений, естественная симпатия и доверие к людям, честность, непредвзятость, доброжелательность. Нет особой необходимости подробно разъяснять, что искренние и гармоничные отношения — неотъемлемый атрибут успешного управленца.

По этой шкале теста мы также наблюдаем статистически достоверное различие показателей.

4. Высокая потребность в познании характерна для самоактуализирующейся личности, всегда открытой новым впечатлениям. И здесь, как и выше, мы имеем достоверное различие статистических показателей.

5. Стремление к творчеству или креативность — неперемный атрибут самоактуализации, который можно назвать творческим отноше-

нием к жизни, а подлинная самореализация невозможна без творческого отношения к жизни вообще и к себе в частности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что самореализующимся управленцам в статистически достоверно более высокой степени присуще творческое отношение к жизни.

6. Автономность — один из ключевых критериев развития личности, ее целостности и полноты. Самоактуализирующаяся личность автономна, независима и свободна, однако это не означает отчуждения и одиночества. Самореализующаяся личность — это целостная и самодостаточная личность, свободная от ситуативного влияния. Для такой личности характерна высокоразвитая саморегуляция, охватывающая все уровни, включая смысловую самодетерминацию.

Результаты статистического анализа по этой шкале теста свидетельствуют о значимо более высоком уровне автономности, характерном для группы самореализующихся управленцев.

7. Спонтанность — это качество, вытекающее из уверенности в себе и доверия к окружающему миру, что свойственно самоактуализировавшимся людям. По этой шкале мы также имеем статистически достоверное различие выборочных средних и дисперсий.

8. Высокий показатель по шкале «Самопонимание» свидетельствует о чувствительности, сензитивности человека к своим желаниям и потребностям. Без определенного уровня самопонимания вообще нельзя говорить о самореализации. Самопонимание, самопознание более логично считать

одним из продуктов (результатов) рефлексии. Самореализация — это и есть воплощение своих желаний, стремлений, идеалов и других личностно осмысленных образований, выполняющих побудительную функцию. Полученные результаты убедительно свидетельствуют о значительно более высоком среднем уровне самопонимания в выборке самореализующихся управленцев.

9. Аутосимпатия — естественная основа развитой, а значит, целостной и гармоничной личности. Прежде всего, это хорошо осознаваемая (отрефлексированная) позитивная Я-концепция, служащая источником устойчивой адекватной самооценки. Позитивная Я-концепция выступает обобщенным мотивационным образованием, играющим роль мотиватора в процессе самореализации.

По шкале «Аутосимпатия» мы имеем статистически достоверное различие выборочных показателей.

10, 11. Баллы по «Шкале гибкости в общении» и «Шкале контактности» — важные показатели, характеризующие специфику профессиональной деятельности управленца. Гармоничное, гибкое и продуктивное общение — это характеристики, без которых вообще нельзя говорить об успешной профессиональной деятельности управленца.

Оказалось, что результаты, полученные по этим двум шкалам, схожи между собой. Средние выборочные величины контактности и гибкости в общении успешных управленцев статистически достоверно отличаются от тех же показателей выборки неуспешных управленцев.

Итак, самоактуализировавшаяся личность, в понимании А. Маслоу, —

это, прежде всего, личность, достигшая определенного уровня развития. С одной стороны, это интегральное свойство выступает как одно из необходимых условий самореализации личности, а с другой — является продуктом успешной и отрефлексированной самореализации. По существу, самоактуализированность как интегральное свойство личностного уровня выступает как одна из сторон или аспектов готовности к самореализации.

Процесс самореализации личности сопровождается рефлексивным переживанием чувства осмысленности жизни. В качестве источников, обуславливающих возникновение указанного чувства, могут выступать: наличные жизненные цели; процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни; результативность жизни или удовлетворенность самореализацией; а также локус контроля — Я или ощущение «Я — хозяин жизни»; локус контроля — жизнь или чувство управляемости жизнью. Интенсивность интегрального чувства осмысленности жизни определяется, с одной стороны, вкладом каждого указанного источника, а с другой — «весом» каждого источника. Отрефлексированное чувство осмысленности жизни проявляет себя как смысл жизни. Смысл жизни функционально имеет статус обобщенного мотива, порождая активность, направленную на подтверждение этого смысла.

Указанные выше источники смысла жизни могут презентироваться в форме смысложизненных ориентаций. Одним из методических средств, позволяющих оценить индивидуально-личностные особенности проявления

смысложизненных ориентаций, является Тест СЖО Д.А. Леонтьева. Результаты диагностики и сравнительного анализа особенностей смысложизненных ориентаций успешных и неуспешных управленцев приведены в таблице 3.

1. «Цели в жизни». Значительно более высокое среднее значение в выборке успешных управленцев свидетельствует о более выраженном наличии у них целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Самореализация не только предполагает воплощение «здесь и теперь» всего того, что было задумано и спланировано ранее. Достаточно важным фактором, санкционирующим и направляющим самореализацию, является высоко-развитая и гармоничная перспектива (личностная, смысловая и временная).

2. «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни». Этот показатель свидетельствует о том, воспринимает ли испытуемый сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Для успешных управленцев в большей степени, чем для неуспешных, характерна тенденция жить сегодняшним днем. Для неуспешных более характерна неудовлетворенность своей жизнью в настоящем.

3. «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией». Баллы по этой шкале отражают оценку прожитой части жизни, ощущение того, насколько полноценна и осмысленна она была. Полученные результаты свидетельствуют о том, что самореализующимся управленцам в значительно более высокой степени присуща тенденция рассматривать свою жизнь как результативную

Таблица 3

**Результаты сравнительного анализа по Тесту СЖО
для «успешных» (U) и «неуспешных» (N) управленцев (в баллах)**

Шкалы СЖО	Хср U	Хср N	Стат. гипот. 1	D U	D N	Стат. гипот. 2	T Критерий
ЦЕЛ	37.962	28.833	H1(95)	12.919	30.902	H1(95)	7.170
ПРО	34.039	27.367	H1(95)	13.079	12.171	H1(95)	7.017
РЕЗ	29.308	25.800	H1(95)	7.982	14.855	H0	3.832
ЛКЯ	25.269	20.700	H1(95)	5.165	9.803	H0	6.163
ЛКЖ	33.307	26.367	H1(95)	16.382	18.309	H0	6.207
ООЖ	160.50	129.067	H1(91)	72.660	152.202	H1(91)	10.792

Примечание. Объем выборки N – 30 человек; объем выборки U – 26 человек.

ЦЕЛ – «Цели в жизни», ПРО – «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни», РЕЗ – «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией», ЛКЯ – «Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)», ЛКЖ – «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни», ООЖ – «Общий показатель осмысленности жизни».

и естественно ощущать удовлетворенность самореализацией. Для неуспешных управленцев более характерна противоположная тенденция — неудовлетворенность прожитой частью жизни. Это может означать, что первая группа скорее склонна рассматривать свой прошлый опыт как ресурс для будущих достижений, а группа неуспешных, напротив, — как преграду и ограничение.

4. «Локус контроля — Я (Я — хозяин жизни)». Для усредненного представителя выборки U более характерно представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. Усредненному же представителю другой выборки в более выраженной степени присуще неприятие в свои силы в отношении контроля событий собственной жизни.

5. «Локус контроля — жизнь или управляемость жизни». Для самореализующихся управленцев более характерна убежденность в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Для неуспешных управленцев характерно большее тяготение к фатализму, им присуща убежденность в том, что жизнь человека неподвластна сознательному контролю, что свобода выбора иллюзорна и бессмысленно что-либо планировать на будущее.

6. Интегрируются рассмотренные тенденции в «Общем показателе осмысленности жизни». Как и следовало ожидать, мы имеем статистиче-

ски достоверное различие показателей для выборок U и N.

Подлинная самореализация — достаточно надежный показатель высокого уровня развития личности как воплощения неповторимых и одновременно уникальных глубинных, сущностных свойств человека. Непосредственным индикатором такой индивидуальности является готовность к самореализации, некоторые свойства которой мы рассмотрели. Полученная интерпретация соотносится с теми представлениями о самореализующейся личности, которые имеются в науке и обыденном опыте.

Выводы

1. Благодаря новым достижениям отечественной психологической науки возможен прогресс в изучении глубинных, сущностных свойств человека, а также таких целостных и сложных концептов, как самореализация и диалектически связанное с ней личностное самоопределение.

2. Личностное самоопределение — это рефлексивно-смысловой процесс, продуктом которого является готовность к самореализации — сложное образование мотивационной (установочной) природы.

3. Структура готовности к самореализации как мотивационно-смысловое образование и как продукт рефлексивно-смыслового личностного самоопределения операционализируется, в частности, через особенности самоотношения, самоактуализации и смысложизненных ориентаций личности.

Литература

Алюшина Н.А., Репецкий Ю.А., Семенов И.Н. Психодиагностика и развитие рефлексивности профессионального самоопределения успешных управленцев: Учебно-методическое пособие. М.; Сочи, 2000.

Репецкая А.В., Репецкий Ю.А. Экзистенциальная рефлексия и изменение восприятия личностью себя и своего жизненного мира // Мир психологии. 2013. № 1 (73). С. 148–154.

Репецкий Ю.А., Семенов И.Н. Личностное самоопределение как смыслодинамический процесс // Развитие и саморазвитие личности (К 100-летию юбилею А.Н. Леонтьева): Сборник научных

статей / Под общ. ред. А.А. Деркача. М., 2004. С. 108–120.

Семенов И.Н., Репецкий Ю.А. Личностное самоопределение как ключевой фактор образования взрослых // Мир психологии. 1999. № 2. С. 32–38.

Семенов И.Н., Репецкий Ю.А., Учайде С.С. Рефлексивно-акмеологические особенности смысложизненных ориентаций самореализующейся личности // Проблемы рефлексивной психологии, акмеологии, политологии, педагогики, социального развития и профессионального образования: Материалы международного симпозиума. М.; Брянск, 2002. С. 43–48.

РЕФЛЕКСИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ ТУРИЗМА

Г.И. ДАВЫДОВА

Давыдова Галина Ивановна — заведующая кафедрой Западно-подмосковного института туризма, доктор психологических наук, доцент. Автор ряда статей и книг, в т.ч. монографии «Рефлексивный диалог в образовательном процессе вуза» (2008).

Сфера интересов: рефлексивно-диалогическая парадигма в познании, образовании, управлении.

Контакты: davydova@nm.ru

Резюме

Формальная логика научного знания, преподаваемого студентам в вузе, задает образ кажущейся замкнутости и отделения науки от широкой культуры.

Вместе с тем одна из функций научных картин мира должна обеспечивать объективизацию соотносимых с ней научных знаний, их понимание и включение в культуру. Даже очень рафинированное и формализованное знание остается представленным словами, словами посредника — преподавателя, выступающего культурным медиатором, выводящим студента как субъекта научного знания из замкнутой конструкции науки. Культурные медиаторы, включенные в процесс научного познания в вузе, позволяют студентам, как субъектам научного познания, находящимся в разных научных дискурсах, найти общие точки для построения событийной коммуникации через метафоры.

Ключевые слова: *профессиональная культурная идентичность, творческая направленность личности, культурные медиаторы, событийность, психологическая поддержка, объединенный познающий субъект, Образ Я, Я-концепция.*

В условиях техногенной цивилизации в российской экономике возрастает необходимость научного осмысления и обоснования процессов, про-

исходящих в сфере туризма, создания системы подготовки кадров международного уровня на основе профессионального туристского образования.

Это определило новый уровень требований к содержанию профессиональной подготовки менеджеров туризма, к личностным характеристикам специалистов, к формированию их профессиональной рефлексивной компетентности, ценностной составляющей которой выступает *профессиональная культурная идентичность*.

Открывающийся в познании мир существует во множестве каналов реальности. Он воспринимается как творимый и стремительно эволюционирующий: развитие самого человека включает в работу все новые реальности, для которых необходимы новые языковые средства осознания. Их реализация требует построения выходов субъекта знания из дисциплинарных в трансдисциплинарные пространства и оснащения его позиции соответствующим инструментарием. Выход из сложившихся тупиков научного знания требует новых технологий, в том числе образовательных, применение которых позволило бы решать задачи, неразрешимые в единственном канале реальности ныне действующей классической основной модели.

Одним из видов таких технологий является рефлексивно-диалогический подход, связанный с развитием творческой направленности субъекта научно-практического знания и оснащенный специальными (событийными) средствами для осознания субъектом самого себя, своей деятельности, своей культурной идентичности (Давыдова, 2008). Этот подход базируется на рефлексивной психологии (Семенов, 2000; Семенов, Степанов, 1992) как концепту-

альной основе разработки рефлетехнологий (Семенов и др., 2011) развития личности и ее профессионализма в современном социокультурном пространстве.

Профессиональная культурная идентичность — это позиция индивидуального и группового субъекта в профессии, оснащенная языковыми средствами для осознания и структурирования им реальности самого себя и своей деятельности. Такая позиция является пунктом входа субъекта в структурируемый им канал реальности, где наиболее общее пространство — культура. В этом канале детерминируются онтология (представления субъекта о сущем) и принимаемая субъектом рациональность (что для него в этом канале реальности разумно), развивается и ограничивается его деятельность. Профессиональная культурная идентичность используется субъектом для проектирования, структурирования и переструктурирования своей деятельности, автокоммуникации и коммуникации с другими субъектами через согласование принимаемых ими реальностей.

Культурная идентичность (Я-культурное) включена во внутреннюю (субъективно-ценностную) структуру направленности, связанную с самоопределением человека в терминах *отношения* к себе (рисунок 1). Внешняя структура, социально опосредованная, обусловленная становлением самооценки, — Я-концепция. Генезис направленности личности связан с развитием отношений, изменением качества присущей ей страстности. Когда границы «моего» увеличиваются до чувства моей идентичности с миром культуры,

направленность личности характеризуется *беспристрастностью отношений*. Уровень рефлексивных отношений характеризуется качеством *внеаходимости* (Давыдова, Семенов, 2009).

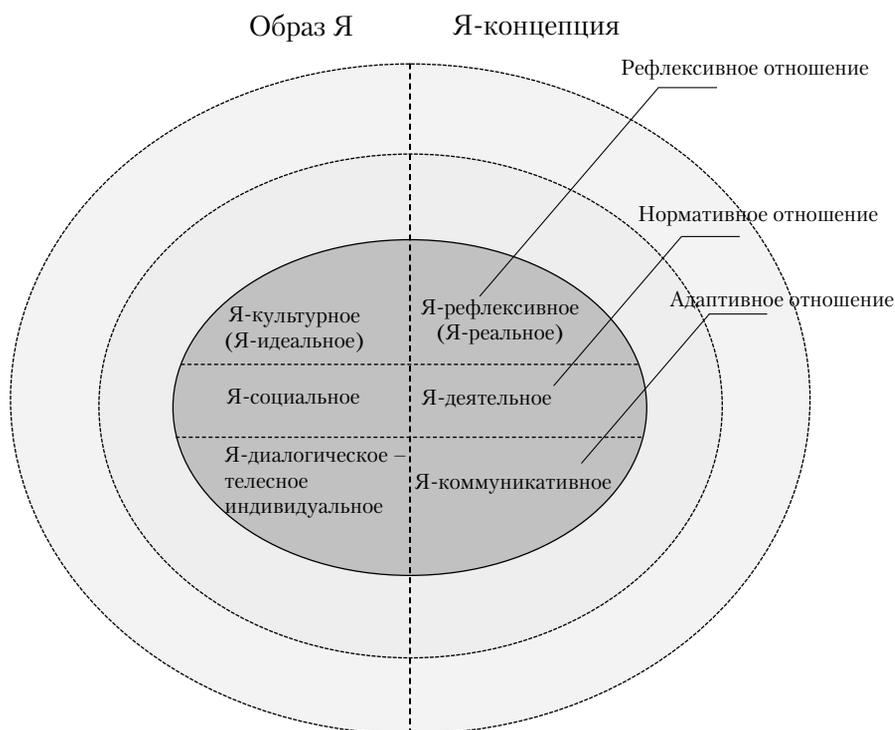
Формальная логика научного знания, преподаваемого студентам в вузе, и его точные определения создают образ кажущейся замкнутости и отделения науки от широкой культуры. Вместе с тем одна из функций научных картин мира должна обеспечивать объективизацию соотносимых с ней научных знаний, их понимание и включение в культуру. Даже очень рафинированное и формализованное знание остается представлен-

ным словами посредника — преподавателя, выступающего культурным медиатором, выводящим студента как субъекта научного знания из замкнутой конструкции науки. Возвращаясь после такого выхода в пространство строгого научного знания, субъект не оставляет это знание неизменным, а структурирует и переструктурирует его на основе открывшихся способов видения исследуемого предмета (Давыдова, Чернега, 2012).

Культурные медиаторы, включенные в процесс научного познания в вузе, создают поток креативности — порождения и конструирования культурных микросред. Это позволяет

Рисунок 1

Рефлексивная модель творческой направленности личности

студентам как субъектам научного познания, находящимся в разных научных дискурсах, найти общие точки для построения *событийной* коммуникации через метафоры. Событийность в рефлексивном диалоге рассматривается как поддержка Другого (в процессе творческого приспособления к реальности) в его попытке опереться на свою способность видеть вещи объективно благодаря своей особым образом организованной присоединенности к другим.

В соответствии с философской позицией конструктивизма то, с чем имеет дело человек в процессе познания и освоения мира, — не какая-то реальность, существующая сама по себе, которую он пытается постичь, а в каком-то смысле продукт его собственной деятельности (коллективной познавательной деятельности, или деятельности трансцендентального субъекта, по И. Канту). Конструктивисты считают, что человек в своих процессах восприятия и мышления не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит, конструирует его (Степин, 2008).

Одним из первых конструктивистов был Гераклит, научные основы философии конструктивизма заложены в воззрениях Д. Беркли, И. Канта и др. Субъект имеет дело в процессе познания и деятельности с самим собой: от себя ему никуда не уйти. Он постигает мир через идеализации, абстракции, модели, которые определяются его возможностями познания здесь и сейчас.

Отсюда вытекает ряд следствий. Во-первых, проблема множественности реальностей, их соизмеримости, а также их переводимости и понима-

ния субъектами, живущими, вообще говоря, в разных перцептивных и концептуальных мирах. Во-вторых, проблема телесных и ситуационных детерминант познания, которые делают реальности различных субъектов принципиально несоизмеримыми. В-третьих, если субъект не отражает, а создает реальность, то по каким законам? Фактически в центре внимания конструктивистов оказываются особого рода среды множественной реальности. В.А. Лекторский существенно «смягчает» радикализм философского конструктивизма, усиливая акцент на коммуникативных процессах формирующих реальность субъектов, на влиянии этих процессов на ограничение их свободы. Она мыслится уже не как овладение и контроль, а как установление равноправно-партнерских отношений с тем, что находится вне человека: с природными процессами, с другим человеком, с ценностями иной культуры, с социальными процессами, а также с нерелефлексивными и «непрозрачными» процессами собственной психики (Лекторский, 2001). В этом случае свобода понимается не как выражение преобразовательного отношения к миру, не как создание такого предметного мира, который управляется и контролируется, а как такое *отношение, когда я принимаю другого, а другой принимает меня*. В противовес классической парадигме доказательного мышления выступает на авансцену новая парадигма познания, суть которой можно сформулировать следующим образом: *познание есть констелляция углубляющегося процесса межличностного понимания и взаимодействия, где в качестве необходимой предпосылки*

предстает полнота участия исследователя в таких межличностных отношениях, которые отвечали бы основным критериям качественных (по К. Роджерсу) отношений.

Если представить познавательную альтернативу в наиболее общем виде, то речь идет о феномене «психологической поддержки», когда любая ситуация познания строится по модели того, что в психотерапии определяется как «терапевтическая ситуация», а фактическое участие в познавательной процедуре двух человек может быть передано выражением «объединенный познающий субъект». Исходя из рассмотренной диалогической парадигмы в современном человекознании, нами проведено теоретико-экспериментальное изучение развития профессиональной культурной идентичности будущих менеджеров.

Полученные нами результаты экспериментального изучения особенностей развития профессиональной культурной идентичности в рефлексивном диалоге дали основания для выводов относительно соотношения субъективно ценностных (личностных) и объективно значимых (рефлексивных) компонентов направленности, а именно утверждения важной роли диалогических отношений в развитии профессиональной рефлексивной компетентности будущих специалистов. В первой части эксперимента мы проводили диагностику особенностей функционирования Образа Я личности студентов с заниженной самооценкой (36 человек). Так, анализ ценностей показал существующее противоречие в характере смысловой сферы этих студентов, о чем свиде-

тельствует индекс расхождения $I - R$ (идеального и реального) в самознании личности: рассогласования, дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере. Кроме этого, проводилась диагностика эмоционального самочувствия студентов (самоотношения). Во второй части проводился формирующий эксперимент, который базировался на материале элективного курса «Психология управленческой компетентности». Были выделены контрольная и экспериментальная группы (по 18 человек в каждой). Экспериментальная группа проходила обучение в рамках рефлексивного диалога (социорефлексивности), контрольная — в традиционных рамках лекционно-семинарских занятий. Программа курса включала три раздела: 1) развитие личности; 2) развитие профессионально-деятельных умений; 2) развитие проектно-культурной идентичности. В трех этапах социорефлексивности последовательно решалась задача развития рефлексивно-диалогических параметров Образа Я на уровнях: 1) индивидуально-личностных отношений; 2) профессионально-делового опыта взаимодействий; 3) формирования проектного мышления (культурно-рефлексивных знаний). По окончании *первого* этапа были отмечены существенные изменения в общем эмоциональном состоянии студентов экспериментальной группы (в их самоотношении), что проявилось в интересе к участию в дальнейшем групповом проекте. В контрольной группе значимого изменения эмоционального состояния студентов не произошло. *Второй* этап социорефлексивности был связан с повышением рефлексивности студентов, что

выразилось в повышении самооценки их профессиональных качеств, а также профессиональных качеств партнера (обнаружена сильная прямо пропорциональная связь между самооценкой и оценкой партнера $K = 0.76$ ($p < 0.05$)). Третий этап социорефлексии, связанный с развитием способности студентов к проектированию инноваций, показал связь творческой направленности и лидерских качеств студентов, а также дифференцированности, целостности, внутренней непротиворечивости их личности, сочетающихся со способностью к самореализации, умением работать в команде. Согласно предложенной нами концептуально-технологической модели развития рефлексивно-личностных функций, в процессе преодоления субъектом проблемно-конфликтной ситуации (развитие базовой модели «Кристалл» И.Н. Семенова, С.Ю. Степанова) процесс развития творческой направленности личности можно представить в виде одного рефлексивного цикла из шести фаз: «побуждения», «намерения», «ценности», «замысла», «плана» и «результата» (Семенов, Степанов, 1992). На основании моделирования элементов рефлексивно-инновационного процесса нами были выделены следующие шесть стадий развития рефлексивного диалога и соответствующих им рефлексивно-диалогических функций: 1) *самоопределение* по отношению к эмоциогенной (проблемно-конфликтной) ситуации (определенное действие); 2) *осознание своих намерений*, взвешивание «за» и «против»; 3) *осознание целостности Я*, ценностное отношение к происходящему; 4) *осознание цели*, смысла

целеполагания «здесь и теперь»; 5) *выбор способов самоосуществления*, планирование; 6) *осознание ответственности за результат* (поступок).

Оказалось, что развитие рефлексивно-диалогических функций у студентов происходило либо в процессе непосредственного взаимодействия — в ходе решения задачи, либо в процессе специально организованного обучения — социорефлексии, в которой для реализации каждой функции отводится специальное время. Каждый рефлексивно-диалогический параметр направленности проходил формирование на трех уровнях рефлексивного диалога: на уровне *общения* (развитие диалогических отношений), на уровне *организационно-деловых взаимодействий* (где студенты практически опробовали себя в разных типах профессионального взаимодействия), а также на этапе *социокультурного проектирования* (в процессе реализации определенного инновационного проекта). Применение концептуально-технологической модели рефлексивно-диалогического взаимодействия (РЕДИВ) в формирующем эксперименте позволило студентам осмысленно проектировать различные ситуации профессионального поведения: в ситуации убеждающего воздействия, конфликтного поведения и др.

С позиции рефлексивно-диалогического подхода социорефлексивный механизм формирования творческой направленности личности студентов включает уровень развития рефлексивных знаний, проявляющийся в способности к социокультурному проектированию. В контексте применения модели рефлексивно-диалогического взаимодействия студенты

были поставлены в проблемную ситуацию решения творческой задачи лично-деятельного развития и организации продуктивной работы в условиях той социокультурной среды, которая является смыслообразующей для них, обуславливающей процесс профессионализации (рисунок 2).

Первый уровень рефлексивного диалога связан с *эмоциональной адаптацией*, т.е. с действием, обеспечивающим адекватное поведение в ситуации творческой задачи. *Второй* уровень связан с формированием определенных *профессиональных намерений* в соответствии с образцами, эталонами, нормами и ориентирами, созданными специально для решения конкретной задачи. *Третий* уровень связан с *самостоятельной творческой самореализацией* в плане развития индивидуально-личных и групповых коллективных инновационных проектов. Таким образом, целесообразно выделить следующие типы взаимодействия:

1) *эмоциональное взаимодействие* включает два шага (1-й, 6-й): «побуждение» (1-й), связанное с определенной причиной взаимодействия и с эмоциональным воздействием на собеседника — «результатом» (6-й);

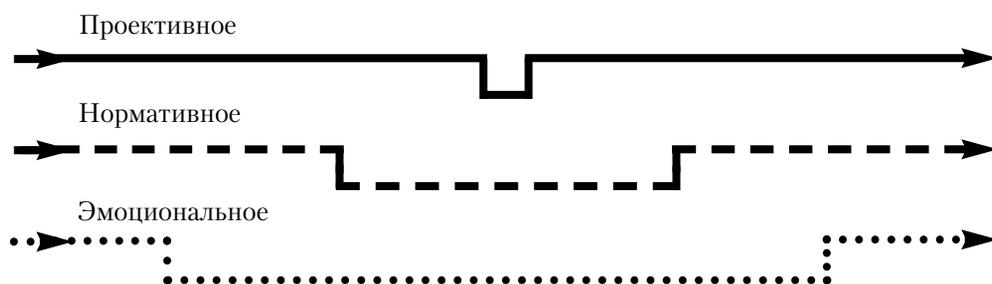
2) *нормативное взаимодействие* включает четыре шага (1-й, 2-й, 5-й, 6-й): причину взаимодействия — «побуждение» (1-й); введение определенной нормы, предписания, стандарта — «намерение» (2-й); планирование, связанное с реализацией имеющихся средств, — «план» (5-й); осознание полученного или предполагаемого результата — «поступок» (6-й);

3) *проективное взаимодействие* включает первый шаг — «побуждение» (1-й); второй шаг — «намерение» (2-й); третий шаг — «ценность» (3-й), связано с переосмыслением субъектом своих первоначальных целей и оснований своих действий на уровне ценностного отношения и открытия творческого замысла (4-й

Рисунок 2

6-шаговая модель развития рефлексивно-диалогического взаимодействия (РЕДИВ)

Побуждение	Намерение	Ценность	Замысел	План	Поступок (результат)
1	2	3	4	5	6

шаг) в ситуации рефлексивно-диалогического взаимодействия; пятый шаг связан с осознанием имеющихся и недостающих ресурсов в ситуации планирования (5-й); шестой шаг — осознание результата собственного выбора, экологичности полученного результата (6-й).

Выделенные типы взаимодействия определяются конкретными причинами, спецификой образовательной ситуации (возможностями и потребностями педагога, студента, предметным содержанием, смысловыми приоритетами и т.д.) и характеризуются степенью личностной включенности в процесс решения проблемы, характером идентичности субъекта по отношению к ситуации (на уровне эмоций, правил или ценностей), уровнем рефлексивности результата (или степенью новизны полученного решения).

Рефлексивный диалог предполагает принцип событийности (*присоединенности*), что позволяет говорить о развитии творческой направленности в определенном контексте: организационно-корпоративной культуры, профессионального сообщества, а также вузовского образования¹. При этом мы различаем по существу две формы рефлексивного диалога: коммуникацию (интерактивный диалог) и общение (диалог — понимание). В первом случае рефлексивный диалог выступает как рефлексивное управление, во втором как личностное общение — дружба. Понятно при этом, что вторая форма

диалога является неспецифической формой человеческих отношений, цель которого — сам человек, а позиция Другого (субъекта диалога — *диалогента*) — *стремление на время, но искренне разделить видение мира Другого*.

В психолого-педагогической модели системы рефлексивного диалога в вузе имеют место две указанные его формы: коммуникация и общение. Очевидно то, что во взаимодействии преподавателя и студентов в аудитории преобладает интерактивный диалог, а также то, что в процессе внеаудиторной работы преобладает общение.

В процессе социокультурного проектирования (Семенов и др., 2011) рефлексия выступает не столько как личностный акт, происходящий в индивидуальном сознании, сколько как публичное действие, позволяющее студентам диалогически осуществлять взаимодействие разного уровня, в результате чего практически организовать коллективно-распределенную деятельность — работу команды единомышленников на эмоциональном, действенном, ценностном уровнях, брать на себя ответственность за результаты своего самоопределения, т.е. предполагает получение определенного совместного продукта. При таком понимании рефлексии создаются реальные образовательные ситуации, целенаправленно и осознанно углубляются уровни рефлексии и диалога. В то же время такая

¹ Эта авторская модель рефлексивного диалога построена применительно к специфике образовательного процесса Института туризма — филиала Российской международной академии туризма.

специфика организации рефлексии позволяет студентам выйти в управление различными позициями — как своей собственной, так и чужими, т.е. перейти в режим развития личностно-событийной ситуации.

В организованной нами социо-рефлексике проектирования инноваций студенты работали в режиме рефлексивного управления. В частности, на основе базовой модели группой было выделено *три уровня* решений в процессе рефлексивного диалога руководителя с подчиненным: *адаптивный, стандартный и творческий*. Предметом рефлексивного диалога выступала проблемно-конфликтная ситуация на ситуативном (эмоциональном), нормативном (действенном), проективном (ценностном) уровнях. Применяемая рефлексивная технология интерактивной формы рефлексивного диалога в ситуациях рефлексивного управления связана с получением *определенного результата*. Этот результат выступает как следствие «имплицитно» присутствующего элемента убеждающего воздействия, которое включает компоненты, представленные на рисунке 3.

Охарактеризуем компоненты рефлексивного диалога подробнее.

Адаптивное решение обусловлено целью обмена установками (на эмоциональном и информационном уровнях) и ответами на вопросы: «Что, для чего я делаю так в данной

ситуации?», «Что мне это даст?». Результатом адаптивного рефлексивного управления является *поддержка мотивации*.

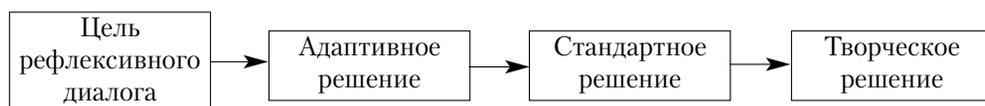
Стандартное решение обусловлено передачей регламентированных инструкций и конкретно-действенных установок, определяется ответами на вопросы: «Зачем?», «Почему?», «Как это было раньше?», т.е. какие идеи и нормы порождают такой тип проблемных (конфликтных) ситуаций. На этом уровне решений человек должен освоить определенную систему знаний, умений, навыков с тем, чтобы уметь действовать в стандартных ситуациях по заданным образцам.

Творческое решение связано с возможным переосмыслением личностных и организационно-деятельных стереотипов в процессе преодоления проблемно-конфликтной ситуации, оно определяется ответами на вопросы: «Ради чего?», «Во имя чего?», «Как это может (должно) быть?». Творческим решением пространство субъектов взаимодействия расширяется за счет включения потенциала других культурных носителей ценностей. Иначе говоря, ситуация становится творческой. Человек, преобразуя ситуацию, преобразует себя и других за счет возникающей необходимости самоопределения всех участников диалога.

Основным психотехническим *средством* рефлексивной эволюции

Рисунок 3

Типы взаимодействия в процессе диалога

направленности личности студента в образовательном процессе является психологическая поддержка, обеспечение «чувства поддержки» в процессе рефлексивно-диалогического взаимодействия. В этих случаях переосмысление субъектом стереотипов опыта, автоматизмов мышления связано с *реконструкцией отношения к ситуации, развитием самооценки и самоотношения*.

Проведенное исследование показало, что наличие у студента рефлексивного отношения к творческой задаче, обусловленного поддержкой преподавателя, обеспечивает адекватность поведения студента в проблемно-конфликтной ситуации, а также возникновение личностных и интеллектуальных новообразований его Я. Экспериментальная группа студентов прошла трехуровневую программу развития творческой направленности личности в условиях лаборатории рефлексивно-психологической поддержки.

На заключительном этапе формирующего эксперимента была проведена повторная диагностика направленности личности студентов, а также диагностика эмоционального самоотношения, показавшая значительные изменения экспериментальной группы студентов в сторону развития их творческой направленности — внутренней идентичности, интегрированности, сбалансированности эмоционально-оценочной сферы личности (66%). В контрольной группе эти изменения составляют лишь 22%. Таким образом, гипотеза о том, что развитие творческой направленности в экспериментальной группе произошло в процессе рефлексивного диалога, была подтверждена итогами эксперимента.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие **выводы**.

Событийное развитие профессиональной культурной идентичности студентов связано с таким взаимодействием в вузе, которое опосредуется, с одной стороны, созданием особой социальной и символической среды, с другой — процессами стимуляции этой среды с целью «повернуть» отношение участников коммуникации в сторону культурно-согласованного поведения. Рефлексивно-психологические технологии развития культурной идентичности студентов вуза связаны с развитием системы их ценностного самоотношения, формированием творческой направленности, выступающей как профессиональная рефлексивная компетентность будущих специалистов. Уровень и форма рефлексивного диалога в вузе компилируют определенные свойства (компоненты) самоотношения (Образа Я) личности студентов, тем самым определяя адекватность их самооценки (Я-концепции) на разных уровнях социального взаимодействия: межличностном, деятельном, проектном. Вместе с тем в процессе формирования профессиональной культурной идентичности будущих менеджеров диалогическая составляющая развития направленности выступает трансцендентной основой развития профессиональной рефлексивной компетентности специалиста в социокультурной среде. В контексте событийной рефлексивно-диалогической парадигмы по-новому понимаются и профессиональная культурная реальность, и способы ее подтверждения, и позиция субъекта в системе профессионального образования.

Литература

Давыдова Г.И. Рефлексивный диалог в образовательном процессе вуза: Монография. М.: РИД ВЛАДИ, 2008.

Давыдова Г.И., Семенов И.Н. Эволюция «Образа Я» личности в рефлексивном диалоге // Мир психологии. 2009. № 4. С. 149–159.

Давыдова Г.И., Чернега А.В. Рефлексивно-диалогическая модель подготовки будущих специалистов туриндустрии // Вестник национальной академии туризма. 2012. № 2 (22). С. 66–70.

Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 46–47.

Семенов И.Н. Тенденции развития психологии мышления, рефлексии и познавательной активности. М.; Воронеж: МПСИ, 2000.

Семенов И.Н., Давыдова Г.И. и др. Проектно-исследовательский подход в рефлексивной психологии инновационного образования. М.: Аналитика Родис, 2011.

Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Рефлексивная психология и педагогика творческого мышления. Запорожье: ЗГУ, 1992.

Степин В.С. Конструктивные основания научной картины мира // Конструктивизм в теории познания / Отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2008.

Персонология

СЕТЕВАЯ И РЕАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

А.Е. ВОЙСКУНСКИЙ, А.С. ЕВДОКИМЕНКО, Н.Ю. ФЕДУНИНА

Войскунский Александр Евгеньевич — старший научный сотрудник факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук. Автор около 300 научных публикаций, в том числе монографии «Психология и Интернет» (2010).
Контакты: vae-msu@mail.ru

Евдокименко Александр Сергеевич — научный сотрудник факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук.
Сфера научных интересов: диагностика трудовой мотивации, психология воздействия, психология GR-взаимодействия, психология переговоров, методы дистанционного взаимодействия.
Контакты: evdokimenko_as@psy.msu.ru

Федунина Наталья Юрьевна — доцент МГППУ, кандидат психологических наук. Специалист в области истории психологии, психологического консультирования и экстренной психологической помощи. Автор множества публикаций в журналах «Консультативная психология и психотерапия», «Московский психотерапевтический журнал», «Методология и история психологии», «Вопросы психологии» и др., а также книги «Пьер Жане: психолог и психотерапевт» (2007).
Контакты: natalia_fedunina@mail.ru

Резюме

Проводится сравнительный анализ сетевой и реальной идентичности на материале шкалы «Аспекты идентичности» (Дж. Чик и др.) и глубинного интервью у активных пользователей социальных сетей 15–25 лет (42 человека). Проверяются гипотезы о различии отдельных параметров идентичности в сети и в реальности и о половозрастных различиях, связанных с самопрезентацией. Выявлены гендерные и возрастные различия в показателях по шкалам идентичности (для социальной идентичности в сети и в реальности и для поверхностной идентичности в сети), а также в отношении разницы показателей в реальности и в сети (по индивидуальной и реляционной идентичности).

Ключевые слова: *идентичность, Интернет, социальная сеть, сетевая идентичность, самопрезентация, альтернативная идентичность.*

Проблематика изучения идентичности в настоящее время выдвигается на авансцену психологических исследований. Дополнительную привлекательность процессам изучения данной психологической характеристики придает развитие компьютерных сетевых структур, в частности, широко распространенных онлайн-социальных сетей. Действительно, задачи, связанные с психологией идентичности в Интернете, в условиях виртуальной реальности, в особенности в блогосфере и в социальных сетях, становятся чрезвычайно актуальными для современной психологии.

Надо признать, что и вне контекстов, связанных с Интернетом и виртуальностью, популярность исследований идентичности стремительно росла во второй половине прошедшего столетия. Аспекты, обязанные своим происхождением обусловленному Интернетом сетевому контексту, добавляют дополнительную привлекательность обозначенной исследовательской области. Не случайно

Э. Эриксон обронил замечание, согласно которому тематика изучения идентичности обретет вскоре не меньшую популярность, чем тематика изучения сексуальности у З. Фрейда и его сподвижников. Он оказался недалек от истины — хотя бы в том плане, что к настоящему времени приобрели известность психоаналитические концепции идентичности (Ж. Лакан, Г. Аммон и др.). Сегодня специалисты различают личностную, социальную, этническую, профессиональную и другие виды идентичности. В современных работах процессы конструирования и презентации идентичности обсуждаются наряду с проблемами образа Я, «личного тождества», самости, *Selbst, self*, «Я-концепции» в рамках психологии личности (включая социальную психологию личности), возрастной и педагогической психологии, патопсихологии, когнитивной психологии и др.; не обходят данную проблему стороной психотерапевты, равно как правоведа, социологи, специалисты по культурной антропологии

и экзистенциальной философии. С недавних пор такой интерес проявляется и в компьютерных науках (Wilson et al., 2012). Ведущим исследователем в области психологии и психопатологии идентичности должен быть признан Э. Эриксон (Эриксон, 1996).

В данной работе мы остановимся исключительно на рассмотрении сетевых видов идентичности и их связи с реальной идентичностью, определяемой в традиционных контекстах с помощью традиционных методик. Связанная с сетевой идентичностью проблематика при всей своей новизне уже обрела определенную популярность. Отметим активное изучение «виртуальной идентичности» в нашей стране в трудах Е.П. Белинской (Белинская, 2002; Жичкина, Белинская, 2000), а также работы других авторов — они относятся к Интернет-общению (Кузнецова, Чудова, 2008; Манеров и др., 2006; Одинцова, Антонова, 2010; Шевченко, 2001), к исследованию участников блогосферы (Асмолов, Асмолов, 2010; Соколов, 2007; Гавриченко, Смолякова, 2008); основательная работа по изучению сетевой идентичности выполнена зарубежными специалистами (Фриндте, Келер, 2000; Joinson, 2003; Turkle, 1995). Значительный интерес вызывает данная проблематика также у культурологов, философов, антропологов, социологов, в особенности если они работают в парадигме постмодернизма. Рассматривая потенциальные связи постмодернистских теорий идентичности с высказанными К. Юнгом взглядами, современный автор считает возможным говорить об «интерактивном воображении», имея в виду, что

связанные с индивидуацией (по К. Юнгу) эксперименты с собственной идентичностью хотя и определяются по-прежнему структурами воображения, однако в настоящее время такие эксперименты все чаще реализуются в электронном общении с другими людьми (Roesler, 2008).

В указанных работах подвергается анализу разнообразные точки зрения на то, что можно было бы назвать сетевой идентичностью. Данный термин представляется нам более оправданным, нежели относительно более распространенный термин «виртуальная идентичность», ввиду того, что было бы полезнее, по нашему мнению, закрепить наименование «виртуальность» не за всякой активностью онлайн, а за поведением, связанным именно и только с применением технических систем виртуальной реальности — виртуальных миров, конструируемых посредством программ компьютерной графики и демонстрируемых с помощью специальных средств отображения (включающих шлемы, наушники, разнообразные 3D мониторы, перчатки виртуальной реальности и др.), к тому же в существенной мере опирающихся на технические устройства регистрации положения человека в пространстве (Архитектора..., 2009).

В сетевой идентичности становятся вполне наглядными некоторые аспекты идентичности, которые не всегда акцентируются в традиционных ситуациях. А именно сетевая идентичность очевидным образом не порождается сама собой в процессе взросления и старения, а конструируется с тем, чтобы быть эксплицитно презентированной другим людям.

Более того, среди наиболее наглядных характеристик сетевой идентичности — легкость видоизменения вплоть до полной замены на нечто в каком-то смысле противоположное, а также сравнительно нечасто встречающиеся в обыденной жизни феномены не просто множественной, а в полном смысле этого слова альтернативной идентичности. Мультимедийная самопрезентация по типу нарратива (тексты вместе с аудиовизуальными продуктами, в том числе аватарами) — ведущий, однако не единственный психологический механизм «управления впечатлением о себе» (Гофман, 2000) и конструирования сетевой идентичности, поскольку для последней имеют немаловажное значение еще и сохраненные сетевым ресурсом «лайки» (что означает «это мне нравится») и/или вербальные высказывания других людей (подписчиков, «френдов», «фолловеров» и др.) — хвалебные, негативные и др. — вместе с реакциями на такие сообщения самого субъекта. Существенными для конструирования идентичности представляются также особенности сетевого интерфейса: к примеру, один интерфейс может побуждать пользователей сообщать об их музыкальных пристрастиях, а другой, допустим, о карьере, — причем непредставление пользователем запрашиваемых сведений характеризует его не менее красноречиво, чем эксплицитное размещение такой информации в собственном профиле.

Итак, дискурс сетевой идентичности диалогичен (строится в том числе во взаимодействии с компьютерным интерфейсом) и динамичен: он видоизменяется во времени,

нередко весьма быстро. Формируемая участниками онлайн-игр идентичность конструируется с включением деятельностных характеристик, связанных с продуктивностью игровых действий; в данной работе не будем останавливаться на рассмотрении специфической геймерской идентичности.

Представление о множественной идентичности не чуждо социально-психологической теории (А. Тэшфел, Дж. Тернер и их последователи). Действительно, каждому человеку присущи разные социальные идентичности. Отметим, однако, случаи, когда человек выбирает (добровольно или под давлением обстоятельств) сознательно сконструированную идентичность, серьезно отличающуюся от всех других своих идентичностей, — например, меняет пол, имя, биографические сведения. Такой процесс может быть назван конструированием альтернативной идентичности.

В отличие от ролевых функций — каждый играет в реальной жизни не одну роль — и от кратковременных развлечений (к примеру, выдавать себя за кого-то другого или участвовать в маскарадах и «комедиях с переодеваниями»), альтернативная идентичность в долгосрочном диапазоне требует специальных талантов и тщательной подготовки (шпионской «легенды», изготовления документов разной степени достоверности, хирургических операций и гормональной терапии и др.), о чем свидетельствуют, к примеру, кинофильмы и книги про трансвеститов или секретных агентов, как и некоторые произведения классической литературы («Странная история доктора Джекила и мистера

Хайда» Р.Л. Стивенсона, «Добрый человек из Сезуана» Б. Брехта и др.). Вне Интернета соответствующие феномены, насколько можно судить, довольно немногочисленны. Встречающиеся в жизни явления альтернативной идентичности представляют собой по большей части предмет медико-психологической патологий (Розин, 2009), таких как диссоциативное расстройство, и юридически преследуются обществом (ср. истории о двоеженцах, беглых каторжниках, воровской «малине» со скрывающимися от закона преступниками и т.п.).

Можно считать, что легкость конструирования дополнительных — альтернативных — сетевых идентичностей и простота презентации их вместе с привычной для пользователей Интернета анонимностью (правда, относительной, что не всегда рефлексивируется пользователями) в существенной степени способствует выстраиванию множественных не тождественных между собой идентичностей, если не прямо провоцирует такой процесс. Среди наиболее заметных возможностей конструирования альтернативных идентичностей — феномены виртуальной «смены пола», т.е. замены половой идентичности (Войскунский, 2010а; Turkle, 1995). Таким образом, среди распространенных — причем едва ли не самых популярных — применений сервисов Интернета могут быть названы разнообразные эксперименты с собственной идентичностью. Анализ и изучение «игр с идентичностью» представляют собой составную часть формирующейся в настоящее время психологии Интернета, или киберпсихологии (Войскунс-

кий, 2010а, б, 2011; Кузнецова, Чудова, 2008).

Среди наиболее подходящих для таких игр-экспериментов с идентичностью Интернет-сервисов могут быть названы социальные сети, чрезвычайно популярные среди молодежи (хотя и более старшие группы населения охотно ими пользуются), а также среди организаций, имеющих свои представительства в социальных сетях. Так, социальная сеть, объединяющая около миллиарда людей, — это сеть Facebook, и ее пользователи представляют собой, по-видимому, наиболее «массовую» (из известных в настоящее время, да и когда-либо ранее) добровольную внеполитическую, внеконфессиональную и непрофессиональную группировку. Не менее популярна в мире сеть передачи микросообщений Twitter. Наряду с ними в нашей стране широко распространены сети «Вконтакте» и «Одноклассники», молодежь пользуется ими практически поголовно. Массовыми социальными сетями являются сеть Оркулт в Бразилии и Байду в Китае, в Европе и Северной Америке широко применяется профессиональная сеть поиска работы и связи с коллегами LinkedIn. Имеется ряд других социальных сетей, в том числе непубличных.

Связанные с социальными сетями массовые феномены активно изучаются социологами, политологами, культурологами, маркетологами в сотрудничестве с психологами и с применением психологического инструментария. Так, находит ряд подтверждений мнение, согласно которому профиль пользователя социальной сети (большинство исследователей обращаются к сети Facebook) в основном

соответствует его или ее реальной идентичности, что проверяется путем сравнения профиля с оценками, полученными у самих владельцев профиля, у их знакомых, у знающих их кадровиков-рекрутеров (Back et al., 2010; Wilson et al., 2012). Данный вывод относится прежде всего к взрослым пользователям социальных сетей. При этом не отрицается, что достаточно часто встречаются комплиментарные, если не нарциссические самопрезентации; отмечается, что имеют место и культурные особенности — к примеру, размещения на своих страницах не соответствующих реальности материалов с меньшей вероятностью стоит ждать от немецких, нежели от американских студентов (Karl et al., 2010). При этом многие исследователи проходят мимо факта, согласно которому не соответствующие действительности материалы во множестве фигурируют на «неофициальных» или неафишируемых профилях, в которых находят место идентичности, названные нами выше альтернативными. Действительно, «официальные» сетевые идентичности достаточно часто соответствуют реальным идентичностям; при этом для альтернативных идентичностей попросту заводятся специальные страницы в социальных сетях, и такого рода альтернативных страниц может быть более одной, а иной раз и более дюжины.

Задача исследования

Настоящая работа посвящена изучению гендерных и возрастных особенностей «сетевой» и «реальной» идентичности у активных поль-

зователей социальных сетей подросткового, юношеского и раннего взрослого возраста. Данное исследование является дополнением проекта по изучению психологических основ киберэтики, которая до настоящего времени рассматривалась в литературе скорее с философских позиций (Войскунский, 2010а; Войскунский, Дорохова, 2010). В настоящей статье ставится (и делается попытка предложить решение) проблема качественной и количественной оценки различий между сетевой и реальной идентичностью у подростков и молодых взрослых, активно применяющих социальные сети.

Вопрос о соотношении между реальной и сетевой идентичностью у каждого отдельного субъекта остается открытым. Вероятно, каждому исследователю, проводившему беседы с пользователями Интернета, доводилось от некоторых из них слышать, что для них именно сетевая идентичность — основная, жизненно важная и приоритетная в сравнении со скучной, рутинной и навязанной другими людьми реальной идентичностью. Ряд таких заявлений со стороны представителей молодежной аудитории пользователей был зафиксирован, к примеру, в книге Ш. Текл (Turkle, 1995). Встречаются они и в настоящее время. Логично допустить, что за десятилетия триумфального развития Интернета структуры реальной и сетевой идентичности нашли возможность взаимопроникать друг в друга — реальная идентичность включает элементы сетевой (и, возможно, альтернативной сетевой) идентичности. Сетевая идентичность также в той или иной мере соответствует реальной.

В качестве аналогии отметим, к примеру, эмпирически подтвержденные данные, согласно которым самоотношение школьников включает в настоящее время параметр компетентности в применении компьютеров и Интернета (Абрамов, 2007), — может стать, что реальная идентичность также отчасти вбирает в себя элементы сетевой идентичности. Возможно, подобные взаимопроникновения характерны не для всех аспектов идентичности, и было бы любопытно узнать, каковы они. В этой связи можно было бы попытаться построить сложные гипотезы, однако придется признать, что материала для них пока недостаточно. А вопрос о гипотетических взаимопроникновениях конкретных параметров идентичности следует учесть при выборе методических средств — желательно, чтобы они позволили фиксировать побольше относящихся к идентичности параметров.

Подростковый и ранний юношеский возраст является ключевым в приобретении чувства идентичности, периодом поиска ответа на вопрос «Какой я?». Поскольку Интернет предоставляет каждому возможность эксперимента с собственной идентичностью, то возникают вопросы о том, каково отношение подростков и молодежи к этой перспективе. Какова для них внутренняя значимость сконструированной в сетевом пространстве идентичности? Имеются ли возрастные отличия в этом аспекте в рамках молодого возраста? Ведь 15–17-летний подросток учится в школе и еще не выбрал свой профессиональный путь, а тем не менее вопрос «Какой я?» занимает доминантное место в

его размышлениях о себе; в то же время в возрасте 20–25 лет человек обычно уже завершил обучение, работает, часто имеет семью — и представляет следующую стадию развития, решая взрослые проблемы на основании уже сформировавшейся психосоциальной идентичности. Возникает вопрос: каков зазор между значимостью разных аспектов идентичности в сети и в реальности у представителей двух полов в различных возрастных группах в рамках молодого возраста?

В связи с этими исследовательскими вопросами были выдвинуты следующие гипотезы.

1. Параметры идентичности, связанные с самопрезентацией в сети и в реальности, различны, но различны не все параметры идентичности, как можно ожидать.

2. В рамках молодого возраста (15–25 лет) могут ожидаться половозрастные различия в выраженности конкретных параметров не совпадающих между собой сетевой идентичности и реальной идентичности.

Методика исследования

Исследование проведено посредством интервьюирования респондентов и дальнейшей обработки материалов интервью. Дополнительно к этому осуществлялось психологическое тестирование. В качестве материала для интервьюирования была выбрана «Дилемма идентичности», разработанная специалистами из Гарвардского университета во главе с создателем теории множественного интеллекта Дж. Гарднером. Данная дилемма (наряду с четырьмя другими) была предоставлена нам для

работы, все дилеммы были разработаны и апробированы в рамках так называемого «Проекта Зеро»; данный проект является составной частью комплексного проекта «Хорошая игра» Good Play Project (<http://www.good-workproject.org/research/goodplay/>), который ведут три команды исследователей с педагогического факультета Гарвардского университета («Проект Зеро»), из Исследовательского центра при Кларемонтском университете в Калифорнии (проект «Качество жизни») и Центра изучения подростков Стэнфордского университета. Проект посвящен изучению специфики развития морального поведения у представителей так называемого «цифрового поколения»; проблематика идентичности понимается как один из составных элементов исследования (James et al., 2009).

Дилемма идентичности описывает следующую ситуацию: респонденту предлагается представить себе, что он или она случайно сталкивается с неожиданной информацией в социальной сети: его или ее хороший знакомый сообщает о себе сведения, которые либо неверны (и респондент знает это наверняка), либо противоречат всему тому, что связывает респондента и его/ее знакомого. При этом аккаунт знакомого в социальной сети — иной, нежели известный респонденту; поскольку в социальных сетях многие имеют по несколько записей, то сам факт существования альтернативной идентичности не вызывает удивления. Забегая впе-

ред, отметим, что почти все респонденты признали, что ситуация, когда случайно наталкиваешься на ранее не известный аккаунт своего знакомого, — для них не редкость.

Перевод дилемм на русский язык был выполнен к.п.н. О.В. Смысловой; авторы благодарны переводчице. Наряду с собственно дилеммой коллегами из Гарварда разработана схема осуществления структурированного интервью, которая была положена авторами в основу данного исследования. Перспектива использования методического материала, разработанного в США, служит свидетельством того, что проблемная область изучения сетевой идентичности является по сути своей международной проблемой, а российские участники социальных сетей сталкиваются с ситуациями, знакомыми пользователям Интернета во всем мире.

Дополнительно к структурированному интервью были использованы три психологические методики. Они направлены на изучение идентичности, ценностных ориентаций и уровня морального развития респондентов.

В данной статье мы остановимся на результатах применения одной из них. Это опросник «Аспекты идентичности» (Aspects of Identity, AIQ-IV), разработанный под руководством Дж. Чика (Jonathan M. Cheek) и широко применяемый в англоязычных странах (Cheek, Briggs, 1982)². Опросник включает 45 вопросов с

¹ Настоящая работа представляет собой один из шагов на пути к адаптации данного опросника идентичности; эта работа будет выполняться впоследствии совместно с Е.П. Белинской, которая рекомендовала применить данную методику. При переводе пунктов опросника были учтены варианты,

ответами от 1 («несущественно для моего ощущения, кто я», до 5 баллов («чрезвычайно существенно для моего ощущения, кто я»). Он позволяет различать на эмпирическом уровне сразу несколько аспектов, или «ориентаций», способствующих конструированию человеком своей идентичности: они получили наименование личной (10 пунктов опросника), реляционной (10 пунктов опросника), социальной (7 пунктов опросника), коллективной (8 пунктов опросника), специальной (10 пунктов опросника) и поверхностной (5 пунктов опросника) ориентации. Ориентации идентичности отражают значимость разных измерений в понимании себя, самоопределении. Остановимся на них подробнее.

Так, личная идентичность (Personal Identity Orientation) включает вопросы, касающиеся значимости личных ценностей и норм, мыслей и чувств, планов и жизненной перспективы, а также общей оценки своей личности с точки зрения ее непрерывности, самоидентичности, отличия от других (например, «Мои личные ценности и моральные нормы» или «Мое осознание себя как уникальной личности, отличной от других»).

Реляционная идентичность (Relational Identity Orientation) направлена на оценку значимости межличностных отношений («Мои отношения с близкими мне людьми» или «Моя готовность быть заботливым партнером в близких отношениях»).

Причем в вопросах присутствует акцент на близких людях, а качество отношения описано по большей части как «заботливое», «участливое», «глубокое».

Социальная идентичность (Social Identity Orientation) отражает значение для респондента социальной оценки и включает вопросы, отражающие восприятие своей оценки в глазах других людей: репутацию, привлекательность внешности и особенностей поведения (например, «Как другие люди реагируют на то, что я говорю и делаю», «Моя репутация: что другие думают обо мне» или «Мои манеры, особенности поведения и то, какое впечатление я произвожу на других»).

Коллективная идентичность (Collective Identity Orientation) отражает переживание принадлежности к семье, расе, культуре — светской или религиозной, а также политической (например, «Принадлежность к роду, ко многим поколениям моей семьи», «Моя расовая или этническая принадлежность», «Гордость за мою страну, гордость, что я гражданин»).

Специальная (ее можно также именовать особой идентичностью, как это делают разработчики методики) идентичность (Special items) включает социально-демографические характеристики, представляющие возраст, пол, сексуальную ориентацию, социальное положение, академические и профессиональные аспекты социальной роли, принадлежность к возрастной группе или поколению, физические качества.

Поверхностная идентичность (Superficial Identity) является дополнительной шкалой и представляет собой составной показатель, в который входят 3 пункта шкалы специальной идентичности и 2 пункта социальной идентичности. Она была выделена (Dollinger et al., 1996), как отмечают разработчики методики «Аспекты идентичности», для отражения степени значимости для субъекта поверхностных характеристик Я, непосредственно воспринимаемых другими людьми (пол, возраст, внешность, привлекательность для других).

Процедура

В исследовании, осуществленном в форме интервью, приняли участие 42 респондента: по семь активных участников социальных сетей женского и мужского пола, принадлежащих каждой из трех возрастных групп: младшая группа — подростки школьного возраста (15–17 лет), средняя (студенческого возраста) группа (18–21 год) и старшая группа (22–25 лет). В каждой группе поровну (по 7 человек) представлены пользователи социальных сетей женского и мужского пола. Лишь в младшей группе все респонденты были учащимися, в двух других группах были как учащиеся, так и работающие. Будем далее именовать группы респондентов соответственно «школьники», «студенты» и «взрослые», понимая при этом, что данные наименования весьма условны и не полностью соответствуют социальному статусу и самоощущению членов групп, во всяком случае, принадлежащих к двум старшим группам.

Условием участия в данном исследовании была высокая активность не менее чем в двух социальных сетях, желательным считалось также ведение респондентами собственного блога. Все респонденты заполняли опросник «Аспекты идентичности», далее участвовали в структурированном интервью (длительностью около полутора часов), после чего еще раз заполняли опросник «Аспекты идентичности» с инструкцией «оценить представленные утверждения от лица своей виртуальной личности, как она представлена в социальной сети». Результаты первого заполнения опросника будут далее признаваться соответствующими реальной идентичности интервьюируемого, а результаты второго заполнения — его или ее сетевой идентичности. Предметом исследования являются возможные расхождения между этими двумя наборами данных; вопрос о степени «истинности» (как бы ее ни понимать) реальной или сетевой идентичности не ставился.

Большинство интервью было выполнено Н.Ю. Федудиной; несколько интервью было выполнено психологами С. Михальчук и Е. Жарниковой; авторы благодарны им за содействие.

Результаты и обсуждение

В данной статье рассматриваются и анализируются расхождения между двумя измерениями параметров идентичности по методике «Аспекты идентичности», т.е. между Я реальным и Я сетевым. Возможные расхождения будут анализироваться в соответствии с возрастными и половыми

подгруппами респондентов. Для обсуждения будут привлекаться выдержки из протоколов интервью. При обработке полученных данных был выполнен дисперсионный и факторный анализ (использован программный статистический пакет SPSS 19).

Показатели идентичности в реальности и в сети представлены на рисунке 1. Для оценки значимости различий между проявлениями идентичности в сети и в реальности мы провели непараметрический анализ средних с использованием критерия Уилкоксона. Имеется ряд значимых различий. Они состоят в том, что показатели личной, реляционной и особой идентичности в реальности оказались значимо выше, чем в сети (соответственно $F = -4.166$ при $p = 0.001$; $F = -1.952$ при $p = 0.051$; $F = -3.051$ при $p = 0.002$). Различия в остальных видах идентичности (социальной, коллективной, поверхностной) оказались незначимыми, т.е. результаты в сети и в реальности оказались сходными, что говорит в

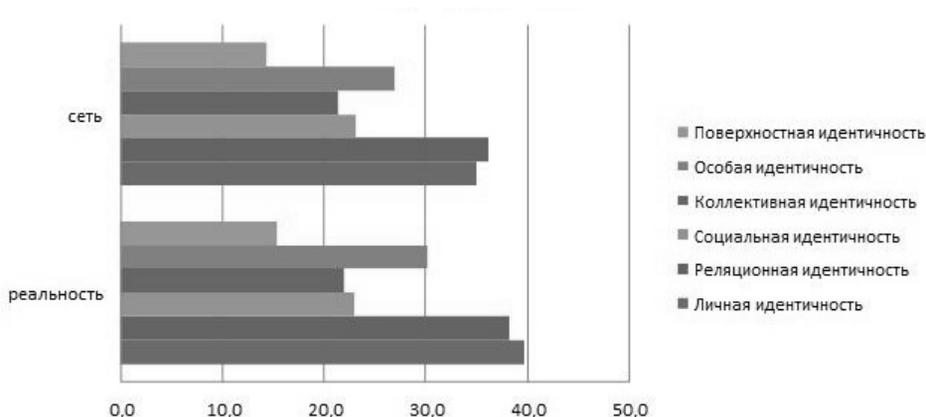
пользу социально-коммуникативной роли сети в жизни испытуемых и сращивания идентичности себя в реальной и в сетевой среде в этих аспектах. С другой стороны, значимые различия по личной, особой и реляционной идентичности демонстрируют неполную идентификацию себя реального и себя в сети, когда дело касается лично важных и интимно-доверительных сторон.

Личная идентичность в понимании создателей методики «Аспекты идентичности», как отмечалось, определяет значимость ценностей и норм, мыслей и чувств, планов и жизненной перспективы, общую оценку своей личности с точки зрения ее непрерывности, самоощущения, отличия от других. Во всех возрастных группах показатели ориентации на личную идентичность в реальности были выше, чем аналогичные показатели сетевой идентичности.

Несмотря на более высокие оценки личной идентичности в реальности во всех группах, значимые различия

Рисунок 1

Оценка средних показателей по идентичностям в сетевой и в реальной среде

между ними получены лишь по параметру пола. А именно у женщин всех возрастов оценки собственной идентичности в сети и в реальности значимо различались по критерию Уилкоксона ($F = -2.01$ при $p = 0.044$ (для школьниц), $F = -2.38$ при $p = 0.018$ (для студенток) и $F = -2.2$ при $p = 0.028$ (для молодых взрослых)), чего не наблюдалось в мужской выборке, где не было выявлено значимых различий ни для одной возрастной группы. Соответствующие результаты представлены на рисунках 2 и 3.

Исследователи нередко отмечают значимую положительную корреляцию личной идентичности с потребностью в переживании собственной уникальности, ориентацией на внутренние стандарты поведения. Личную идентичность отражают наиболее индивидуальные, не всегда существенные для других людей понятия и установки. Вероятно, снижение показателей по этой шкале для сетевой идентичности может говорить о меньшей значимости для самоопре-

деления в Интернет-пространстве ценностно-смысловых и интимно-личностных аспектов личности.

Данное обстоятельство рефлексивируется многими респондентами и находит отражение в ходе интервью. Так, достаточно часто звучало представление о том, что «единственное, чего нельзя узнать о человеке в Сети, так это то, какой он на самом деле» (респ. Н., 25 лет). Многие респонденты отмечали негласное ограничение в сети на «выкладывание» слишком личного материала. «Есть люди, которые пишут о своих переживаниях. Но на самом деле о переживаниях никому не интересно читать. В основном, конечно, приветствуется не очень личная информация» (респ. К., 19 лет). Ограничение выкладывания личной информации становится одним из определяющих в процессе выбора информации для сети. Например, респ. С. (20 лет) говорит об этом так: «Для меня социальные сети, ЖЖ — это маска. Например, я никогда не пишу там личных записей, не могу представить,

Рисунок 2

Оценка средних значений личной идентичности в сети

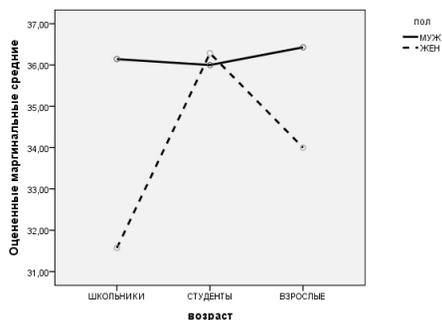
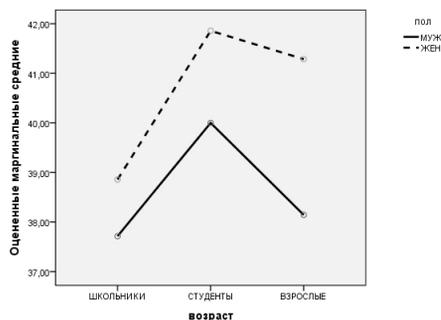

Рисунок 3

Оценка средних значений личной идентичности в реальности

чтобы я там написала про свои эмоции, впечатления. Скорее отзыв на вечеринку, но не про мои чувства».

Кроме того, в вопросы, касающиеся личной идентичности, входит оценка значимости того, как человек справляется со своими страхами, тревогами, другими переживаниями. Однако пространство социальной сети не предъявляет требований к этой стороне психической жизни, зачастую, напротив, становясь каналом эмоциональной разрядки. Более того, респонденты отмечали специфику эмоционального самопроявления в связи с фактором дистанцированности: «Это искусственно созданная среда. Там нет настоящих чувств, переживаний» (респ. С., 21 год); «В сети очень плохо передаются эмоции. Человек может написать кучу смайликов, а на самом деле сидеть перед компом без тени улыбки» (респ. В., 21 год).

Вместе с тем в корпусе проведенных интервью оказывается затруднительным обнаружить четкое подтверждение установленного значимого различия между полами в количественных показателях рассогласования между личной идентичностью в реальности и в сети. Из этого следует, что методика «Аспекты идентичности» позволяет выявить и установить более тонкие параметры межполовых различий, нежели те, которые способны вербализовать респонденты в условиях структурированного интервью.

Таким образом, многие явления, соответствующие пунктам шкалы личной идентичности, претерпевают существенные изменения в Интернет-пространстве и обнаруживают меньшее влияние на конструирова-

ние личной идентичности в сети. Факт того, что у девушек всех возрастных групп разрыв между личной идентичностью в реальности и в сети значимым образом превышает соответствующие показатели у юношей, заслуживает осмысления и дальнейших исследований.

Реляционная идентичность, как отмечалось, ориентирована на оценку значимости межличностных отношений, прежде всего с близкими людьми, с которыми установились «заботливые», «участливые», «глубокие» отношения.

Как уже отмечалось, и по выборке в целом показатели реляционной идентичности в реальности превышают показатели в сети. В некоторых подгруппах они достигают уровня значимости по критерию Уилкоксона: для «молодых взрослых» женщин ($F = -2.38$ при $p = 0.018$), а также на уровне тенденции для мужчин группы «студенты» ($F = -1.83$ при $p = 0.068$). Данные различия отражены на рисунках 4 и 5.

Если ориентация на отношения в сети ниже соответствующих показателей для реальности — что стоит за таким результатом? Респонденты отмечали, что социальные сети предполагают скорее к поверхностному общению: «На глубокое общение надо собраться — это не так просто. А так, сидишь ночью — куча друзей, с тем пообщался, с тем пообщался» (респ. М., 25 лет). Однако все респонденты без исключения, описывая свою реакцию на противоречащую собственному опыту информацию о пользователе социальной сети, ставили ее в зависимость от степени близости с этим пользователем. Возможно, высокие показатели

Рисунок 4

Оценка средних значений реляционной идентичности в сети

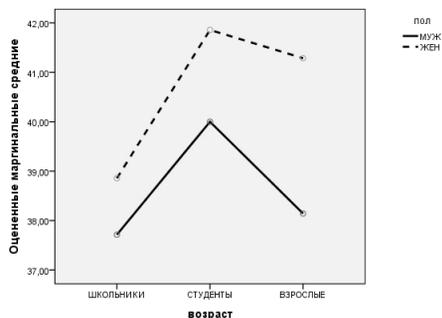
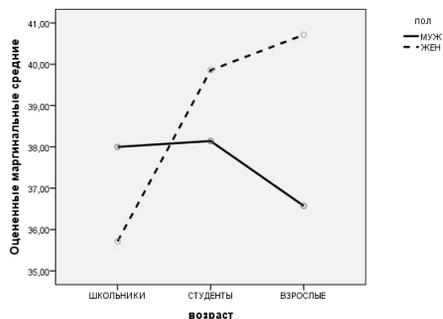

Рисунок 5

Оценка средних значений реляционной идентичности в реальности

значимости для самопонимания ориентации на реляционную идентичность также связаны с подчеркиванием значения близких отношений и связанных с ними ценностей вне зависимости от особенностей сетевого или реального контекста.

В интервью респонденты часто противопоставляли реальные и сетевые отношения. Интернет-пространство вносит вклад в конструирование личности другого. Этот процесс, вероятно, во многом является проективным и опирается на аспекты личной идентичности: собственные ценности, мечты, надежды, представления. Показательно, что одним из частых типов реакций на странности материала на страничке другого человека в социальной сети была субъектно-ориентированная установка, выражавшаяся, в частности, в попытке реконструкции «Я реального» через «Я воображаемое», в стремлении понять психическую реальность другого, стоящую за той или иной самопрезентацией. Анонимность, дистанцированность и многие другие факторы, специфичные для

Интернета, создают в определенной степени «проективную» ситуацию: «Я для чего-то завожу себе принца в облаках и с ним создаю отношения, а не с реальным человеком. Для меня это сразу отдает такой иллюзией. С реальным человеком гораздо сложнее строить отношения, чем с тем, кого я себе навоображал. Там такой простор может быть фантазии» (респ. С., 20 лет). «У меня была любовь на расстоянии. Я полтора года любила, а в итоге — любила образ. Человек приехал. Я побывала с ним три дня... да нечего было там любить! Мое кредо — я за то, чтобы близкие люди были с тобой рядом, когда люди любят тебя реального, а не то, что в Интернете» (респ. Р., 21 год).

Социальная идентичность, как отмечалось выше, связана со значимостью социальной оценки для каждого из нас; включенные в соответствующую шкалу вопросы направлены на оценку репутации, привлекательности внешности, характеристик поведения. Для социальной идентичности различия показателей между

реальностью и сетью не являются значимыми: они практически совпадают. Результаты многофакторного дисперсионного анализа показали, что сочетание половозрастных характеристик оказывает значимое влияние на распределение ответов по параметру социальной идентичности в сети ($F = 5.08$ при $p = 0.011$) и в реальности ($F = 3.65$ при $p = 0.036$); для обоих параметров критерий Ливиня превышает 0.05. Сохраняется и общий паттерн результатов, как это показано на рисунках 6 и 7, представляющих маргинальные средние для социальной идентичности в сети и в реальности.

Можно было бы ожидать снижения показателей социальной идентичности в сети. Ведь многие респонденты подчеркивали свободу сложившегося в сети образа от социальных оценок: «Когда мы подписываемся своим собственным именем, указываем все свои данные, мы себя самого представляем. А когда человек создает себе другой аккаунт — неважно, возраст другой может написать, фамилию, город, —

то он может быть кем угодно, делать что угодно» (респ. М., 20). Именно в плане взаимодействия и отношения к другому у значительной доли респондентов проявлялось отличие поведения в сети от поведения в реальности: «Как себя ведет человек в Интернете — это тоже отдельная черта его характера. Ну, то есть он может быть очень вежливым в жизни или что-то такое, а в Интернете он может считать, что это отдельная жизнь, и там он может, не знаю, материться, не задумывается о том, что он там делает, потому что там такое бесконечное пространство, и никто не узнает» (респ. Н., 16).

С другой стороны, эта возможность независимости от внешней «предрешенной» оценки соседствует с другим важнейшим фактором — обратной связью, которую в изобилии могут получать пользователи в Интернет-пространстве. Некоторые респонденты с чувством недоумения констатировали свое стремление к получению внешней оценки в сетях или на форуме: «Странно, меня вообще мало волнует мнение

Рисунок 6

Оценка средних значений социальной идентичности в сети

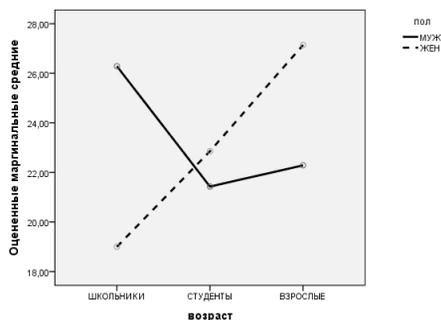
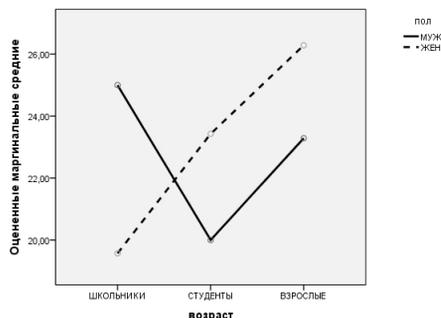

Рисунок 7

Оценка средних значений социальной идентичности в реальности

посторонних людей. А тут получается, что я сам представляю им свою работу, жду от них каких-то оценок. Дельной критики, может быть, даже немного. Может, у человека настроение плохое. Да и от качества, уровня самого сайта тоже. Но вот почему-то так происходит, что выставляю свои фотографии. Причем это мнение не влияет на мое состояние или настроение» (респ. В., 21 год).

Обилие социальной оценки на самые разные проявления индивидуальности, на всевозможные эксперименты с собственной идентичностью является одной из наиболее значимых причин использования социальных сетей в подростковом и юношеском возрасте. Респондент М. (20 лет) так описывает этот процесс: «Начинает человек публиковать статьи, которые вызывают разные мнения, радикально отличающиеся от мнения большинства. Соответственно, у этого большинства вызывают свои мнения и переживания, они начинают оставлять свои комменты, и у человека прям эйфория, восторг. В жизни у него друзей нет, общаться не с кем, зато там ему пять тысяч комментов оставили, причем все разные. Кто-то его обзывает дураком, а это ему и надо, кто-то говорит молодец, а он это и хотел».

Особенностью сетевой обратной связи является ее большая безопасность по сравнению с реальной. Например, респондент М. (16 лет) говорит: «Написать легче. Вот у тебя есть какое-то переживание. Получить отклик напрямую — это достаточно страшно». Эту особенность обратной связи и социального действия в сети отмечали многие респонденты. В реальности страшнее, чем в сети, полу-

чить отказ, негативную оценку, встретить отвержение, точно так же, как признаться в своих чувствах или сформулировать оценку, адресованную другому человеку.

Возможно, как раз этот аспект — разнообразие и обилие социальной оценки в ее безопасной форме — приводит к тенденции, согласно которой у юношей младшей и средней возрастной группы, а также у девушек старшей группы средние показатели по этой шкале выше для сети, чем для реальности.

Коллективная идентичность, как отмечалось, отражает переживание субъектом непосредственной принадлежности к большим и малым группам — к семье, расе, религиозной конфессии, политическим объединениям, включая государственные.

В четырех из шести групп респондентов средние показатели коллективной идентичности (см. рисунки 8, 9) в сети оказались незначимо выше, чем в реальности (а в двух группах — незначимо ниже), что может отражать широкие возможности принадлежности к разным группам: «Кем угодно можно быть. В жизни, если человек попадет в сообщество нетрадиционной ориентации, на тебя в лучшем случае коситься будут, а в худшем вообще общаться перестанут. Или когда еще ты сможешь в какой-нибудь клуб лесбиянок вступить или какой-нибудь другой клуб, где общаются довольно специфические люди» (респ. М., 23). Некоторые респонденты отмечали и факт использования социальных сетей как средства усиления чувства принадлежности: «Был еще такой момент, когда делала свою страничку ВКонтакте — желание принадлежности некоторому

Рисунок 8

Оценка средних значений коллективной идентичности в сети

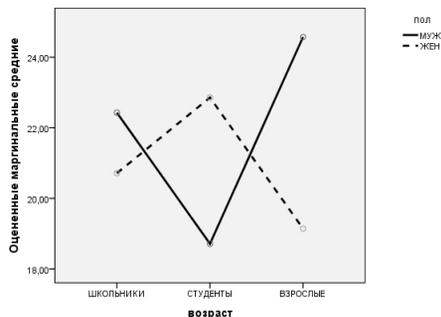
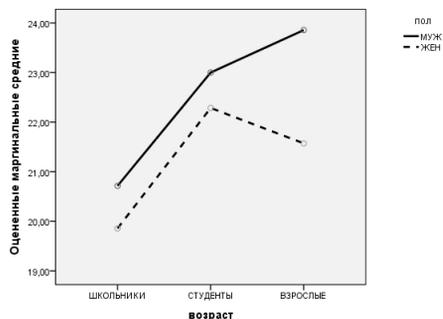

Рисунок 9

Оценка средних значений коллективной идентичности в реальности

сообществу. Я вышла из школы и хотела быть в некотором кругу. Желание быть в, быть внутри. Не просто вот такая С., а когда ты друг того и того. И раскрываешь эту карту, и видишь, что ты — там, видишь человека, с которым, там, вы знакомы через десять знакомых — это же круто» (респ. С., 21 лет).

Интересно, что «студенты» мужского пола демонстрируют явное преобладание показателей коллективной идентичности в реальности над соответствующими показателями в сети. Можно объяснить это особенностью ряда респондентов в данной группе: из беседы с ними стало известно, что несколько юношей отличались повышенной вовлеченностью в жизнь группы, подчеркивали принадлежность к политическим и религиозным объединениям и свою активность в них. Активная самореализация представителей этой группы респондентов в коллективной сфере в реальности могла повлиять на расхождение оценок значимости ориентации на коллективную идентичность в реальности и в сети в пользу реальности.

Специальная, или особая идентичность составлена, как отмечалось, из социально-демографических характеристик, представляющих пол, возраст, сексуальную ориентацию, социальное положение, академические и профессиональные аспекты социальной роли. Для всех групп показатели по этой шкале в реальности выше, чем в сети (рисунки 10, 11).

Характер вопросов, составляющих эту шкалу, отражает в основном индивидуальные свойства — пол, возраст, внешность и др., которые являются наиболее вариабельными в социальных сетях. С этим фактором связана основная масса «трагедий», рассказанных респондентами: «Это был довольно неприятный случай, когда полтора-два года моя знакомая общалась с мальчиком по аське. Без фоток, просто общалась. Она предлагала ему встретиться наконец-то, а он постоянно под разными предлогами отказывался. Потом выяснилось, что это не мальчик вовсе, а девочка. Девочка общалась с девочкой. Вторая барышня была не совсем

Рисунок 10

Оценка средних значений специальной идентичности в сети

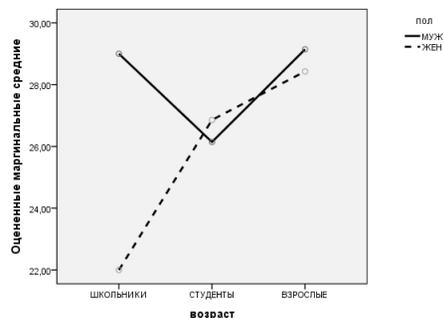
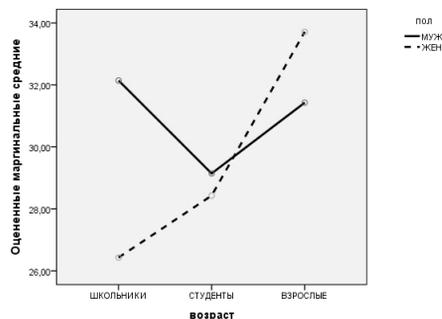

Рисунок 11

Оценка средних значений специальной идентичности в реальности

той ориентации, которая предполагалась. Родился мальчиком, как назло, а хочешь быть девочкой. Операция дорого и не очень удобно, а тут раз — и все, общайся. У моей подруги проскальзывали мысли, что человек может быть другого пола. Но как-то привыкли людям верить. Для нее это был шок» (респ. В., 21 год).

Интересно, что для мужской части выборки эти различия достигли уровня значимости по критерию Уилкоксона (для школьников $F = -1.99$ при $p = 0.046$; и $F = -2.01$ при $p = 0.041$ для взрослых), что может свидетельствовать о большей стабильности данной характеристики для девушек (в одинаковой степени заботящихся о своем социально-демографическом образе в сети и в реальности), чем для юношей, в некоторой степени пренебрежительно относящихся к этим характеристикам в сети.

Поверхностная идентичность является дополнительной шкалой, составным показателем, в который входят 3 пункта шкалы специальной идентичности и 2 пункта шкалы социальной идентичности. Она отра-

жает степень значимости поверхностных характеристик Я, непосредственно воспринимаемых другими людьми (пол, возраст, внешность, привлекательность для других). На уровне тенденции, есть различие между поверхностной идентичностью в реальности (выше) и идентичностью в сети (ниже) у студентов мужского пола ($F = -1.83$ при $p = 0.068$). Результаты представлены на рисунках 12, 13.

Как показали результаты многофакторного дисперсионного анализа, сочетание половозрастных характеристик оказывает значимое влияние на распределение ответов по поверхностной идентичности в сети ($F = 3.95$ при $p = 0.028$), при этом отсутствует значимое влияние половозрастных характеристик на поверхностную идентичность в реальности ($F = 0.91$ при $p = 0.408$). Респонденты почти всех групп придают меньшую значимость данным индивидуальным характеристикам в сети в сравнении с реальностью. Это представляется логичным. Однако интересно, что у младших юношей средние

Рисунок 12

Оценка средних значений поверхностной идентичности в сети

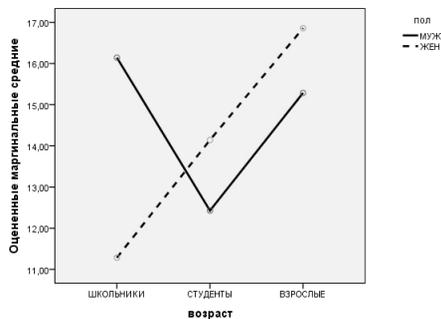
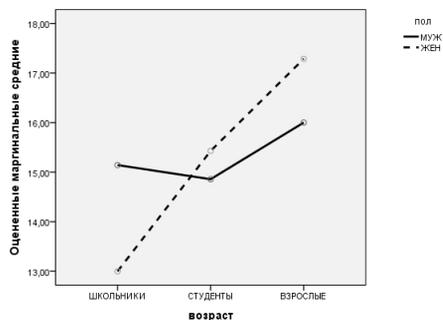

Рисунок 13

Оценка средних значений поверхностной идентичности в реальности

показатели поверхностной идентичности в реальности ниже, чем в сети. Возможно, для юношей подросткового возраста большая субъективная значимость своего физического образа в сети, чем в реальности, связана с задачей справляться с происходящими в этот момент в организме перестройками, телесными изменениями. Именно в сетевой реальности есть все возможности инвертировать параметры социальной категоризации, избавившись от индикаторов внешнего облика и социального статуса, «преодолев» свою телесность и «убежав из собственного тела». Интернет-пространство позволяет экспериментировать и преобразовывать базисные основания личности, ее телесность.

Часто задаются вопросом о существовании души, отмечает Пьер Жане (Жане, 2010, с. 54), но правомерно также поставить этот вопрос и относительно тела. «Дано мне тело — что мне делать с ним, // Таким единым и таким моим?» — читаем мы у О. Мандельштама. Хотя тело действительно «дано», оно в каком-то

смысле должно быть создано нами. Этот процесс представляет собой акт конструирования особого объекта (Жане, 2010). Если в отношении других объектов возможно перемещение (к ним, чтобы дотянуться; от них, чтобы перейти к другому предмету), то в отношении собственного тела ситуация иная: мы всегда в самих себе. Вы знаете, что происходит с константами, говорил Жане, — они становятся нормой, точкой отсчета. И наше тело становится таковым в отношении других объектов. Но если в реальности наше тело всегда с нами и мы не можем ничего с этим поделать, нравится нам это или нет, то в сетевой реальности есть возможность сменить эту константу, избрать другую точку отсчета, сконструировать другое тело — оно, возможно, станет лучше («идеальнее») или принесет меньше хлопот: ведь пубертатные изменения наступают у мальчиков позже, чем у девочек, и возраст 15–17 лет у многих юношей — это пора активного роста и телесных изменений. Возможно, этим можно отчасти объяснить полученные

значимые различия между полами по шкале поверхностной идентичности в сети и в целом значимость физических характеристик для данной половозрастной группы — результат во многом парадоксальный, если принять во внимание объективную незначимость внешнего вида и физических характеристик для коммуникативного процесса в сети, в отличие от реальности.

В целях прояснения структуры латентных факторов, стоящих за отличительными проявлениями идентичности в сети и в реальности, был проведен эксплораторный факторный анализ.

Факторные структуры оказались в значительной степени схожими. В ходе факторного анализа данных, относящихся к сетевой идентичности, было выделено два униполярных фактора, объясняющих 72.606% дисперсии. Первый фактор образован параметрами специальной (0.842) и поверхностной (0.919) идентичности. Учитывая спектр вопросов, составляющих параметры специальной и поверхностной идентичности и отражающих в основном социально-демографические и физические характеристики личности (пол, возраст, социальные роли и положение), его можно обозначить как фактор «Внешнего самопредъявления личности». Второй фактор образован параметрами личной (0.863) и реляционной (0.849) идентичности. Оба эти параметра отражают скорее внутреннюю жизнь индивида и его интимно-личностные связи (ценности, внутренние нормы, мечты, способности совладания, значимость близких душевных связей со значимыми другими). Этот фактор можно

назвать как «Внутреннее пространство личности». Итак, в структуре сетевой идентичности было выделено два основных фактора, соответствующих внешней и внутренней жизни индивида.

Факторный анализ относящихся к реальной идентичности данных выявил три фактора, объясняющих 83.361% дисперсии. Первый фактор, как и в случае сетевой идентичности, составили параметры специальной (0.924) и поверхностной (0.903) идентичности. Второй фактор — параметры реляционной идентичности (0.976). Третий — личной идентичности (0.959). Таким образом, применительно к реальности наблюдается вполне объяснимое усложнение (в сравнении с сетевой идентичностью) факторной структуры. А именно первый фактор «Внешнего самопредъявления личности» по-прежнему объясняет около 50% дисперсии, однако второй фактор, представленный для сетевой идентичности как единый фактор «Внутреннее пространство личности», раскладывается на два независимых фактора: реляционной и личной идентичности. Совпадающий с реляционной идентичностью фактор может быть с определенной долей условности назван фактором «Я с другими». Последний же фактор во многом совпадает с тем психологическим содержанием, которое принято именовать личностной идентичностью, в силу чего третий выделенный фактор назовем фактором «Личностной идентичности».

Для поиска соотношения структур параметров реальной и сетевой идентичности был проведен корреляционный анализ (критерий Спирмена).

В результате анализа были получены следующие значимые корреляции: первого фактора структуры сетевой идентичности («Внешнее самопредъявление личности») с одноименным первым фактором реальной идентичности ($r = 0.543$; $p = 0.001$), а также второго фактора сетевой идентичности («Внутреннее пространство личности») с третьим фактором («Личностная идентичность») реальной идентичности ($r = 0.412$; $p = 0.007$). При этом второй фактор реальной идентичности («Я с другими») значимо коррелирует как с первым ($r = 0.349$; $p = 0.024$), так и со вторым ($r = 0.476$; $p = 0.001$) фактором сетевой идентичности. Можно отметить, что реляционная идентичность, или фактор «Я с другими» реальной идентичности, как бы расщепляется и входит в состав внешней и внутренней идентичности личности в сети. Таким образом, идентичность личности, связанная с ее отношениями с другими людьми, выражается в сети через внешнюю самопрезентацию и одновременно входит в состав внутреннего представления человека о себе, т.е. его внутренней идентичности.

Проведенный факторный анализ показывает, что сетевая идентичность организована существенно проще, чем реальная. С одной стороны, это не противоречит интуитивным представлениям. Действительно, наряду с фактором, совпадающим с личностной идентичностью, психологическая реальность включает также фактор «Я с другими», связанный с отношениями с другими (прежде всего — близкими) людьми, совпадающий с реляционной идентичностью. В то же время в структуре сетевой идентичности отношение

к другим людям не отделено от личной идентичности; можно на основании этого предположить, что другие люди в сети могут представляться респондентам едва ли отделимыми от самих респондентов продуктами фантазии. Таким образом, применение опросника «Аспекты идентичности» вскрывает нечто противоречащее вербальным высказываниям и, насколько можно судить, убеждениям множества пользователей социальных сетей: согласно этим убеждениям, другие (близкие и достаточно далекие знакомые) люди в сети выступают едва ли не во всей своей телесности и, во всяком случае, психологически отделимы от самих пользователей. Между тем проведенное исследование показывает, что применительно к сетевой идентичности это не совсем так. Данный вывод заслуживает дальнейшего углубленного исследования с участием пользователей социальных сетей.

Выводы

Формирование собственной идентичности представляет собой один из наиболее важных процессов в ходе подросткового и юношеского возраста. Развитие информационных технологий привело к возникновению принципиально нового специфического контекста для экспериментов с собственной идентичностью и формированием образа Я.

1. Шкала «Аспекты идентичности» зарекомендовала себя как перспективный измерительный инструмент для анализа различий между реальной и сетевой идентичностью. Это можно отнести за счет того, что

данная шкала включает значительное количество субшкал, многие из которых — во всяком случае, применительно к социальным сетям — значимо отличают идентичность в условиях реальности от идентичности в сети.

2. Показатели по разным шкалам идентичности имеют существенные отличия друг от друга в условиях «Сеть» и «Реальность». Если показатели личной и специальной идентичности (отражающие индивидуальные и индивидуальные особенности) в реальности превышают таковые в сети для всех групп респондентов, то остальные показатели обнаруживают вариации. Обращают на себя внимание в среднем более высокие показатели сетевой идентичности для шкалы социальной идентичности.

3. Выявлены гендерные и возрастные различия в показателях по шкалам идентичности (для социальной идентичности в сети и в реальности и для поверхностной идентичности в сети), а также в отношении разницы

показателей в реальности и в сети (по индивидуальной и реляционной идентичности).

4. Факторный анализ выявил в структуре сетевой идентичности два фактора: «Внешнее самопредъявление личности и «Внутреннее пространство личности». В случае реальной идентичности сохраняется первый фактор, а второй раскладывается на два независимых: реляционная («Я с другими») и личностная идентичность. Факторы реальной и сетевой идентичности значимо коррелируют между собой.

5. Рассмотрены возможные параметры, способствующие возникновению различий в оценках идентичности в сети и в реальности, среди которых как традиционно обсуждаемые характеристики сети (анонимность, дистанцированность, вариативность индивидуальных характеристик личности и др.), так и более частные (специфика эмоционального контакта в сети, усиление принадлежности к референтной группе и др.).

Литература

Абрамов М.Г. Влияние информационных технологий на старшеклассников // Человек. 2007. № 3. С. 85–92.

Архитектура виртуальных миров / Под науч. ред. М.Б. Игнатъева, А.В. Васильева, А.Е. Войскунского. СПб.: ГУАП, 2009.

Асмолов А.Г., Асмолов Г.А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2010. № 1. С. 3–21.

Белинская Е.П. Человек в информационном мире // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 203–220.

Войскунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010а.

Войскунский А.Е. Киберпсихология в прошлом, настоящем и будущем // Журнал практического психолога. 2010б. № 4. С. 7–16.

Войскунский А.Е. Вступительное слово // Психология. Журнал Высшей

школы экономики. 2011. Т. 8, № 4. С. 29–34.

Войскунский А.Е., Дорохова О.А. Становление киберэтики: исторические основания и современные проблемы // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 69–83.

Гавриченко О.В., Смолякова Т.В. Особенности саморепрезентации в Интернет-дневниках подростков и молодежи // Психологические исследования: Электрон. науч. журн. 2008. № 1 (4). [Электронный ресурс]. URL: <http://psy-study.ru> (дата обращения: 14.10.2010).

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс, 2000.

Жане П. Психологическая эволюция личности. М.: Академический проект, 2010.

Жичкина А.Е., Белинская Е.П. Самопрезентация в виртуальной коммуникации и особенности идентичности подростков-пользователей Интернета // Образование и информационная культура. Социологические аспекты / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2000. С. 431–460.

Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Психология жителей Интернета. М.: УРСС, 2008.

Манеров В.Х., Королева Н.Н., Богдановская И.М., Проект Ю.Л. Миробразование и личностные феномены Интернет-коммуникации. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006.

Одинцова М.С., Антонова Н.В. Особенности идентичности людей, активно общающихся в сети Интернет // Журнал практического психолога. 2010. № 4. С. 37–58.

Розин В.М. Феномен множественной личности: по материалам книги Дэниела Киза «Множественные умы Билли Миллигана». М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2009.

Соколов М.М. Онлайн-дневник, теории виртуальной идентичности и режимы раскрытия персональной информации // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet // Под ред. В.Л. Волохонского, Ю.Е. Зайцевой, М.М. Соколова. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 9–39.

Ставропольский Ю.В. Факторная структура «Я»-аспектов личностной идентичности в США // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2009. Т. 9. Вып. 2. С. 92–97.

Фриндте В., Келер Т. Публичное конструирование «Я» в опосредствованном компьютером общении // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М., 2000. С. 40–54.

Шевченко И.С. Факторы динамичности самопрезентаций участников Интернет-общения // Социальные и психологические последствия применения информационных технологий: Мат-лы международной Интернет-конференции / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 85–93.

Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Back M.D., Stopfer J.M., Vazire S., Gaddis S., Schmukle S.C., Egloff B., Gosling S.D. Facebook profiles reflect actual personality not self-idealization // Psychological Science. 2010. 21. 372–374.

Cheek J.M., Briggs S.R. Self-consciousness and aspects of identity // Journal of Research in Personality. 1982. 16. 4. 401–408.

Dollinger S.J., Preston L.A., O'Brien S.P., DiLalla D.L. Individuality and relatedness of the self: An autophotographic study // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. 71. 6. 1268–1278.

James C., Flores A., Francis J.M., Pettingill L., Rundle M., Gardner H. Young

people, ethics, and the new digital media. Cambridge, MA: The MIT Press, 2009.

Joinson A. Understanding the psychology of Internet behaviour: Virtual worlds, real lives. Houndmills, UK; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003.

Karl K., Peluchette J., Schlaegel C. A cross-cultural examination of student attitudes and gender differences in Facebook profile content // International Journal of Virtual Communities and Social Networking. 2010. 2. 2. 11–31.

Roesler Ch. The Self in cyberspace: Identity formation in postmodern societies and Jung's Self as an objective Psyche // Journal of Analytical Psychology. 2008. 53. 421–436.

Turkle Sh. Life on the screen: Identity in the age of the Internet. N.Y.: A Touchstone Book, 1995.

Wilson R.E., Gosling S.D., Graham L.T. A review of Facebook research in the social sciences // Perspectives on Psychological Science. 2012. 7. 3. 203–220.

Психодиагностика

АПРОБАЦИЯ ОПРОСНИКА САМОСТЕЙ

С.С. КУРГИНЯН

Кургинян Сергей Сергеевич — ведущий научный сотрудник Института содержания образования Департамента исследований и разработок Института образования НИУ ВШЭ, доцент кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения МГППУ, кандидат педагогических наук, Master of Arts in Human Relations.

Сфера интересов: психология личности, проблема самости и актуального психического состояния личности как субъекта отношения к себе, интрапсихические предпосылки поддержания личностью адекватного отношения к себе, качественная методология в исследовании объектов внутреннего мира личности, метод изучения индивидуальных случаев.

Контакты: skurginyan@hse.ru

Резюме

Статья посвящена апробации Опросника самостей (The Selves Questionnaire, E.T. Higgins) на русскоязычной выборке. Разработка нового инструмента связана с изучением представлений личности о себе при анализе ее самости.

Опросник позволяет оценить несоответствие или расхождения между различными аспектами «концепта самости» (self-concept), в частности между «актуальной самостью» и/или «идеальной самостью» или «должной самостью», с двух позиций: собственной или «значимого другого». В процессе апробации осуществлена проверка инструмента на тест-ретестовую надежность. Результаты психометрической проверки показали удовлетворительные характеристики методики ввиду ряда особенностей ее проведения и обработки, которые обсуждаются в данной статье. Выявлены проблемные области для дальнейшей адаптации и валидизации инструмента.

Ключевые слова: *Опросник самостей, самость, концепт самости, самонесоответствие, область знаний о себе самом, позиция личности в отношении к себе.*

В данной научной работе использованы результаты проекта «Изучение субъектности и ее проявления в ментальном развитии человека», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

В психологической литературе встречается множество теорий, авторы которых при изучении природы различных психических свойств и состояний личности обращались к категориям «соответствие-несоответствие» или «тождественность-нетождественность». К ним можно отнести теории когнитивного диссонанса Э. Аронсона (Aronson, 1969) и Л. Фестингера (Festinger, 1957), теорию межличностного баланса Т. Ньюкомба (Newcomb, 1968), ассоцианистскую теорию Ч. Осгуда (Osgood, Tannenbaum, 1955), теорию внутренней согласованности личности П. Леки (Lecky, 1961) и С. Эпштейна (Epstein, 1980). Теоретические положения отмеченных теорий легли в основу многих актуальных для современной психологической науки теорий личности, акцентирующих внимание исследователей на изучение природы внутренних противоречий, которые являются следствием взаимодействия внутренних и внешних условий в ходе реализации личностью психической деятельности.

Американский психолог Эдвард Тори Хиггинс (Edward Tory Higgins) разработал теорию самонесоответ-

ствия личности, в которой «самонесоответствие» определяется как несоответствие между различными аспектами концепта самости¹ (Self-concept) индивида, в частности между актуальной самостью (Actual self) и/или идеальной самостью (Ideal self) или должной самостью (Ought self). Данная теория разрабатывает концепт самости в его непосредственной связи с эмоциональными состояниями личности и основана на предположении, что несоответствия между самостью и «идеальными» стандартами ассоциируются с эмоциями, отнесенными к подавленным состояниям, тогда как несоответствия между самостью и «должными» стандартами ассоциируются с эмоциями, отнесенными к состояниям повышенной активности (Higgins, 1987). Э.Т. Хиггинс выделяет следующие виды несоответствий в представлениях личности о себе: «актуально-идеальное» и «актуально-должное» самонесоответствие. В своей теории ученый выдвинул и обосновал предположение, что можно выделить два вида когнитивного измерения репрезентаций различных состояний самости (self-state):

¹ Мы, ссылаясь на англоязычную психологическую традицию, рассматриваем «концепт самости» как совокупность представлений личности о себе или, точнее, о собственной самости (см. подробно: APA Dictionary of Psychology, 2007, p. 828–829). Здесь отметим, что в отечественной психологической традиции «самость» воспринимается как некая гипотетическая конструкция. Это вызывает определенные трудности в разработке проблемы самости при изучении личности. Исходя из ориентаций исследователей на то или иное отечественное психологическое направление, зачастую данная конструкция по своему содержанию сводится к таким психологическим категориям, как внутренняя активность, интегральная целостность, идентичность, индивидуальность. В этой связи, по тому как «самость» предстает личности, эта конструкция, как правило, обозначается категорией Я» Отсюда «самость» и Я фактически отождествляются, хотя затем (и чаще всего) Я определяется как Я-концепция, т.е. презентуется «самость», а не ее сущность.

область знаний личности о себе самой и ее позиция относительно своей самости. К первым он относит:

1) *актуальную самость*, которая есть не что иное, как репрезентация личностью атрибутов, которыми она в действительности обладает;

2) *идеальная самость* как репрезентация личностью атрибутов, которыми она хотела бы обладать в идеале (ожидания, пожелания в отношении себя самой);

3) *должная самость* как репрезентация личностью атрибутов, которыми она должна обладать (обязательства, долг и ответственность по отношению к себе).

Ко вторым Э.Т. Хиггинс относит две основные позиции личности в отношении к ее самости:

1) собственная позиция;

2) позиция «значимых других» (родителей, сиблингов, супругов, близких друзей).

Соотношение обозначенных областей знаний личности о себе самой и ее позиций относительно своей самости слагают шесть базовых типов репрезентаций состояний самости:

1) актуальная самость/собственная позиция;

2) актуальная самость/позиция «значимого другого»;

3) идеальная самость/собственная позиция;

4) идеальная самость/позиция «значимого другого»;

5) должная самость/собственная позиция;

6) должная самость/позиция «значимого другого».

Первые два типа репрезентаций — актуальная самость/собственная позиция и актуальная самость/позиция «значимого другого», по мнению

автора, определяют функциональное актуальное состояние личности, или, в терминах Р. Уайли, «концепт самости» (Wylie, 1961). Остальные четыре типа репрезентаций являются критериями, определяющими существование самости личности (self-guides). Отсюда, согласно теории самонесоответствия, люди различаются в зависимости от того, какими критериями, определяющими существование их самости, они руководствуются. Не все индивиды владеют данными критериями в равной мере — некоторые руководствуются только «должными», в то время как другие — «идеальными». В этой связи Э.Т. Хиггинс в качестве исходного положения своей теории выдвигает следующий факт: *личность внутренне мотивирована на достижение такого состояния, в котором ее представления о себе (self-concept) соответствуют личностно значимым критериям, определяющим существование ее самости* (курсив наш — С.К.).

В заключение обозреваемой теории отметим, что теория самонесоответствия — Self-Discrepancy: A Theory Relating Self and Affect — отличается от остальных теорий тем, что в ней внимание автора сосредоточено не только на выявлении *природы* несоответствия или наличия расхождений в представлениях личности о себе за счет определения критериев, но также и на несоответствии между данными критериями, ассоциируемыми с различными мотивационными predispositionами личности. Главным достоинством теории Э.Т. Хиггинса является то, что в ней рассматривается конкретный набор *несоответствий* личности в представлениях

о себе, который является следствием не только концептуальной проработки данной проблемы, но и многих эмпирических исследований на ее основе. Как результат ученым предложена оригинальная авторская методика Опросник самостей (The Selves Questionnaire).

Цель данной публикации — изложение результатов апробации Опросника самостей на русскоязычной выборке, в ходе которой оценивались ее психометрические возможности.

Описание и структура Опросника самостей

Опросник самостей относится к измерительным инструментам, которые позволяют оценить несоответствия или расхождения в представлениях личности о своей самости. Данный метод широко распространен при изучении связи представлений личности о себе с ее психическим состоянием (Francis et al., 2006). Опросник разработан Э.Т. Хиггинсом для операционализации такого теоретического конструкта, как «самонесоответствие» (Higgins, 1987). Согласно замыслу автора, с помощью данного инструмента можно оценить самонесоответствие (self-discrepancy) между различными аспектами «концепта самости», в частности между «актуальной самостью» и/или «идеальной самостью» или «должной самостью», с двух позиций: собственной или «значимого другого». Таким образом, Э.Т. Хиггинс выделяет следующие виды несоответствий в представлениях личности о себе с обозначенных позиций: «актуально-идеальное» и «актуально-должное» самонесоответствие.

Опросник самостей — это по существу серия бланков. Каждый бланк содержит инструкцию к испытуемому, в которой ему предлагается определить до 10 слов для описания одного из аспектов своей «самости», т.е. себя (например, «качество личности, которым Вы обладаете»). Далее испытуемому предлагается обозначенный «атрибут», характеризующий его в своем представлении о себе, оценить по шкале от 1 до 4, т.е. отнести к себе именно в той мере, в какой этот «атрибут» для него лично значим. Значения оценочной шкалы представлены следующим образом: 1 балл соответствует значению «отношу к себе в меньшей степени», 2 балла — «скорее отношу к себе, чем не отношу», 3 балла — «отношу к себе» и 4 балла — «отношу к себе в большей степени».

Опросник самостей заключает в себе принцип идиографического оценивания самонесоответствия в представлениях испытуемого о себе. Это связано с одним из допущений теории самонесоответствия, а именно: лично важные атрибуты более доступны когнитивно, и только доступные атрибуты побуждают эмоции. Кроме того, опросник позволяет выявить атрибуты «самости», которые являются сильными стимулами в когнитивных прайминговых исследованиях. Снабжение перечнем атрибутов недопустимо, поскольку чтение такого перечня создаст когнитивный прайминговый процесс, который может породить некоторые атрибуты, искусственно бросающиеся в глаза, тогда как они не являются лично значимыми. Более того, по мнению автора и его коллег, идиографически выявленные атрибуты

позволяют предсказывать психологические (аффективные и поведенческие) реакции более достоверно, чем номотетически установленные «атрибуты» (Higgins et al., 1982; Higgins et al., 1985; Higgins, 1987).

Для обработки результатов тестирования с использованием опросника самостей предполагается четырехшаговая процедура кодирования. На первом этапе производятся попарные сопоставления между пунктами (атрибутами) в рамках каждого задания отдельно. Пары классифицируются по семантической связанности² на синонимичные (например: умный, сообразительный), антонимичные (например: бедный, богатый) и несочетания (если слова семантически не связаны). Семантическая связанность вводится в действие использованием тезауруса. Второй этап требует расчета и проверки величинных оценок с целью определения различий между синонимичными сочетаниями и синонимичными несочетаниями. Если различие между оценками составляет 0 или 1, то оно обозначается как сочетание, если 2 и более — как несочетание. На третьем этапе выделенным сочетаниям и несочетаниям присваиваются коды: синонимичные сочетания оцениваются в -1; синонимичные несочетания оцениваются в +1; антонимичные несочетания оцениваются в +2; несочетания оце-

ниваются в 0 (они не подсчитываются в окончательный балл). В заключение производится подсчет частотности оцениваемых пар по формуле, которая позволяет высчитать балл самонесоответствия. Положительное значение итогового балла определяет «самонесоответствие», отрицательное — «самосоответствие». Следующая формула иллюстрирует пример вычисления «актуальных-идеальных» несоответствий:

$$D_{AI} = (2 \times AMM_{AI}) + SMM_{AI} - SM_{AI}$$

где D_{AI} — это балл «актуального-идеального» несоответствия, AMM_{AI} — количество «актуальных-идеальных» антонимичных несочетаний, SMM_{AI} — количество синонимичных несочетаний, SM_{AI} — количество синонимичных сочетаний.

Методика

Выборка и процедура исследования

Исследование проводилось на русскоязычной группе лиц в возрасте от 22 до 60 лет ($M = 38.46$; $SD = 9.10$) общей численностью $N = 81$ человек, включая 44 женщины (средний возраст $M = 38.04$; $SD = 8.89$) и 37 мужчин (средний возраст $M = 39.94$; $SD = 9.44$). Выборку составили студенты московских вузов, получающие

² Семантическая связанность отражает характер семантических отношений между дескрипторами по типу и силе их связи. Таким образом, при анализе семантической связанности конкретных дескрипторов по типу их связи осуществляется их причисление либо к классу синонимов или антонимов, либо к более широким классам — «симиляров» или «оппозитов», а также, в некоторых случаях, определяется коэффициент силы связи этих дескрипторов в пределах одного класса (например, синонимов) с ключевым словом.

как первое высшее профессиональное образование, так и второе на базе первого, а также их ближайшие родственники (родители, братья и сестры и т.д.) и знакомые (друзья, коллеги и т.д.). Участие в исследовании являлось добровольным. Испытуемые участвовали как в первом тестировании (тест), так и в повторном тестировании (ретест). Временной интервал цепи «тест-ретест» составил от четырех до шести месяцев.

Всем испытуемым предъявлялась общая инструкция:

«Вашему вниманию предлагается опросник, с помощью которого можно оценить особенности Ваших представлений о себе с двух позиций: собственной или “значимого другого”. В качестве “значимого другого” могут выступать не только родители, братья и сестры, супруги, близкие друзья, но и те, чья значимость для Вас проявляется в их понимании Ваших переживаний своей самости или же, когда Вы сами находите подтвержденные переживаний своей самости у них.

Вам предлагается выполнить два блока заданий. *Блок А* предполагает оценку Вашего “актуального-идеального” и “актуального-должного” несоответствий через Вашу собственную характеристику себя атрибутами, которые характеризуют Вас таким(ой), каким(ой) бы Вы хотели быть в “идеале”, и таким(ой), каким(ой) бы Вам следовало быть. *Блок Б* предполагает оценку Вашего “актуального-идеального” и “актуального-должного” несоответствий через характеристику себя атрибутами, которыми характеризуют Вас “значимые другие” в “идеале”, то есть таким(ой), каким(ой) бы им хотелось, чтобы Вы были, или каким(какой) бы Вам следовало быть. В качестве атрибутов могут выступать прилагательные или прича-

стия, а также существительные, описывающие те или иные черты Вашей личности, например, инициативный, невнимательный, думающий, авантюрист, романтик и др. После того как Вы определились с атрибутом, Вам необходимо отнести его к себе по четырехбалльной шкале: от 1 до 4, где 1 балл соответствует значению “отношу к себе в меньшей степени”, 2 балла — “скорее отношу к себе, чем не отношу”, 3 балла — “отношу к себе” и 4 балла — “отношу к себе в большей степени”. Соответствующее число необходимо обвести кругом».

Далее испытуемым предъявлялся регистрационный бланк с блоками заданий («Блок А» и «Блок Б»), каждый из которых содержал по два задания.

1. Оценка «актуального-идеального» несоответствия (рисунки 1 и 3).

2. Оценка «актуального-должного» несоответствия (рисунки 2 и 4).

Обработка результатов первого и второго тестирования проводилась согласно процедуре, описанной выше. Сначала осуществлялось попарное сопоставление между пунктами (атрибутами) с целью установления синонимичных и антонимичных сочетаний и несочетаний. Семантическая связанность попарных сопоставлений определялась с использованием тезауруса (Шмелев и др., 1988). Далее производились расчет и проверка различий между синонимичными сочетаниями и синонимичными несочетаниями. Выделенные сочетания и несочетания кодировались с присвоением им следующих значений: -1 для синонимичных сочетаний, $+1$ для синонимичных несочетаний, $+2$ для антонимичных несочетаний, 0 для несочетаний. Последние, согласно процедуре

Рисунок 1

Блок А: Задание 1. Оценка «актуального-идеального» несоответствия с собственной позиции

<p>I. Пожалуйста, перечислите до 10 атрибутов, которые характеризуют Вас.</p> <p>1. 1 2 3 4</p> <p>2. 1 2 3 4</p> <p>3. 1 2 3 4</p> <p>4. 1 2 3 4</p> <p>5. 1 2 3 4</p> <p>6. 1 2 3 4</p> <p>7. 1 2 3 4</p> <p>8. 1 2 3 4</p> <p>9. 1 2 3 4</p> <p>10. 1 2 3 4</p> <p>II. Обведите соответствующее число кругом, чтобы определить в какой степени Вы относите атрибут к себе.</p>	<p>III. Пожалуйста, перечислите до 10 атрибутов, которые характеризуют Вас таким(ой), каким(ой) бы Вам хотелось быть в идеале.</p> <p>1. 1 2 3 4</p> <p>2. 1 2 3 4</p> <p>3. 1 2 3 4</p> <p>4. 1 2 3 4</p> <p>5. 1 2 3 4</p> <p>6. 1 2 3 4</p> <p>7. 1 2 3 4</p> <p>8. 1 2 3 4</p> <p>9. 1 2 3 4</p> <p>10. 1 2 3 4</p> <p>IV. Обведите соответствующее число кругом, чтобы определить в какой степени Вы относите атрибут к себе.</p>
---	--

Рисунок 2

Блок А: Задание 2. Оценка «актуального-должного» несоответствия с собственной позиции

<p>I. Пожалуйста, перечислите до 10 атрибутов, которые характеризуют Вас.</p> <p>1. 1 2 3 4</p> <p>2. 1 2 3 4</p> <p>3. 1 2 3 4</p> <p>4. 1 2 3 4</p> <p>5. 1 2 3 4</p> <p>6. 1 2 3 4</p> <p>7. 1 2 3 4</p> <p>8. 1 2 3 4</p> <p>9. 1 2 3 4</p> <p>10. 1 2 3 4</p> <p>II. Обведите соответствующее число кругом, чтобы определить в какой степени Вы относите атрибут к себе.</p>	<p>III. Пожалуйста, перечислите до 10 атрибутов, которые характеризуют Вас таким(ой), каким(ой) бы Вам следовало быть.</p> <p>1. 1 2 3 4</p> <p>2. 1 2 3 4</p> <p>3. 1 2 3 4</p> <p>4. 1 2 3 4</p> <p>5. 1 2 3 4</p> <p>6. 1 2 3 4</p> <p>7. 1 2 3 4</p> <p>8. 1 2 3 4</p> <p>9. 1 2 3 4</p> <p>10. 1 2 3 4</p> <p>IV. Обведите соответствующее число кругом, чтобы определить в какой степени Вы относите атрибут к себе.</p>
---	--

Рисунок 3

Блок Б: Задание 1. Оценка «актуального-идеального» несоответствия с позиции «значимого другого»

<p>I. Пожалуйста, перечислите до 10 атрибутов, которыми, как правило, характеризуют Вас «значимые другие».</p> <p>1. 1 2 3 4</p> <p>2. 1 2 3 4</p> <p>3. 1 2 3 4</p> <p>4. 1 2 3 4</p> <p>5. 1 2 3 4</p> <p>6. 1 2 3 4</p> <p>7. 1 2 3 4</p> <p>8. 1 2 3 4</p> <p>9. 1 2 3 4</p> <p>10. 1 2 3 4</p> <p>II. Обведите соответствующее число кругом, чтобы определить в какой степени Вы относите атрибут к себе.</p>	<p>III. Пожалуйста, перечислите до 10 атрибутов, которыми характеризуют Вас «значимые другие» в «идеале», т.е. каким(ой) бы им хотелось, чтобы Вы были.</p> <p>1. 1 2 3 4</p> <p>2. 1 2 3 4</p> <p>3. 1 2 3 4</p> <p>4. 1 2 3 4</p> <p>5. 1 2 3 4</p> <p>6. 1 2 3 4</p> <p>7. 1 2 3 4</p> <p>8. 1 2 3 4</p> <p>9. 1 2 3 4</p> <p>10. 1 2 3 4</p> <p>IV. Обведите соответствующее число кругом, чтобы определить в какой степени Вы относите атрибут к себе.</p>
--	---

Рисунок 4

Блок Б: Задание 2. Оценка «актуального-должного» несоответствия с позиции «значимого другого»

<p>I. Пожалуйста, перечислите до 10 атрибутов, которыми, как правило, характеризуют Вас «значимые другие».</p> <p>1. 1 2 3 4</p> <p>2. 1 2 3 4</p> <p>3. 1 2 3 4</p> <p>4. 1 2 3 4</p> <p>5. 1 2 3 4</p> <p>6. 1 2 3 4</p> <p>7. 1 2 3 4</p> <p>8. 1 2 3 4</p> <p>9. 1 2 3 4</p> <p>10. 1 2 3 4</p> <p>II. Обведите соответствующее число кругом, чтобы определить в какой степени Вы относите атрибут к себе.</p>	<p>III. Пожалуйста, перечислите до 10 атрибутов, которыми, по мнению «значимых других» Вам следовало бы обладать.</p> <p>1. 1 2 3 4</p> <p>2. 1 2 3 4</p> <p>3. 1 2 3 4</p> <p>4. 1 2 3 4</p> <p>5. 1 2 3 4</p> <p>6. 1 2 3 4</p> <p>7. 1 2 3 4</p> <p>8. 1 2 3 4</p> <p>9. 1 2 3 4</p> <p>10. 1 2 3 4</p> <p>IV. Обведите соответствующее число кругом, чтобы определить в какой степени Вы относите атрибут к себе.</p>
--	---

обработки, не включались в подсчет окончательного балла «самонесоответствия».

В заключение производилось вычисление балла самонесоответствия по следующим формулам:

Формула 1

Вычисление балла «актуального-идеального» несоответствия

$$D_{AI} = (2 \times AMM_{AI}) + SMM_{AI} - SM_{AI}$$

где D_{AI} — это балл «актуального-идеального» несоответствия, AMM_{AI} — количество «актуальных-идеальных» антонимичных несочетаний, SMM_{AI} — количество «актуальных-идеальных» синонимичных несочетаний, SM_{AI} — количество «актуальных-идеальных» синонимичных сочетаний.

Формула 2

Вычисление балла «актуального-должного» несоответствия

$$D_{AO} = (2 \times AMM_{AO}) + SMM_{AO} - SM_{AO}$$

где D_{AO} — это балл «актуального-должного» несоответствия, AMM_{AO} — количество «актуальных-должных» антонимичных несочетаний, SMM_{AO} — количество «актуальных-должных» синонимичных несочетаний, SM_{AO} — количество «актуальных-должных» синонимичных сочетаний.

Результаты

Для анализа результатов тестирования применялся стандартный статистический пакет SPSS Statistics 18.0. Использовались методы дескриптивной статистики, коэффициент регрессии и коэффициент корреляции Пирсона.

В ходе первого тестирования (тест) было установлено, что из числа общей выборки (N = 81) у 60 испытуемых наблюдался отрицательный балл самонесоответствия, что свидетельствует об отсутствии у данной категории каких-либо признаков рассогласования в представлениях о себе самом (AI: M = -1.25; SD = 2.64; AO: M = -1.60; SD = 2.69) и представлениях о себе с позиции «значимых

других» (AI: $M = -1.30$; $SD = 2.29$; AO: $M = -1.65$; $SD = 2.82$). У остальной части данной выборки, которую составил 21 испытуемый, наряду с самосоответствием был выявлен положительный балл самонесоответствия: «актуальное-идеальное» самонесоответствие в представлениях о себе самом — 8 человек (AI: $M = 2.50$; $SD = 1.70$); «актуальное-должное» самонесоответствие в представлениях о себе самом — 6 человек (AO: $M = 2.00$; $SD = 0.63$); «актуальное-идеальное» самонесоответствие в представлениях о себе с позиции «значимых других» — 11 человек (AI: $M = 2.00$; $SD = 0.89$); «актуальное-должное» самонесоответствие в представлениях о себе самом с позиции «значимых других» — 5 человек (AO: $M = 1.80$; $SD = 0.45$).

В ходе повторного тестирования (ретест) было установлено, что из числа выборки ($N = 81$) у 59 испытуемых был зафиксирован отрицательный балл самонесоответствия, что свидетельствует об отсутствии у данной категории каких-либо признаков рассогласования в представлениях о себе самом (AI: $M = -1.76$, $SD = 2.93$; AO: $M = -1.96$, $SD = 3.05$) и представлениях о себе с позиции «значимых других» (AI: $M = -1.44$, $SD = 2.00$; AO: $M = -1.47$, $SD = 1.83$). Остальная часть выборки, которую составили 22 испытуемых, наряду с самосоответствием показала положительный балл самонесоответствия: «актуальное-идеальное» самонесоответствие в представлениях о себе самом — 6 человек (AI: $M = 2.83$, $SD = 1.83$); «актуальное-должное» самонесоответствие в представлениях о себе самом — 7 человек (AO: $M = 2.43$, $SD = 1.62$); «актуальное-идеаль-

ное» самонесоответствие в представлениях о себе с позиции «значимых других» — 8 человек (AI: $M = 2.63$, $SD = 0.54$); «актуальное-должное» самонесоответствие в представлениях о себе самом с позиции «значимых других» — 6 человек (AO: $M = 2.69$, $SD = 0.41$). Описательные статистики результатов первого и повторного тестирования четырех шкал Опросника самостей представлены в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что коэффициенты асимметрии и эксцесса как при первом, так и повторном тестировании превышают соответствующие им ошибки, что, в свою очередь, является свидетельством отклонения эмпирического распределения от нормального закона. Полагаем, что это обстоятельство связано с особенностью процедуры измерения.

Обращаясь к анализу пунктов-атрибутов, которые в рамках каждого задания Опросника самостей называли испытуемые, следует рассмотреть их количественную представленность для каждого вида несоответствия в представлениях испытуемых о себе самих как по результатам первого тестирования, так и по результатам повторного тестирования. Как видно из таблицы 2, испытуемые практически по каждому виду атрибутов (актуальные, идеальные и должные) в среднем назвали их количество, приближенное к количеству атрибутов в инструкции опросника (до 10 атрибутов). Наибольшее количество представлено актуальными атрибутами как при первом, так и повторном тестировании. Однако в среднем по выборке представленность идеальных и должных атрибутов не сильно отличается от представленности актуальных атрибутов.

Таблица 1
 Описательные статистики результатов первого (тест) и повторного тестирования (ретест) четырех шкал Опросника самостей (N = 81)

Шкалы	N	Среднее	Минимум	Максимум	Ст. отклонение	Дисперсия	Асимметрия	Ст. ошибка асимметрии	Экссесс	Ст. ошибка эксцесса
AI _s	81	-0.8765	-10	6	2.79008	7.785	-1.95	0.267	5.02	0.529
AO _s	81	-1.3333	-10	3	2.75227	7.575	-1.723	0.267	2.56	0.529
AI _o	81	-0.6914	-10	4	2.41683	5.841	-2.094	0.267	5.635	0.529
AO _o	81	-1.2963	-10	2	2.84361	8.086	-1.932	0.267	3.164	0.529
ReAI _s	81	-1.4198	-10	6	3.09784	9.597	-1.453	0.267	2.365	0.529
ReAO _s	81	-1.5802	-10	6	3.20103	10.247	-1.328	0.267	1.608	0.529
ReAI _o	81	-1.0988	-10	3	2.70465	7.315	-2.046	0.267	4.045	0.529
ReAO _o	81	-1.2222	-10	2	2.72947	7.45	-2.048	0.267	3.635	0.529

Примечание. Здесь и далее: AI_s — «актуальное-идеальное» самонесоответствие в представленных о себе самом, AO_s — «актуальное-должное» самонесоответствие в представленных о себе самом; AI_o — «актуальное-идеальное» самонесоответствие в представленных о себе с позиции «значимых других», AO_o — «актуальное-должное» самонесоответствие в представленных о себе самом с позиции «значимых других». В названиях шкал повторного тестирования (ретест) добавлено Re.

Результаты тест-ретеста.

Связь тест-ретестовых шкал Опросника самостей, а также результаты проверки меры их линейной связи представлены на рисунке 5. Корреляционный анализ (r -Пирсон) результатов первого и повторного

тестирования показал значимые положительные взаимосвязи между шкалами теста и ретеста (test-retest) на уровне $p < 0.01$. Результаты тест-ретестовой надежности по методике Опросник самостей представлены в таблице 3.

Таблица 2

Количество атрибутов, названных испытуемыми в ходе процедуры «тест-ретест» по методике Опросник самостей

Среднее и ст. отклонение	AIs		AOs		AIo		AOo	
	A	I	A	O	A	I	A	O
<i>Тест</i>								
M	9.43	9.16	9.01	8.98	9.07	8.84	8.89	8.54
SD	1.28	1.67	1.62	1.73	1.49	1.76	1.79	1.99
<i>Ретест</i>								
M	9.38	9.14	9.07	9.06	9.10	8.90	8.95	8.80
SD	1.48	1.67	1.78	1.83	1.69	1.91	1.86	1.98

Примечание. А – актуальные атрибуты, I – идеальные атрибуты, O – должные атрибуты.

Рисунок 5

Диаграмма рассеивания и линия регрессии тест-ретестовых шкал Опросника самостей (N = 81)

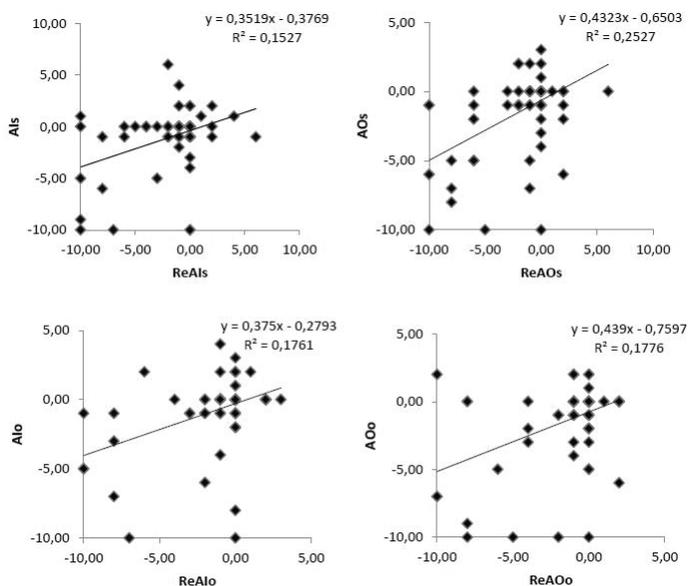

Таблица 3

**Матрица корреляций тест-ретестовой надежности
по методике Опросник самостей (N = 81)**

	AI_s	AO_s	AI_o	AO_o	ReAI_s	ReAO_s	ReAI_o
AI_s							
AO_s	0.705**						
AI_o	0.652**	0.628**					
AO_o	0.514**	0.618**	0.659**				
ReAI_s	0.391**	0.425**	0.285*	0.434**			
ReAO_s	0.347**	0.503**	0.368**	0.575**	0.624**		
ReAI_o	0.292**	0.341**	0.420**	0.441**	0.650**	0.650**	
ReAO_o	0.204	0.359**	0.365**	0.421**	0.673**	0.646**	0.771**

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

По первым двум тест-ретестовым шкалам методики, позволяющим оценить «актуальное-идеальное» или «актуальное-должное» несоответствие в представлениях испытуемого о себе с собственной позиции, были установлены следующие значимые корреляции.

Тестовая шкала «актуальное-идеальное» самонесоответствие (AI_s) положительно коррелирует с ретестовой шкалой «актуально-идеальное» самонесоответствие (ReAI_s), где $r = 0.391$ ($p < 0.01$).

Тестовая шкала «актуальное-должное» самонесоответствие (AO_s) положительно коррелирует с ретестовой шкалой «актуальное-должное» самонесоответствие (ReAO_s), где $r = 0.503$ ($p < 0.01$).

По остальным двум тест-ретестовым шкалам методики, позволяющим оценить «актуальное-идеальное» или «актуальное-должное» несоответствие в представлениях испытуемого о себе с позиции «значимых других», были установлены следующие значимые корреляции.

1. Тестовая шкала «актуальное-идеальное» самонесоответствие (AI_o) положительно коррелирует с ретестовой шкалой «актуальное-идеальное» самонесоответствие (ReAI_o), где $r = 0.420$ ($p < 0.01$).

2. Тестовая шкала «актуальное-должное» самонесоответствие (AO_o) положительно коррелирует с ретестовой шкалой «актуальное-должное» самонесоответствие (ReAO_o), где $r = 0.421$ ($p < 0.01$).

Обсуждение результатов

Несмотря на значимые корреляции между шкалами тест-ретеста, методика не показала свою высокую тестовую надежность согласно индексу надежности показателя в 0.75–0.85 (Митина, 2011). Коэффициенты корреляции результатов первого (тест) и повторного (ретест) тестирования, полученные в нашем исследовании, относятся к средним индексам надежности. Данный факт может быть объяснен рядом особенностей как проведенного исследования, так и самого инструмента.

Во-первых, методика основывается на идиографическом принципе оценивания, что налагало определенные ограничения. Непостоянство и многозначность предъявляемых испытуемыми «пунктов-атрибутов» для оценки измеряемого свойства — соответствие/несоответствие в представлениях о себе — определяли, с одной стороны, неустойчивость количества атрибутов и их качества (содержания), с другой — многозначность «пунктов-атрибутов». В первом случае испытуемый в ответ на предложенную инструкцию (перечислить до 10 атрибутов) мог обозначить, например, 5 «актуальных» атрибутов и 9 «идеальных» атрибутов, отсюда представлялось невозможным принять остальные 4 атрибута к попарным сопоставлениям. Соответственно, это имело место как при первом тестировании, так и при втором. Содержание атрибутов также не было постоянным. При повторном тестировании испытуемый обозначал в большей мере атрибуты, отличные от первого тестирования. Таким образом, возникала проблема, которая налагала определенное ограничение на соблюдение требования к единообразию тест-ретестовой процедуры. Во втором случае многозначность называемых испытуемым атрибутов обуславливала другую проблему, которая при обработке результатов тестирования была связана с неоднозначной семантической отнесен-

ностью слова («пункта-атрибута») при его анализе в сопоставлении с семантическим словарем-тезаурусом. Словарь-тезаурус (Шмелев и др., 1988), который мы использовали, несмотря на его непосредственное назначение в контексте используемой методики³, тем не менее, ограничивал нас в анализе ряда атрибутов, которые не входили в словарные статьи, обозначенные в тезаурусе. Так, например, такие пары атрибутов, как «обаятельная-красивая», «заботливый-внимательный», «привлекательный-красивый», «контактная-общительная», «бескорыстный-щедрый» и др., которые составляют пары синонимичных сочетаний, и «трусливая-смелая», «полная-стройная», «черствая-сопереживающая», «неуступчивый-уступчивый», «экономист-расточительный», «сомневающийся-решительный», которые составляют пары антонимичных несочетаний, не могли быть приняты нами в расчет, поскольку они не содержались в тезаурусе.

Во-вторых, мы полагаем, что в определенной мере оказать побочное воздействие на надежность измерительного инструмента в отношении изучаемого свойства — соответствие/несоответствие в представлениях о себе — мог достаточно большой временной интервал тест-ретеста, который составлял от четырех месяцев до полугода. При определении интервала для процедуры «тест-ретест» мы

³ Тезаурус содержит словарные статьи двух типов (по сходству и по контрасту) для 350 ключевых слов — наиболее частотных и относительно семантически самостоятельных. Под ключевым словом вначале приведены 12 самых близких к нему симиляров, упорядоченных по убыванию первого коэффициента — коэффициента «включенности». Затем приводятся 12 самых контрастных оппозигов.

ссылались на тестологическую литературу, которая отмечает наиболее приемлемые для этого интервалы от двух недель до нескольких месяцев (но не более полугода) (Митина, 2011; Шмелев, Зеличенко, 1987). Нами был выбран данный интервал от четырех до шести месяцев с целью обеспечения должной независимости результатов двух предъявлений методики, на которую мог бы повлиять такой фактор, как то, что испытуемые при меньшем интервале могли бы предъявлять схожие «пункты-атрибуты» по памяти, а также идиографическое содержание методики и условия, в которых она проводилась.

В-третьих, на показатель надежности могла также повлиять выборка испытуемых, а именно то, что большая их часть (60.5% ($n = 49$) от общей выборки), средний возраст которых составил 44.6 года (женщины ($n = 27$) $M = 44$ года и мужчины ($n = 22$) $M = 45.2$ года), относятся ко второму периоду средней зрелости⁴, который, с одной стороны, характеризуется последствиями пережитого нормативного кризиса 30–33 лет, обусловленного рассогласованием между жизненными планами человека и его реальными возможностями, а с другой — кризисом середины жизни как результатом противоречий между целостностью мировоззрения и однолинейностью развития. Поскольку методика содержит принцип оценивания представлений личности о себе не только с собственной позиции, но и с позиции «значимых других», то формулируемые «пункты-атрибуты», как для «акту-

ального-идеального», так и «актуального-должного» самонесоответствий, могут быть обусловлены находящимися в состоянии развития внутренними противоречиями личности или же их «неразрешенностью».

Выделенные причины, которые, как мы полагаем, могли привести к полученным показателям теста-ретеста от $r = 0.391$ до $r = 0.503$ ($p < 0.01$), нуждаются в дополнительной проверке. Однако мы сопоставили свои результаты по индексу надежности инструмента по итогам его использования на русскоязычной выборке с результатами других исследователей и пришли к выводу, что мы получили практически те же значения. Так, в исследованиях М. Моретти и Э.Т. Хиггинса отчеты надежности цепи тестирования повторного тестирования составили от $r = 0.39$ до $r = 0.65$ в течение периодов от четырех недель до двух месяцев (приводится по: Francis et al., 2006). Замечательно, что Т. Страуман определил достаточную стабильность в самонесоответствии в течение трех лет («актуальный-идеальный»: $r = 0.42$, $p < 0.01$; «актуальный-должный»: $r = 0.44$, $p < 0.01$) (Strauman, 1996). Однако по сравнению с отмеченными исследованиями в нашем испытуемые формулировали наибольшее количество «пунктов-атрибутов» (таблица 2).

Выводы

Результаты апробации Опросника самостей на русскоязычной выборке показывают, что данный психодиагностический инструмент

⁴ Для женщин 36–55 лет, для мужчин 36–60 лет (Ананьев, 2010, с. 107).

соответствует минимальным требованиям, предъявляемым к исследовательским методикам, и может быть использован именно для этих целей. Выявленные удовлетворительные психометрические характеристики методики не препятствуют использованию инструмента, но указывают на необходимость дальнейшей работы по его адаптации.

Апробированный психодиагностический инструмент, являясь до-

статочно трудоемким, полностью отвечает задачам исследования таких психических явлений внутреннего мира личности, как самость. Поскольку данный инструмент будет использоваться нами наряду с другими методами изучения представлений личности о своей самости в процессе отношения к себе, именно такое его применение позволит корректно оценить его возможности и ограничения.

Литература

Ананьев Б.Г. Онтогенез и жизненный путь человека // Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2010. С. 85–137.

Митина О.В. Разработка и адаптация психологических опросников. М.: Смысл, 2011.

Шмелев А.Г., Зеличенко А.И. Психометрические основы психодиагностики // Общая психодиагностика: Основы психодиагностики, немедицинской психотерапии и психологического консультирования / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: МГУ, 1987. С. 53–112.

Шмелев А.Г., Похилько В.И., Козловская-Тельнова А.Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике (Тезаурус личностных черт). М.: Изд-во Московского университета, 1988.

APA Dictionary of Psychology / G.R. Vandenbos (ed.). Washington, DC: American Psychological Association, 2007.

Aronson E. The theory of cognitive dissonance: A current perspective // L. Berkowitz (ed.). Advances in experimental social psychology. Vol. 4. N.Y.: Academic Press, 1969. P. 1–34.

Epstein S. The self-concept: A review and the proposal of an integrated theory of

personality // E. Staub (ed.). Personality: Basic aspects and current research. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1980. P. 82–132.

Festinger L. A theory of cognitive dissonance. Evanston, IL: Row, Peterson, 1957.

Francis J.J., Boldero J.M., Sambell N.L. Self-lines: A new, psychometrically sound, «User-Friendly» idiographic technique for assessing self-discrepancies // Cognitive Therapy and Research. 2006. 30. 1. 69–84.

Higgins E.T. Self-discrepancy: A theory relating Self and affect // Psychological Review. 1987. 94. 3. 319–340.

Higgins E.T., King G.A., Mavin G.H. Individual construct accessibility and subjective impressions and recall // Journal of Personality and Social Psychology. 1982. 43. 35–47.

Higgins E.T., Klein R., Strauman T. Self-concept discrepancy theory: A psychological model for distinguishing among different aspects of depression and anxiety // Social Cognition. 1985. 3. 51–76.

Lecky P. Self-consistency: A theory of personality. N.Y.: Shoe String Press, 1961.

Newcomb T.M. Interpersonal balance // R.P. Abelson, E. Aronson, W.J. McGuire, T.M. Newcomb, M.J. Rosenberg, P.H. Tan-

nenbaum (eds). Theories of cognitive consistency: A sourcebook. Chicago: Rand McNally, 1968. P. 28–51.

Osgood C.E., Tannenbaum P.H. The principle of congruity in the prediction of attitude change // Psychological Review. 1955. 62. 42–55.

Strauman T.J. Stability within the self: A longitudinal study of the structural implications of self-discrepancy theory // Journal of Personality and Social Psychology. 1996. 71. 1142–1153.

Wylie R.C. The self concept. Lincoln: University of Nebraska Press, 1961.

Позитивная психология

ИНТЕРНАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ И ЕЕ ДИАГНОСТИКА В ТЕОРИИ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ

Р.С. ТИТОВ

Титов Роман Сергеевич — стажер-исследователь лаборатории позитивной психологии и качества жизни НИУ ВШЭ, аспирант факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.
Контакты: roman.s.titov@gmail.com

Резюме

В статье описываются введенные в теории самодетерминации конструкты автономной и контролируемой, т.е. глубоко и поверхностно интернализированной мотивации, и их применение к области религии. Исследования подтверждают общие выводы, например, что одна и та же деятельность в зависимости от мотивации может иметь противоположные последствия для психологического благополучия человека, и затрагивают специфические для религии вопросы – буквальный и символический подходы к вере, экстремизм. В эмпирической части статьи представлены данные апробации русскоязычной версии опросника автономной и контролируемой мотивации в области религии (Интрел).

Ключевые слова: теория самодетерминации, религиозность, автономия, контроль, мотивация.

Проблема и теоретический контекст исследования

С религией связаны несколько интересных с психологической точки зрения парадоксов. У понятия религиозности нет однозначного психологического содержания (Фромм, 1990).

Во-первых, номинальная религиозность часто служит цели поддержки идентичности (Ysseldyk et al., 2010), «нормативное» содержание веры человека может не интересовать. Например, в России 69% православных, но в Бога верят 53%, причащаются чаще нескольких раз в год 3% (Религиозная вера..., 2011).

Во-вторых, религиозность — зачастую одна и та же вера, те же тексты — может поддерживать как лучшее, так и худшее в человеке. По Д.А. Леонтьеву (Леонтьев, 2005, с. 17), «какова личность, такая у нее и вера».

Современная психология религии началась с обсуждения именно этой проблемы Г. Олпортом (Олпорт, 2002; Allport, Ross, 1967; Титов, в печати). Основные понятия его концепции — внутренняя и внешняя религиозность, т.е. отношение к религии как к цели или средству. Именно последнее связано с психологическим неблагополучием и нетерпимостью.

Эта концепция была основной в психологии религии более 20 лет и продолжает использоваться до сих пор. Но к ней есть ряд теоретических и методических претензий. Несколько авторов (Morris, Hood, 1981; и др.) призывали найти ей теоретическое основание. В числе прочих называлась теория самодетерминации, которая со временем расширилась

(Ryan, Deci, 2000; Гордеева, 2010) и стала развивать понятия, сходные с олпортовскими. Их мы опишем ниже.

Автономная и контролируемая мотивация

Теория самодетерминации возникла в исследованиях внутренней и внешней мотивации. Но со временем ее авторы пришли к более важному (Deci, Ryan, 2008) или даже идущему на смену (Neuvinck, 2009) различию — автономной и контролируемой мотивации. Понятие автономии идет из феноменологии, аналитической философии (Ryan, Deci, 2006). Постоянно подчеркивается, что оно не эквивалентно независимости, индивидуализму. Автономия — это не отсутствие влияния внешних импульсов, а согласие с ними, принятие собственных действий и «поверхностных» мотивов после рефлексии, их соответствие «подлинному Я».

Внутренняя мотивация — «прототип» автономии. Но внешняя по происхождению мотивация тоже может стать автономной и функционировать практически как внутренняя.

Таким образом, есть континуум автономии/контроля, на котором находятся помимо внутренней мотивации различные типы (само)регуляции, которые рассматриваются как различные уровни интернализации внешней мотивации (социальных ценностей и мотивов), «присвоения» ее индивидом.

1. Внешняя регуляция определяется наградами и наказаниями, т.е. полностью внешним контролем. Самая контролируемая мотивация.

2. При интроецированной регуляции требования идут уже изнутри, но

все еще воспринимаются как «внешние» по отношению к личности, давящие.

3. Идентифицированная регуляция — принятие мотива как чего-то лично важно, ценного.

4. Интегрированная регуляция — полная интеграция с другими аспектами Я, встраивание в иерархию мотивов и ценностей. Это самая автономная мотивация наряду с внутренней, которая автономна по определению.

На основе теории самодетерминации и вышеописанной схемы были созданы и опросники, получившие общее название SRQ (Self-Regulation Questionnaire, Опросник саморегуляции). В них исследуются индивидуальные различия в типах мотивации или регуляции. Формат опросника был предложен Р. Райаном и Дж. Коннеллом (Ryan, Connell, 1989). Респонденту предлагаются определенные поведенческие акты и ряд возможных причин для их совершения, степень согласия с каждой из которых ему нужно оценить. Набор причин отражает уровни интернализации.

В настоящее время существуют опросники SRQ для самых разных сфер — учебы, просоциального поведения, физкультуры, медицины, религии, дружбы, политики и т.д. При сохранении общего принципа делаются необходимые изменения. Так, у школьников маловероятно найти полностью интернализированную мотивацию; просоциальное поведение сложно представить внутренне мотивированным («Я сдерживаю обещания, потому что это интересно»); в ряде случаев уместна шкала амотивации («Сам не знаю, зачем я это делаю»).

Основные исследования религиозности в теории самодетерминации

Описанный формат опросника SRQ, применимый в разных областях (учебы, работы, физкультуры, политики), особенно хорошо можно приложить к области религии, так как религиозные системы передаются через культуру и различные уровни их интернализации проявляются весьма наглядно (об интернализации культурных практик см.: Chirkov et al., 2003).

В ближайшие годы после разработки континуума интернализации его применили к области религии, заметив большое сходство с концепцией Г. Олпорта. У этого подхода есть значительные преимущества по сравнению с классическим подходом Г. Олпорта — современная и мощная теоретическая основа, четкость операционализации. Например, в опроснике Олпорта с качеством мотивации смешиваются конкретные мотивы и действия, социальная и индивидуалистическая ориентации, ортодоксальность.

Но литературу по этой проблеме нельзя назвать обширной, так как для теории самодетерминации религия является лишь одной из прикладных областей (и не основной), в которой можно «отметиться» с одним или несколькими исследованиями, доказав правомерность подхода.

Первые исследования этой проблемы были проведены канадской и американской исследовательскими группами теории самодетерминации.

Валлеранд и О'Коннор (Vallerand, O'Connor, 1989; O'Connor, Vallerand,

1990) изучали мотивацию в пожилом возрасте и включили в опросник несколько пунктов на религиозную мотивацию, а позже провели отдельное исследование на тему религиозности.

Несколько позже Р. Райан с соавт. (Ryan et al., 1993) разработали и валидизировали опросник SRQ-R (Self-Regulation Questionnaire — Religion, опросник саморегуляции религиозности). Две шкалы опросника отражают автономную и контролируруемую мотивацию.

Несколько другой подход выработала бельгийская исследовательская группа (Neuyrinck, 2009). В разработанном ею опроснике отражены уже все виды мотивации, а самое важное религиозное действие предлагается выбрать самому испытуемому.

В ряде исследований показана применимость подхода к иудеям (Assor et al., 2005), католикам (в сравнении с протестантами — Sheldon, 2006), мусульманам (Mazidi, 2007; Rip et al., 2012).

Согласно ожиданиям, были найдены связи шкал SRQ с различными психологическими и религиозными переменными (см.: Ryan et al., 1993; Neuyrinck, 2009).

Показатели автономии связаны с психологическим здоровьем, субъективным благополучием, осмысленностью жизни, высокой самооценкой и витальностью, конструктивными копинг-стратегиями (Chaison, 2009), из религиозных переменных — с ортодоксальностью, частотой молитвы, уровнем религиозности, открытой, символической интерпретацией предметов веры, более положительным представлением о Боге.

Показатели контроля связаны с психологическим нездоровьем, низ-

кой самооценкой и витальностью, депрессией, неудовлетворенностью жизнью, Богом (Zeldman, 2007), редкой молитвой, более отрицательным представлением о Боге, буквальной интерпретацией.

Данные о связи с частотой посещения церкви более противоречивы. Автономная мотивация, очевидно, способствует более частому посещению церкви, контролируемая же, согласно ряду исследований, также способствует (но не молитве как более «внутреннему действию»), по другим данным — в меньшей степени. Поддержка этих видов мотивации способствует общему росту или упадку посещения церкви в разных конфессиях (Baard, 1994).

Р. Валлеранд, возвращаясь к теме религии (Rip et al., 2012), рассмотрел не просто автономную и контролируемую мотивацию к ней, а крайние, «страстные» проявления этих видов — гармоничную и навязчивую страсть соответственно. Первая ведет к мирным, ненасильственным действиям, вторая — к экстремизму. Поскольку контролируемая мотивация связана с уязвимостью самооценки, важным оказался фактор угрозы идентичности — в такой ситуации и проявляется экстремизм как некая защитная реакция.

Другие линии исследования

В определенном смысле автономной и контролируемой религиозностью является тогда, когда церковь или Бог воспринимаются как поддерживающие автономию или контролирующие. Есть исследования восприятия Бога (Soenens et al., 2011), поддержки базовых потребностей в

церкви (Baard, 1994; Chirkov, Knorr, 2012; Neyrinck et al., 2005).

Израильская исследовательская группа (Assor et al., 2005) нашла параллели автономной и контролируемой регуляции в области религии с разными стилями подросткового бунта детей из религиозных семей, разной степенью интеграции их идентичности. Бунт детей с автономной регуляцией не радикален, они исследуют разные мнения, не чувствуют вины или страха, в итоге их идентичность более интегрирована. Контролируемая же регуляция связана с радикальным бунтом, подростки без исследования эмоционально отвергают родительские взгляды, чувствуют вину и внутренний конфликт.

Б. Нейринк с соавт. (Neyrinck et al., 2010) считают, что необходимо диагностировать не только мотивацию (автономия/контроль), но и уровень религиозности и когницию (буквальный/символический подход к религии). Последние показатели применимы и к неверующим. Оказалось, что буквализм в вопросах религии одинаково «вреден» и для верующих, и для неверующих (известен «атеистический фундаментализм»).

Заключение по теоретическому обзору

Итак, в русле теории самодетерминации были введены понятия автономной и контролируемой мотивации и показано, что одна и та же деятельность в зависимости от мотивации может иметь противоположные последствия для психологического благополучия человека. Применительно к религии эти виды

мотивации связаны и со специфическими для этой области явлениями – представлениями о Боге, буквальной или символической интерпретацией предметов веры, экстремизмом.

Важно, что это не просто типы или ориентации, «неравноправие» которых еще нужно доказать, а уровни интернализации самой религии (Hackney, Sanders, 2003).

Апробация русскоязычной версии методики

Методы

Опросник интернализации религиозности (Интрел) основан на теории самодетерминации, опросниках Б. Нейринка (Neyrinck, 2009) и Р. Райана (Ryan et al., 1993). В нем задаются два основных религиозных действия – молитва и посещение церкви – и набор возможных мотивов, соответствующий уровням интернализации: «Внутренняя мотивация» (пример мотива – «Мне это в радость»), «Интегрированная регуляция» («Это согласуется с тем, чего я хочу в жизни»), «Идентифицированная» («Для меня это важно»), «Интроецированная-позитивная» («Так я смогу собой гордиться») и «Негативная» («Иначе мне было бы стыдно»), «Внешняя-позитивная» («Только так меня ценят») и «Негативная» («Иначе окружающие меня бы не поняли»), на стадии пилотажа была исключена шкала «Амотивация» («Сам(а) не вижу в этом смысла»). У каждой шкалы по 2 пункта для каждого действия. Порядок не был рандомизирован из-за большой теоретической нагруженности, «прозрачности» пунктов.

Испытуемые также отвечали на вопросы анкетного типа об их религиозности.

Выборка

Посетители православных Интернет-форумов, идентифицирующие себя как православные. 127 человек, 92 женщины и 35 мужчин. Возраст 19–64 года (медиана – 36 лет).

Мы пришли к необходимости изучения только полностью религиозных выборок, так как в смешанных выборках над всем довлеет фактор «общей религиозности» (ср.: Francis, 2007, и пилотаж: Титов, 2011, 2012).

Результаты

1. Отбор шкал для опросника интернализации религиозности

Сначала мы проверили, какие из постулируемых теорией самодетерминации видов регуляции информативны на нашей выборке. В таблице 1 представлены «разброс» шкал (средние, диапазоны ответов, стандартные

отклонения) и их согласованность (стандартизированная α -Кронбаха, уровень значимости критерия нормальности Колмогорова-Смирнова).

Шкалы и пункты обозначаются так: виды мотивации: *Вну* – «Внутренняя мотивация», *Интегр.* – «Интегрированная регуляция», *Идент* – «Идентифицированная», *ИнтроП/ИнтроН* – «Позитивная/Негативная интроецированная», *ВнеП/ВнеН* – «Позитивная/Негативная внешняя»; религиозные действия: *Мол* – молитва, *Посещ* – посещение церкви.

«Внешние» шкалы дали слишком малую дисперсию, эта мотивация у испытуемых не актуализируется. (По аналогичной причине после пилотажа мы отказались от шкалы «Амотивация».) У «Идентифицированной регуляции» также малый разброс и ненормальное распределение, практически все испытуемые полностью соглашаются, что религиозные действия для них важны, ценны, что таков их выбор.

Шкалы «Внутренней мотивации», «Интегрированной», «Позитивной»/«Негативной интроецированной

Таблица 1

Статистика шкал

	Среднее (из 5)	Диапазон	Ст. откл.	α	p (К-С)
<i>Вну</i>	3.55	1-5	0.91	0.82	> 0.10
<i>Интегр</i>	4.06	1-5	0.82	0.68*	< 0.05
<i>Идент</i>	4.42	2.5-5	0.58	0.59	< 0.01
<i>ИнтроП</i>	2.03	1-5	0.89	0.79*	< 0.01
<i>ИнтроН</i>	2.58	1-5	1.13	0.79	> 0.10
<i>ВнеП</i>	1.32	1-3	0.43	0.59	< 0.01
<i>ВнеН</i>	1.21	1-2.75	0.38	0.73	< 0.01

* – исключен 1 из 4 пунктов, снижающий надежность.

регуляции» имеют полный диапазон ответов (1–5) и самую большую дисперсию.

Далее мы работали с этими четырьмя видами мотивации, достаточными для отражения индивидуальных различий на нашей выборке.

2. Факторизация опросника

Факторный анализ набора пунктов (метод максимального правдоподобия) дает двухфакторное решение, объясняющее 45% дисперсии пунктов и представленное в таблице 2.

Собственные значения третьего и последующих факторов меньше 1.5, что показывает оптимальность реше-

ния. Интерпретация факторов тоже ясна — «Автономная» и «Контролируемая мотивация» религиозных действий.

Полученные шкалы надежны (у обеих $\alpha = 0.84$, средняя корреляция пунктов $r = 0.44$), имеют нормальное распределение ($p > 0.10$). Средние значения — 3.8 и 2.3. Это хорошие показатели (ср.: Soenens et al., 2011; Vaard, 1994).

Итак, пункты, отражающие отобранные виды мотивации, составили две четкие шкалы, представляющие полюса мотивационного континуума автономии/контроля, который ввела теория самодетерминации взамен

Таблица 2

Характеристики факторов и нагрузки
(извлечение — максимальное правдоподобие, вращение — Varimax)

	Автономия	Контроль
МолВну1	0.78	-0.19
МолВну2	0.77	-0.14
ПосещВну1	0.65	0.06
ПосещВну2	0.69	-0.08
МолИнтег1	0.67	0.05
МолИнтег2	0.52	0.23
ПосещИнтег1	0.51	0.09
МолИнтроП1	-0.05	0.53
МолИнтроП2	0.06	0.61
ПосещИнтроП2	0.04	0.71
МолИнтроН1	-0.03	0.73
МолИнтроН2	-0.09	0.63
ПосещИнтроН1	0.14	0.72
ПосещИнтроН2	0.03	0.63
Собственное значение	3.1	3.1
% дисперсии	22.2	22.5
Сумма %	22.2	44.6

дихотомии внутренней/внешней мотивации.

3. Взаимосвязи религиозных переменных

Помимо адаптации опросников мы проверяли гипотезу о том, что «Автономная мотивация» и «Контролируемая мотивация» неодинаково связаны с религиозными перемен-

ными. Корреляции представлены в таблице 3.

«Автономная мотивация» и «Контролируемая мотивация» ортогональны, т.е. не являются антагонистическими видами мотивации. «Автономная мотивация» связана с посещением церкви и «Важностью религии» положительно, а «Контролируемая» — незначимо.

Таблица 3

Матрица корреляций

	Посещ	РелВаж	Автон	Контрол
Посещ	(1.00)			
РелВаж	0.38*	(1.00)		
Автон	0.25*	0.43*	(1.00)	
Контрол	-0.13	0.13	-0.04	(1.00)
ИнтроН	-0.06	0.20*	-0.03	(0.94)

Примечание. Посещ — частота посещения церкви, РелВаж — «Индекс важности религии»;

* — $p < 0.05$.

Выводы по эмпирическому исследованию и перспективы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Опросник интернализации религиозности (Интрел) обладает хорошими психометрическими свойствами и может использоваться в дальнейших исследованиях.

2. Автономная и контролируемая (хорошо и плохо «присвоенные» личностью) религиозность ортогональны и в равной мере могут мотивировать религиозные действия.

Но автономная мотивация связана с большей «глубиной» религиозности.

Данное направление исследований актуально в связи с проблемами качественных различий в религиозности, а также фанатизма и нетерпимости, поддержки церковными организациями базовых потребностей.

В данный момент мы изучаем связь автономной и контролируемой религиозности с психологическим благополучием.

Литература

Гордеева Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 4 (12). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psystudy.com/index.php/num/2010n4-12/343-gordeeva12.html> (дата обращения: 03.04.2011).

Леонтьев Д.А. Духовность, саморегуляция и ценности // Гуманитарные проблемы современной психологии. Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. 2005. № 7. С. 16–21.

Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2002.

Религиозная вера в России. Пресс-выпуск // Левада-Центр. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/26-09-2011/religioznaya-vera-v-rossii> (дата обращения: 27.08.2012).

Тумов P.C. Адаптация опросника саморегуляции в области религии (SRQ-R) // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2011» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. М.: МАКС Пресс, 2011.

Тумов P.C. Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций // Культурно-историческая психология. 2013. № 1. С. 2–9.

Тумов P.C. Профили религиозной мотивации и психологического благополучия у православных студентов // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2012» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова. М.: МАКС Пресс, 2012.

Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990.

Allport G.W., Ross J.M. Personal religious orientation and prejudice // J. Pers. Soc. Psychol. 1967. 5. 4. 432–443.

Assor A., Cohen-Malayev M., Kaplan A., Friedman D. Choosing to stay religious in a modern world // M.L. Maehr, S. Karabenick (eds). Advances in motivation and achievement. Vol. 14: Religion and motivation / Oxford: Elsevier, 2005. P. 105–150.

Baard P.P. A motivational model for consulting with not-for-profit organizations: A study of church growth and participation // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. 1994. 46. 3. 19–31.

Chaison A.D. Religious internalization, Church-based social support, and religious coping in adult Christians // Dissertation Abstracts International: Section B: The Sciences and Engineering. 2009. Vol. 70 (1-B).

Chirkov V., Knorre B. Cultural models of the Russian orthodoxy (RO) with regard to psychological autonomy, human flourishing and happiness: A critical cultural-psychological analysis // Presented at the Sixth European Conference on Positive Psychology. June 2012. Moscow, Russia.

Chirkov V., Ryan R.M., Kim Y., Kaplan U. Differentiating autonomy from individualism and independence: A self-determination theory perspective on internalization of cultural orientation and well-being // J. Pers. Soc. Psychol. 2003. 84. 1. 97–110.

Deci E.L., Ryan R.M. Facilitating optimal motivation and psychological well-being across life's domains // Canad. Psychol. 2008. 49. 1. 14–25.

Hackney C.H., Sanders G.S. Religiosity and mental health: A meta-analysis of recent studies // J. Sci. Stud. Relig. 2003. 42. 1. 43–55.

Mazidi M. Effects of religion and type of religious internalization on the mental

health of iranian adolescents // *Perceptual and Motor Skills*. 2007. 103. 1. 301–306.

Morris R.J., Hood R.W.Jr. The generalizability and specificity of intrinsic/extrinsic orientation. // *Rev. Relig. Res.* 1981. 22, 3. 245–254.

Neyrinck B. Cognitive-affective correlates of autonomous and controlled motivation: An exploration in the religious realm and beyond. Proefschrift aangeboden tot het verkrijgen van de grad van Doctor in de Psychologie. Katholieke Universiteit Leuven, 2009.

Neyrinck B., Lens W., Vansteenkiste M. Goals and regulations of religiosity: A motivational analysis / M.L. Maehr, S. Karabenick (eds). *Advances in motivation and achievement*. Greenwich, Conn.: Jai Press Inc., 2005. Vol. 14. P. 75–103.

Neyrinck B., Lens W., Vansteenkiste M., Soenens B. Updating Allport's and Batson's framework of religious orientations: A reevaluation from the perspective of self-determination theory and Wulff's social cognitive model // *J. Sci. Stud. Relig.* 2010. 49. 3. 425–438.

O'Connor B.P., Vallerand R.J. Religious motivation in the elderly: A French-Canadian replication and an extension // *J. Soc. Psychol.* 1990. 130. 1. 53–59.

Rip B., Vallerand R.J., Lafreniere M.-A.K. Passion for a cause, passion for a creed: On ideological passion, identity threat, and extremism // *J. Pers.* 2012. 80. 3. 573–602.

Ryan R.M., Connell J.P. Perceived locus of causality and internalization: Examining reasons for acting in two domains // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1989. 57. 5. 749–761.

Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *Am. Psychol.* 2000. 55. 1. 68–78.

Ryan R.M., Deci E.L. Self-regulation and the problem of human autonomy: Does psychology need choice, self-determination, and will? // *J. Pers.* 2006. 74. 6. 1557–1586.

Ryan R.M., Rigby S., King K. Two types of religious internalization and their relations to religious orientations and mental health // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1993. 65. 3. 586–596.

Sheldon K.M. Catholic guilt? Comparing catholics' and protestants' religious motivations // *Int. J. Psychol. Rel.* 2006. 16. 3. 209–223.

Soenens B., Neyrinck B., Vansteenkiste M., Dezutter J., Hutsebaut D., Duriez B. How do perceptions of God as autonomy supportive or controlling relate to individuals' social-cognitive processing of religious contents? The role of motives for religious behavior // *Int. J. Psychol. Rel.* 2011. 22. 1. 10–30.

Vallerand R.J., O'Connor B.P. Motivation in the elderly: A theoretical framework and some promising findings // *Canad. Psychol.* 1989. 30. 3. 538–550.

Ysseldyk R., Matheson K., Anisman H. Religiosity as identity: Toward an understanding of religion from a social identity perspective // *Pers. Soc. Psychol. Rev.* 2010. 14. 1. 60–71.

Zeldman A. Religion and mental health: Correlates in internalization, centrality, and God representations // *Dissertation Abstracts International: Section B: The Sciences and Engineering*. 2007. Vol. 67 (1-B).

Короткие сообщения

ФАКТОРЫ ИНТЕНСИВНОСТИ СУБЪЕКТИВНОГО КАЧЕСТВА ПЕРЕЖИВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ВЕСЕЛЬЯ

Ю.Е. КРАВЧЕНКО

Резюме

В статье кратко излагаются существующие на сегодняшний день объяснения природы субъективного переживания эмоций различных модальностей, а также предлагается альтернативное объяснение, связывающее возникновение и усиление переживания с действиями подавления двигательной готовности и спонтанного реагирования на эмоциогенный стимул. В исследовании, проверяющем это объяснение, сравнивались реакции испытуемых при просмотре забавного мультфильма в трех условиях: со свободно выражаемой экспрессией, при ее подавлении и при замене спонтанной экспрессии (улыбки) искусственной (хлопки в ладоши). Результаты подкрепляют гипотезы исследования.

Ключевые слова: субъективное качество переживания, модальность эмоций, улыбка, веселье, радость.

Выявление субъективного качества переживания, отличающего различные модальности эмоций, является одним из наиболее сложных вопросов психологии эмоций, поскольку субъективное переживание почти недоступно объективному исследованию. Тем не менее в истории психологии эмоций можно выделить как минимум три объяснения, раскрывающие происхождение субъективных переживаний, сопровождающих эмоции.

Первое объяснение, идущее от У. Джеймса, состоит в том, что субъективное переживание — это отражение реакций нашего организма на

воздействие эмоциогенных стимулов. Теории обратной связи (facial feedback theories) несколько видоизменили высказанные У. Джеймсом положения: субъективное переживание — это отражение обратной связи от мышц лица и тела, задействованных в эмоциональной экспрессии. В ряде экспериментов сторонники данного подхода показали, что, искусственно создавая, усиливая или подавляя экспрессию определенных эмоций (радости, гордости, гнева), можно усилить или ослабить соответствующее субъективное переживание (Strack et al., 1988; Stepper, Strack, 1993). Однако таким образом

невозможно устранить его или изменить его модальность (Meyer et al., 2003; Кравченко, 2012).

Согласно второму объяснению, предложенному С. Шехтером, субъективное переживание эмоции — это интерпретация физиологического возбуждения, которое вызывает в нас стимул, оцениваемый эмоционально. В эксперименте с введением адреналина (Schachter, 1964) авторы показывают, что одно и то же возбуждение, вызванное введением адреналина, переживалось либо как веселье, либо как гнев в зависимости от того, какая когнитивная оценка провоцировалась у испытуемого. При отсутствии возбуждения, вызываемого адреналином, испытуемые не демонстрировали существенных различий в связи с провоцируемыми у них когнитивными оценками ни в эмоциональной экспрессии, ни в отчете о субъективном переживании. Однако статистическая оценка результатов эксперимента допускала альтернативные интерпретации, а воспроизведение этого эксперимента другими исследователями не позволило получить аналогичных результатов (Marshall, Zimbardo, 1979; Maslach, 1979).

Третий взгляд на природу субъективного переживания эмоций сформулировал С. Валинс, последователь и в некотором отношении критик С. Шехтера. Он обратил внимание на тот факт, что телесные ощущения, сопровождающие эмоцию, далеко не всегда соответствуют реальным процессам в организме. Отталкиваясь от этого, он показал экспериментально, что ложная обратная связь о собственных телесных реакциях при предъявлении эмоциогенного стимула (испытуемым подавали с наушни-

ки соответствующее звуковое сопровождение и сообщали, что они слышат стук их собственного сердца) приводила к переоценке субъективной привлекательности стимула в самоотчете (Valins, 1966). Субъективное переживание в данном случае отражает установки человека на поиск телесных ощущений, соответствующих, по его мнению, эмоциональной оценке стимула. Слабым местом этого объяснения является то, что полученные результаты можно объяснить, не ссылаясь на эмоции: слыша изменение ритма, которое они принимали за стук сердца, испытуемые заключали, что стимул привлекателен, но было ли это заключение основано на переживании или исключительно на рассудочном решении, непонятно.

Итак, на сегодняшний день известны три точки зрения на природу субъективных переживаний. Эмпирические исследования, проверяющие их правоту, свидетельствуют, что каждая из них нуждается в доработке.

Наши попытки повторить наиболее известные исследования в рамках этих трех объяснений привели к формулировке альтернативного объяснения. Мы предполагаем, что субъективное переживание основывается на отражении подавленных, не реализованных в поведении реакций на эмоциогенный стимул. Такое представление о происхождении субъективного переживания эмоций позволяет по-новому взглянуть на источники связей между субъективным переживанием и различными уровнями внешнего выражения эмоций. До сих пор эти связи представляют собой проблему, так как в психологии эмоций исследователям

пока еще не удалось выделить такой набор эмоциональных проявлений, который позволял бы наблюдателю надежно отличать одну эмоциональную модальность от другой, чтобы его заключение надежно совпадало с самоотчетом переживающего.

Замысел исследования, проверяющего правоту данной позиции, состоял в том, чтобы сравнить реакции испытуемых при просмотре забавного мультфильма в трех условиях: со свободно выражаемой экспрессией, при ее подавлении и при замене одних форм экспрессии другими. Ожидалось, что при подавлении экспрессии (улыбки) самооценки субъективного переживания изменятся в сторону увеличения интенсивности эмоции. При этом сдвиг оценок затронет только те шкалы, которые релевантны подавляемой экспрессии, т.е. отсылают к эмоции, которая подавлялась.

Методика

Каждый испытуемый просматривал три короткометражных мультфильма студии «Пиксар»: «О птичках» (*For the Birds*, 2000), «Новая машина Майка» (*Mike's New Car*, 2002), «Потерянный орех» (*Gone Nutty (Scrat's Missing Adventure)*, 2002) средней продолжительностью 3.5 мин. Мультфильмы не были знакомы испытуемым и предъявлялись в случайном порядке. Критериями их выбора были:

- продолжительность (не более 5 мин.), чтобы не утомлять испытуемых;
- развлекательный характер: мультфильмы представляют собой после-

довательность действий персонажей с объектами и друг с другом, производящих комический эффект, без дополнительной смысловой нагрузки — морализаторской и т.п.

При предъявлении первого мультфильма испытуемые не получали никакой специальной инструкции, при предъявлении второго мультфильма их просили сдерживать улыбку, при предъявлении последнего мультфильма предлагалось сдерживать улыбку, но вместо того, чтобы улыбнуться, разрешалось хлопнуть в ладоши¹.

Впоследствии по видеозаписи подсчитывалось количество улыбок, их продолжительность и количество хлопков в ладоши. Оценка производилась автором и двумя студентками 5-го курса Института психологии РГГУ по протоколу наблюдения, в котором фиксировалось время возникновения улыбки и время смены ее другим выражением лица по секундомеру видеокамеры. Более конкретно момент смены выражений лица каждый эксперт определял сам. Далее данные трех экспертов усреднялись. Также фиксировалось наличие или отсутствие голосовых реакций (отдельно: смех, восклицания, реплики).

После просмотра каждого мультфильма испытуемые оценивали свое впечатление по восьми шкалам: приятный, неприятный, веселый, грустный, интересный, скучный, страшный, жалкий. Инструкция: «Оцените свое впечатление от мультфильма по 10-балльной шкале, где 1 — минимальная выраженность переживания; 5 — умеренная выраженность;

¹ Существенная часть результатов собрана в рамках дипломной работы А.Д. Островской.

10 — максимальная выраженность переживания».

После просмотра всех трех мультфильмов испытуемые должны были ранжировать их по тем же шкалам. Инструкция: «Пожалуйста, ранжируйте все мультфильмы по предложенным ниже шкалам. Для этого поставьте цифру 1 напротив наиболее приятного мультфильма, 2 — напротив наиболее приятного из оставшихся мультфильмов и 3 — напротив оставшегося мультфильма. После этого переходите к следующей шкале и действуйте точно так же со всеми шкалами».

Побочными переменными в исследовании могли выступать содержание и последовательность мультфильмов, последовательность инструкций. Сравнение оценок разных мультфильмов по использованным в исследовании эмоциональным шкалам в основной выборке, а также оценки независимой группы испытуемых того же половозрастного соотношения, что и участники основного исследования (15 человек), показало, что различие в содержании мультфильмов не приводило к возникновению значимых различий в их эмоциональной оценке.

Влияние последовательности предъявления мультфильмов устранялось путем случайного порядка предъявления. Влияние последовательности инструкций могло привести к снижению эмоциональных оценок вследствие усталости или привыкания к стимулу. Однако последовательность инструкций такова, что целевым результатом являлось нарастание эмоциональных оценок по релевантным шкалам, вопреки действию названных факторов.

Испытуемые: 110 человек (53 мужского пола, 57 женского) — студенты московских вузов, средний возраст — 20.7 года.

Результаты

Среднее количество и длительность улыбок при свободном просмотре мультфильмов значимо выше, чем при обеих инструкциях, нацеленных на сдерживание эмоции (см. таблицу 1). Эти данные свидетельствуют о том, что испытуемые следовали инструкции сдерживать улыбку и инструкции заменять улыбку хлопком в ладоши. При этом просматривается тенденция к тому, что проще подавить естественную экспрессию, чем заменить ее искусственной, хотя вполне уместной.

Сравнение результатов оценки каждого мультфильма по 10-балльным шкалам, выражающим степень эмоционального переживания, вызванного мультфильмом, не выявило значимых различий в эмоциональных впечатлениях испытуемых, связанных с содержанием мультфильма. Однако данные балльной оценки показывают, какие эмоции в наибольшей и в наименьшей степени вызывали мультфильмы у испытуемых. Из таблицы 2 следует, что это были приятные, веселые переживания и интерес.

Значимые различия были получены в итоге сравнения результатов ранжирования мультфильмов по каждой из эмоциональных шкал (см. таблицу 3).

Из таблицы мы видим, что:

– инструкции сдерживать улыбку и заменять улыбку на хлопки приводят к значимому повышению ранга мультфильма в ряду веселых и интересных;

Таблица 1

Значимость различий (критерий Вилкоксона) по количеству и продолжительности улыбок, зафиксированных на видео при просмотре мультфильмов с разными инструкциями

	Количество улыбок			Продолжительность улыбки (в сек)		
	без инстр. & сдерживать	без инстр. & хлопать	хлопать & сдерживать	без инстр. & сдерживать	без инстр. & хлопать	хлопать & сдерживать
Ср. зн. 1	7.61	7.61	3.75	20.93	20.93	10.27
Ср. зн. 2	2.31	3.75	2.31	6.05	10.27	6.05
<i>p</i>	0.001	0.001	0.057	0.001	0.001	0.060

Примечание. Ср. зн. 1 – среднее количество/средняя продолжительность улыбки в условии, которое указано первым в соответствующем столбце. Ср. зн. 2 – среднее количество/средняя продолжительность улыбки в условии, которое следует за первым в том же столбце.

Таблица 2

Средние оценки мультфильмов по 10-балльным шкалам (чем выше значение, тем интенсивнее переживание) при разных инструкциях просмотра

Инструкция	1	2	3	4	5	6	7	8
<i>Отсутствует</i>	7.41	1.72	7.21	1.82	6.51	2.43	1.43	3.13
<i>Сдерживать</i>	7.29	1.91	7.29	1.98	6.48	2.07	1.55	2.87
<i>Хлопать</i>	7.08	1.83	7.13	1.67	6.21	2.37	1.48	2.48

Примечание. Обозначение шкал: 1 – приятный, 2 – неприятный, 3 – веселый, 4 – грустный, 5 – интересный, 6 – скучный, 7 – страшный, 8 – вызывающий жалость.

Таблица 3

Средние ранги по шкалам эмоциональной оценки и значимость различий в зависимости от инструкции (критерий Вилкоксона)

	Веселый			Скучный		
	без инстр. & сдерживать	без инстр. & хлопать	хлопать & сдерживать	без инстр. & сдерживать	без инстр. & хлопать	хлопать & сдерживать
Ср. зн. 1	1.77	1.77	2.23	2.22	2.22	1.797
Ср. зн. 2	2.05	2.23	2.05	1.98	1.797	1.98
<i>p</i>	0.045	0.006	0.509	0.064	0.005	0.982

Примечание. Максимальный ранг – 3 – в данной таблице соответствует максимальной интенсивности переживания, представлены только те шкалы, по которым были получены значимые результаты. Ср. зн. 1 – средний ранг мультфильма в условии, которое указано первым в соответствующем столбце. Ср. зн. 2 – средний ранг мультфильма в условии, которое следует за первым в том же столбце.

– значимые различия в ранге мультфильмов в связи с подавлением улыбки возникают только по характеристикам, релевантным подавляемой экспрессии (веселый, скучный), и не возникают в связи с другими, не релевантными ей шкалами, по которым испытуемые оценивали мультфильмы так же высоко (приятный, интересный, см. таблицу 2).

Обсуждение результатов

Мы предположили, что субъективное переживание эмоции основывается на отражении подавленных реакций, релевантных воздействию эмоциогенного стимула. Подавление таких реакций в экспериментальной ситуации привело к существенному приросту в оценках подавляемого переживания в самоотчете на фоне стабильности оценок по прочим эмоционально-оценочным шкалам.

Результаты процедуры ранжирования подтверждают эту гипотезу, демонстрируя значимые различия в эмоциональном отношении испытуемых к мультфильмам в условиях свободного просмотра и при подавлении эмоциональной экспрессии только по тем шкалам, свободное выражение которых подавлялось. Средние величины различий показывают, что существенно чаще на первое место в качестве наиболее веселого и наименее скучного мультфильм ставится тогда, когда испытуемые должны сдерживать улыбку — проявление естественной реакции на этот стимул.

Мы полагаем, что так происходит потому, что субъективное переживание — это отражение подавленных реакций или готовности к действию

(в смысле Н. Фрейды — см., напр.: Frijda, 1986), характерных для определенной эмоции. В данном исследовании такой подавленной естественной реакцией на забавный мультфильм выступала улыбка. Каждый мультфильм вызывал улыбку у испытуемых, располагал к ней, был создан для того, чтобы зрители, по крайней мере, улыбнулись или даже рассмеялись. И хотя испытуемые высоко оценили не только веселость мультфильмов, но также их приятность и интересность, мы не обнаруживаем сдвигов в оценках по этим шкалам под действием инструкций, потому что соответствующие переживаниям удовольствия (шкала «Приятный») и интереса реакции испытуемых не подавлялись, т.е. эти шкалы не были релевантны экспериментальному воздействию. Значимый сдвиг в оценках испытуемыми их впечатления от мультфильма выявился только по той шкале, готовность которой была высока, но характерное для нее поведение подавлялось.

Некоторое исключение представляет собой шкала «Скучный»: хотя испытуемые не получали инструкции сдерживать скуку, результаты по данной шкале прямо противоположны результатам по шкале «Веселый». Несмотря на то что в бланке это были две отдельные шкалы, между которыми располагались другие шкалы (а именно: «Грустный» и «Интересный»), по оценкам испытуемых они объединились как полярности единого континуума. Такое объединение шкалы «Веселый» именно со шкалой «Скучный», а не с непосредственно следующей за ней в бланке ответов шкалой «Грустный» также свидетельствует о том, что

подавление определенной экспрессии привело к усилению именно модальности «Веселый» (с полярным полюсом «Скучный») в оценках испытуемых, как и предполагалось в гипотезе.

Сравнения результатов по балльной оценке при просмотре мультфильмов с разными инструкциями по тем же восьми шкалам дали противоречивую картину. Только данные ранжирования подтверждают гипотезу. Видимо, причина этого в большей подверженности балльной оценки сознательным искажениям по сравнению с ранжированием.

Объяснение происхождения субъективного переживания из подавленных эмоционально релевантных реакций служит альтернативой по-

ниманию субъективного переживания как отражения телесных реакций на эмоциогенный стимул (У. Джеймс, теории обратной связи); как отражения недифференцированного телесного возбуждения, связанного с эмоциональной оценкой стимула (С. Шехтер); как отражения установок людей, связывающих в их представлении оценку ситуации и телесные ощущения, вскрываемые при создании ложной обратной связи (С. Валинс), но не противоречит им. Для того чтобы возникло субъективное переживание, необходима некоторая эмоциональная реакция, подобная тем, что фигурируют в перечисленных подходах, которая будет подавляться.

Литература

Кравченко Ю.Е. Психология эмоций (классические и современные теории и исследования). М.: Форум, 2012.

Frijda N.H. The Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Marshall G.D., Zimbardo P.G. Affective consequences of inadequately explained physiological arousal // Journal of Personality and Social Psychology. 1979. 37. 970–988.

Maslach C. Negative emotional biasing of unexplained arousal // Journal of Personality and Social Psychology. 1979. 37. 953–969.

Meyer W.-U., Schützwohl A., Reisenzein R. Einführung in die Emotionspsychologie. Bern, 2003. Bd. 1.

Schachter S. The interaction of cognitive and physiological determinants of emo-

tional state // L. Berkowitz (ed.). Advances in experimental social psychology. N.Y.: Academic Press, 1964. Vol. 1. P. 49–80.

Stepper S., Strack F. Proprioceptive determinants of emotional and nonemotional feelings // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. 64. 211–220.

Strack F., Martin L.L., Stepper S. Inhibiting and facilitating conditions of the human smile: A non obtrusive test of the facial feedback hypothesis // J. Strelau, H.J. Eysenck (eds). Personality Dimensions and Arousal. N.Y.: Plenum, 1988. P. 269–286.

Valins S. Cognitive effects of false heart-rate feedback // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. 4. 400–408.

Кравченко Юнна Евгеньевна, доцент РГГУ, зам. декана по научной работе факультета психологии РГГУ, кандидат психологических наук

Контакты: asunaro@mail.ru

ТОЧНОСТЬ РАСПОЗНАВАНИЯ ЭМОЦИЙ ПРИ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ И ПРИ ВОСПРИЯТИИ МУЗЫКИ

Д.В. ЛЮСИН

Резюме

Статья посвящена вопросу о том, в какой степени распознавание эмоций является универсальной способностью, не зависящей от типа стимулов. Проведено эмпирическое исследование точности распознавания эмоций при восприятии двух типов стимулов — поведение людей и музыкальные фрагменты. Показатели точности распознавания эмоций в этих двух сферах оказались положительно связаны. Предлагается в дальнейших исследованиях различать два аспекта способности к распознаванию эмоций, один из которых носит более универсальный, а другой — более специфический характер.

Ключевые слова: *распознавание эмоций, эмоциональный интеллект, восприятие музыки.*

Распознавание эмоций других людей — хорошо разработанная область психологии. Детально исследованы разные аспекты распознавания эмоций, такие как выделение признаков, по которым люди судят

об эмоциях, кросс-культурная универсальность и специфичность восприятия эмоций, связь с индивидуальными психологическими особенностями и пр. (Russell et al., 2003; Мацумото, 2003; Экман, 2010).

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г. Статья подготовлена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013 гг.

В последние годы распознавание эмоций часто изучается в рамках исследований эмоционального интеллекта — способности понимать эмоции и управлять ими. Распознавание эмоций рассматривается как одна из основных составляющих частей эмоционального интеллекта. Например, в известной модели П. Сэловея и Дж. Мэйера эта способность является первым компонентом, лежащим в основе всех других способностей, объединяемых ими в понятие эмоционального интеллекта (Mayer et al., 2001).

Однако распознавание эмоций существенно не только при восприятии других людей (т.е. при социальной перцепции), но и при восприятии и переработке информации любого типа. Показано, что люди воспринимают как эмоционально окрашенные стимулы любой модальности и любого уровня сложности: от очень простых и абстрактных визуальных стимулов, таких как геометрические фигуры (Zajonc, 1980), до сложных видов стимуляции, как то картины природы, произведения изобразительного искусства, музыка. Практически любые стимулы, любые виды информации потенциально содержат в себе эмоциональную окраску. Этот эмоциональный аспект не заложен в информации объективно, но потенциально содержится в ней с точки зрения воспринимающего субъекта. Можно предположить, что люди различаются по способности распознавать такую эмоциональную окраску. Здесь возникает вопрос о том, в каком смысле можно говорить о точности распознавания эмоций в разнообразной стимуляции, если они не содержатся в ней объ-

ективно, а «вычитываются» из нее самим человеком. Представляется, что о точности можно говорить применительно не к любым видам стимуляции, а только к тем, в которых она оказывается в определенном смысле заданной независимо от воспринимающего субъекта. Это, например, поведение других людей или произведения искусства, в которых с помощью специфических для того или иного вида искусства средств выразительности кодируются определенные эмоции.

Настоящее исследование посвящено вопросу о том, является ли переработка эмоциональных аспектов информации способностью универсальной, т.е. независимой от типа стимулов (*domain-universal*), или же это способность, специфичная для отдельных типов информации (*domain-specific*). Можно ли ожидать от человека, хорошо понимающего эмоции других людей, что он будет так же хорошо понимать эмоции и при восприятии природы или искусства? Существуют ли люди, особенно хорошо (или особенно плохо) распознающие эмоциональную окраску стимулов любого типа?

Общий замысел эмпирического исследования состоял в том, чтобы измерить у испытуемых точность распознавания эмоций других людей и точность распознавания эмоций в музыке и проанализировать, в какой степени они соотносятся друг с другом. Была выдвинута гипотеза о том, что между точностью распознавания эмоций при восприятии других людей и при восприятии музыки должна наблюдаться положительная связь. Наличие хотя бы умеренной положительной связи между этими

переменными будет свидетельствовать в пользу общей теоретической идеи относительно универсального характера способности к переработке эмоциональных аспектов информации.

Кроме этого, было выдвинуто предположение, что связь между точностью распознавания эмоций при восприятии других людей и при восприятии музыки может опосредоваться некоторыми переменными, отражающими компетентность испытуемого в области восприятия музыки. Это предположение основано на следующих соображениях. Среднестатистический человек обязательно имеет опыт распознавания эмоций других людей и тем самым обладает определенным уровнем компетентности в этой области. Аналогичным опытом в области восприятия музыки обладают не все люди, а только те, кто в наибольшей степени интересуется музыкой или занимается ею, поэтому именно у последних связь между точностью распознавания эмоций в двух рассматриваемых областях должна быть выше.

Отталкиваясь от типологии слушателей, предложенной Теодором Адорно (Адорно, 1999), можно выделить два типа слушателей: экспертный и эмоциональный. Экспертный тип при восприятии музыки больше ориентируется на само музыкальное произведение, его художественное содержание и логику развития, а для эмоционального типа важнее его собственные эмоции, возникающие при прослушивании музыки. При этом было бы неправильно думать, что эмоциональный тип хуже понимает эмоциональную окраску музы-

ки — он просто уделяет больше внимания именно эмоциям, выражаемым в музыке, а не своим эмоциональным реакциям на нее.

Отсюда вытекает вторая гипотеза: связь между точностью распознавания эмоций в музыке и при социальной перцепции будет более тесной для слушателей экспертного типа по сравнению со слушателями эмоционального типа. Иными словами, предполагается, что тип слушательского восприятия будет переменной-модератором, опосредующей связь между рассматриваемыми переменными. При этом трудно предположить, слушатели какого типа будут более точно распознавать эмоции в музыке: слушатели экспертного типа могут иметь преимущество, так как больше сосредотачиваются на музыкальном произведении, но в то же время слушатели эмоционального типа могут оказаться в более выгодном положении, потому что они в целом обращают больше внимания на эмоции.

Измерительные методики

1. Для измерения способности к распознаванию эмоций в области социальной перцепции был использован Видеотест на распознавание эмоций Овсянниковой—Люсина (Люсин, Овсянникова, 2009). Он состоит из семи видеосюжетов, в которых представлены фрагменты поведения людей в различных естественных ситуациях. Испытуемый должен оценить эмоциональное состояние персонажа каждого сюжета, используя 15 униполярных шкал лайкертовского типа. Каждая шкала — это название того или иного эмоционального

состояния. Использовались 6-балльные шкалы с вариантами ответа от 0 (категория не характеризует состояние персонажа в данном сюжете) до 5 баллов (категория максимально точно описывает состояние героя данного сюжета) (рисунок 1).

Показатели точности распознавания эмоций основывались на предварительно проведенной экспертной оценке сюжетов. Экспертами были семь консультирующих психологов с опытом практической работы свыше 10 лет. Эксперты оценивали сюжеты по тому же набору из 15 шкал, что и испытуемые. Были подсчитаны медианы оценок экспертов по каждой

из 15 оцениваемых шкал в каждом из семи сюжетов. В итоге было получено семь эталонов, состоящих из 15 медиан экспертных оценок. Эти средние значения оценок экспертов рассматривались как «правильные» ответы, с которыми сопоставлялись ответы испытуемых. Всестороннее обсуждение методических проблем, возникающих в связи с этим подходом, приводится, например, в статье Р. Робертса с соавт. (Робертс и др., 2004). Степень сходства ответов испытуемых с эталонными оценками экспертов выражалась в показателе P — сумме абсолютных разностей между значениями оценок экспертов

Рисунок 1

Фрагмент бланка ответов Видеотеста на распознавание эмоций со списком шкал

Спокойствие	0 1 2 3 4 5
Удовольствие	0 1 2 3 4 5
Вина	0 1 2 3 4 5
Гнев	0 1 2 3 4 5
Напряжение	0 1 2 3 4 5
Расслабленность	0 1 2 3 4 5
Удивление	0 1 2 3 4 5
Презрение	0 1 2 3 4 5
Стыд	0 1 2 3 4 5
Тревога	0 1 2 3 4 5
Отвращение	0 1 2 3 4 5
Интерес	0 1 2 3 4 5
Недовольство	0 1 2 3 4 5
Возбуждение	0 1 2 3 4 5
Страдание	0 1 2 3 4 5
Радость	0 1 2 3 4 5
Страх	0 1 2 3 4 5

по 15 категориям эмоций и наблюдателя по этим же категориям в каждом сюжете. В предыдущих исследованиях было показано, что показателю Р обладает удовлетворительной согласованностью и ретестовой надежностью (Овсянникова, 2007).

2. Стандартизированной и психометрически выверенной методики для измерения точности распознавания эмоций в музыке в отечественной психологии не существует. Поэтому для данного исследования была разработана специальная методика для оценки эмоциональной окраски музыки (МОЭМ)¹. В связи с тем, что она еще ни разу не упоминалась в публикациях, необходимо дать более подробное ее описание.

Для сопоставимости результатов МОЭМ была максимально приближена к Видеотесту на распознавание эмоций Овсянниковой—Люсина. В качестве стимульного материала было подобрано 10 музыкальных отрывков продолжительностью звучания около минуты. При их отборе соблюдались следующие принципы.

1. Музыкальные отрывки должны быть разных стилей, чтобы хотя бы до некоторой степени нивелировать вкусовые предпочтения испытуемых.

2. Избегалось использование известной музыки, чтобы исключить возможное влияние сложившихся ассоциаций между музыкой и прошлым опытом испытуемого.

3. Музыкальные отрывки должны были быть чисто инструментальными, без слов и вообще без вокала.

4. Подбиралась музыка, неоднозначная по эмоциональной окраске. Предполагалось, что если в музыке представлена одна ярко выраженная эмоция, то это слишком упростит работу испытуемых и сделает слишком низкой вариативность ответов.

Для оценки эмоциональной окраски музыкальных отрывков было подобрано 15 6-балльных шкал лайкертовского типа, представляющих собой названия эмоциональных категорий (рисунок 2). Для получения этих шкал музыкальные отрывки были предъявлены пяти испытуемым, которые после прослушивания каждого отрывка называли характерные для него эмоции.

Для получения ответов, которые можно было бы принять за «правильные», была проведена экспертная оценка музыкальных отрывков. В качестве экспертов выступили пять профессиональных музыкантов, три из них были пианистами — исполнителями классической музыки и/или преподавателями классического фортепиано, а два — специалистами в области сочинения и обработки электронной музыки со стажем работы в этой области более девяти лет. Важно отметить, что между ответами экспертов в области классической и в области электронной музыки не было обнаружено никаких систематических различий. Для каждого отрывка оценивалась согласованность оценок экспертов с помощью α Кронбаха. В МОЭМ были включены только те отрывки, α Кронбаха которых превышала 0.7. Таких музыкальных отрывков оказалось семь, их

² Я благодарю А.Д. Медведеву за участие в разработке стимульного материала и сбор данных.

Шкалы, использованные в МОЭМ для оценки музыкальных отрывков

Грусть	0 1 2 3 4 5
Надежда	0 1 2 3 4 5
Тревога	0 1 2 3 4 5
Радость	0 1 2 3 4 5
Гнев	0 1 2 3 4 5
Спокойствие	0 1 2 3 4 5
Неуверенность	0 1 2 3 4 5
Страх	0 1 2 3 4 5
Любовь	0 1 2 3 4 5
Восторг	0 1 2 3 4 5
Возбуждение	0 1 2 3 4 5
Расслабленность	0 1 2 3 4 5
Удивление	0 1 2 3 4 5
Страдание	0 1 2 3 4 5
Недовольство	0 1 2 3 4 5

названия, порядок предъявления и согласованность оценок экспертов представлены в таблице 1.

Благодаря тому что формат ответов испытуемых в методике МОЭМ и в Видеотесте на распознавание эмоций идентичны, оказывается возможным получить с помощью методики МОЭМ тот же показатель точности P , что и в Видеотесте.

3. Для выявления типов слушательского восприятия был разработан опросник, состоящий из шести утверждений, описывающих различное отношение к музыке. Каждое утверждение имело два варианта ответа, соответствующих экспертному или эмоциональному типу слушателя. Испытуемых просили обвести номер варианта того ответа, который

отражает их мнение. Ниже приводится текст опросника.

I. Во время прослушивания музыки для меня важнее:

1) сама структура музыкального произведения;

2) те эмоции, которые я испытываю.

II. Я внимательно слушаю музыку и всегда стараюсь понять, какие эмоции хотел передать в ней композитор:

1) да;

2) нет.

III. Лучше понимают музыку те слушатели, которые стремятся к постоянному анализу музыкального произведения и эмоций, выражаемых в нем:

1) да;

2) нет.

IV. Если люди плачут, слушая музыку (или как-то по-другому эмоционально реагируют), — это признак того, что они хорошо ее понимают:

- 1) да;
- 2) нет.

V. Мне больше всего нравится та музыка, которая позволяет заново пережить мои собственные эмоции:

- 1) да;
- 2) нет.

VI. При прослушивании музыкального произведения я:

- 1) стремлюсь к его анализу, вычленению составных частей;
- 2) предпочитаю отдаться течению музыки.

Баллы, которые могут получить испытуемые, выражены в биполярной шкале и варьируют в интервале от 0 до 6, где 6 означает крайне выраженный экспертный тип слушателя, а 0 — крайне выраженный эмоциональный тип слушателя.

Испытуемые и процедура

Исследование было проведено на выборке из 46 человек, в которую вошли представители различных профессий и студенты. В выборке было поровну мужчин и женщин в возрасте от 17 до 57 лет, средний возраст составил 23.2 года (стандартное отклонение — 7.6). Испытуемым предъявлялись Видеотест на распознавание эмоций Овсянниковой—Люсина, МОЭМ и опросник на типы слушательского восприятия. Каждый испытуемый работал индивидуально.

Результаты

Для проверки первой гипотезы о положительной связи между точностью распознавания эмоций при восприятии других людей и при восприятии музыки был вычислен коэффициент корреляции Спирмена между показателями точности Видеотеста и МОЭМ. Он оказался

Таблица 1

Музыкальные отрывки, использованные в методике МОЭМ (в порядке их предъявления), и согласованность оценок экспертов

№ п/п	Название музыкального произведения	α Кронбаха оценок экспертов
1	Э. Сати. Гимнопедия № 3 (в оркестровке К. Дебюсси)	0.83
2	Paul Woolford. Surrender	0.79
3	С. Франк. Хорал № 1 ми мажор	0.85
4	Hilight Tribe. Tambakunda	0.72
5	Ф. Мендельсон. Molto allegro vivace из струнного квартета op. 44 № 1	0.87
6	Komytea. Afghanistan	0.71
7	А. Глазунов. Фантастический вальс из сюиты из балета «Раймонда», op. 57	0.80

равен 0.461 ($p = 0.001$), что подтверждает выдвинутую гипотезу.

Коэффициент корреляции Спирмена между МОЭМ и типом слушательского восприятия равен -0.330 ($p = 0.025$), т.е. слушатели эмоционального типа несколько более точны при оценке эмоциональной окраски музыки.

Коэффициент корреляции Спирмена между типом слушательского восприятия и Videotestом не значим, что свидетельствует о дискриминантной валидности разработанного опросника.

Вторая гипотеза, согласно которой связь между точностью распознавания эмоций в музыке и при социальной перцепции будет более тесной для слушателей экспертного типа по сравнению со слушателями эмоционального типа, проверялась двумя способами.

Первый способ. На основе Опросника на типы слушательского восприятия испытуемые были разделены на две группы: слушатели эмоционального типа (баллы опросника меньше медианы или равны ей), которых оказалось 25 человек, и слушатели экспертного типа (баллы опросника больше медианы), которых оказалось 21 человек. Коэффициент корреляции Спирмена между Videotестом и МОЭМ для слушателей эмоционального типа равен 0.229 ($p = 0.271$), а для слушателей экспертного типа -0.600 ($p = 0.004$). Такие результаты соответствуют выдвинутой гипотезе, статистическая значимость различий между этими коэффициентами корреляции $p = 0.07$.

Второй способ. В статистической литературе отмечается, что сравнение коэффициентов корреляции в двух

подвыборках для анализа модерации может оказаться некорректным, так как величина коэффициентов корреляции существенно зависит от дисперсии данных. Поэтому дополнительно был использован иерархический регрессионный анализ, методология которого применительно к анализу модерации описана Р. Бароном и Д. Кенни (Baron, Kenny, 1986). Ее суть применительно к настоящим данным сводится к тому, что на первом шаге в уравнение регрессии вводятся в качестве предикторов центрированные показатели Videotеста и Опросника на типы слушательского восприятия, а на втором шаге вводится их произведение. Модерация считается доказанной, если их произведение имеет значимый коэффициент регрессии. Результаты проведенного иерархического анализа представлены в таблицах 2 и 3.

Из таблицы 3 видно, что коэффициент регрессии произведения Videotеста и Опросника на типы слушательского восприятия статистически незначим ($\beta = -0.070$, $p = 0.674$).

Таким образом, можно констатировать, что вторая гипотеза не нашла достаточного подтверждения с точки зрения получения статистически значимых результатов, однако это может объясняться небольшим объемом выборки. В целом на данном этапе не имеет смысла отказываться от второй гипотезы, так как полученные тенденции в полной мере соответствуют выдвинутым предположениям.

Обсуждение и направления дальнейших исследований

Полученные результаты дают основание предполагать, что способность к

Таблица 2

Результаты иерархического регрессионного анализа: R^2

Модель	R^2	Изменение R^2	F	Значимость F
1. Предикторы: тип слушателя, Видеотест	0.554	0.574	28.985	< 0.001
2. Предикторы: тип слушателя, Видеотест, их произведение	0.546	0.002	0.179	0.674

Таблица 3

Результаты иерархического регрессионного анализа: коэффициенты регрессии

Модель		<i>b</i>	SE	β	<i>t</i>	<i>p</i>
1	Свободный член	62.331	3.675		16.959	< 0.001
	Видеотест	0.702	0.105	0.721	6.685	< 0.001
	Тип слушателя	-2.137	2.742	-0.084	-0.779	0.440
2	Свободный член	61.815	3.906		15.825	< 0.001
	Видеотест	0.756	0.165	0.776	4.575	< 0.001
	Тип слушателя	-2.173	2.770	-0.086	-0.785	0.437
	Их произведение	-0.002	0.057	-0.070	-0.423	0.674

распознаванию эмоций может быть универсальной, т.е. не зависящей от типа эмоционально окрашенной информации. Следовательно, имеет смысл продолжать исследования в выбранном направлении. Результаты проверки второй гипотезы свидетельствуют о том, что опыт работы с определенным типом стимульного материала может играть существенную роль при распознавании эмоциональной окраски. Если это так, то проблема соотношения универсальности и специфичности при распознавании эмоциональной окраски стимулов требует более тонкого подхода. Возможно, в способности к распознаванию эмоциональной окраски

следует выделить два аспекта, один из которых будет связан со степенью компетентности человека в определенной области (включая опыт распознавания эмоций). Второй компонент может быть связан с общей эмоциональной чувствительностью и ориентированностью на эмоциональную сферу, что помогает человеку успешно распознавать эмоциональную окраску любых стимулов. Можно предположить, что первый аспект будет носить более специфический характер, а второй — более универсальный. Различение этих двух аспектов напоминает о выделении кристаллизованного и флюидного типов интеллекта Рэймондом Кеттеллом (Cattell, 1971).

Таким образом, следующим этапом исследования могут быть разработка способов измерения двух аспектов распознавания эмоций, описанных выше, и сопоставление точности распознавания на разных типах стимульного материала (например, звуковые

немузыкальные стимулы, визуальные стимулы разной степени сложности). Анализ данных такого рода будет способствовать дальнейшему прояснению вопроса о степени универсальности или специфичности восприятия эмоциональных аспектов информации.

Литература

Адорно Т.В. Введение в социологию музыки. Двенадцать критических лекций // Избранное: Социология музыки. М.;СПб.: Университетская книга, 1999.

Люсин Д.В., Овсянникова В.В. Феномен сензитивности к эмоциям разной модальности // Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН (12–13 февраля 2009 г.) / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.И. Артемьевой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 123–130.

Мацумото Д. Культура и эмоции // Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003.

Овсянникова В.В. Роль когнитивных факторов в распознавании эмоциональных состояний: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.

Робертс Р.Д., Мэттьюс Дж., Зайднер М., Люсин Д.В. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике // Психология.

Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1, № 4. С. 3–26.

Экман П. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2010.

Baron R.M., Kenny D.A. The moderator-mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic, and statistical considerations // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. 51. 6. 1173–1182.

Cattell R.B. Abilities: their structure, growth and action. Boston: Houghton Mifflin, 1971.

Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R., Sitarenios G. Emotional intelligence as a standard intelligence // Emotion. 2001. 1. 232–242.

Russell J.A., Bachorowski J.-A., Fernandez-Dols J.-M. Facial and vocal expressions of emotion // Annual Review of Psychology. 2003. 54. 329–350.

Zajonc R.B. Feeling and thinking: Preferences need no inferences // American Psychologist. 1980. 35. 2. 151–175.

Люсин Дмитрий Владимирович — старший научный сотрудник Института психологии РАН, ведущий научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований НИУ ВШЭ, кандидат педагогических наук, доцент

Контакты: ooch@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК МАТЕРЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Р.К. МАХМУТОВА

Резюме

Представлены результаты эмпирического исследования особенностей родительских установок матерей с разным уровнем личностной зрелости. Составившие меньшинство мамы с высокой личностной зрелостью отличаются отсутствием авторитарности по отношению к своим детям.

Ключевые слова: *родительские установки, личностная зрелость.*

В современной России дети от 0 до 18 лет составляют пятую часть населения страны. Результаты многочисленных медико-психолого-педагогических исследований сообщают о росте среди них частоты дезадаптационных нарушений, а именно психосоматических расстройств, затяжных реакций на стресс, отклонений поведения с характерологическими и патохарактерологическими реакциями (Баженова и др., 1993; Боулби, 2004; Винярская, 2008; Дьяченко, 2010; Анализ положения..., 2007).

Сегодня есть возможность утверждать, что формирование психических нарушений и личностной патологии во многом зависит от характеристик среды развития и воспитания ребенка. Положение об особой роли

взрослого в развитии ребенка является основополагающим в культурно-историческом подходе. Так, поведение матери, с одной стороны, может рассматриваться как источник развития ребенка — как субъекта познавательной активности, общения, самосознания; с другой стороны, может быть причиной, способствующей социальному и психологическому нездоровью детей, лишаящей их эмоциональной стабильности и безопасности.

В исследованиях последних лет (Н.Н. Авдеева, С.Ю. Мещерякова и др.) анализируются качества матери, необходимые для создания оптимальных условий развития ребенка (отношение к ребенку как субъекту, поддержка его инициативы в общении и

исследовательской активности и др.), а также функции матери (Мещерякова и др., 1996).

Н.Н. Васягиной разработана концепция субъектного становления матери (Васягина, 2011). В качестве критериев субъектности рассматриваются целостность самосознания матери, открытость новому опыту, ценностное отношение к материнству, принятие себя в роли матери, отношение к ребенку как субъекту, воспитательная компетентность, проектирование своего будущего. Н.Н. Васягиной эмпирически зафиксировано преобладание низкого уровня субъектности у современных российских матерей и доказано, что увеличение стажа материнства не приводит к совершенствованию матери как субъекта.

Многие авторы признают «высшим уровнем развития личности» личностную зрелость, но полемизируют о том, что считать критерием зрелости (К.Г. Юнг, А. Маслоу, К. Роджерс, Г. Олпорт, Э. Фромм, А.А. Реан, Б.С. Братусь (Слотина, 2008)).

Из существующих представлений о критериях личностной зрелости особое место принадлежит, на наш взгляд, позиции Ю.З. Гильбуха: во-первых, список аспектов личностной зрелости автора является интегральным и включает большинство критериев, предложенных другими исследователями; во-вторых, он предлагает способ их объективного измерения (Гильбух, 1994).

Ю.З. Гильбух выделил 5 аспектов личностной зрелости.

1. Мотивация достижений — подразумевает общую направленность деятельности индивида на значимые жизненные цели, стремление к мак-

симально полной самореализации, самостоятельность, инициативность, стремление к лидерству.

2. Отношение к своему Я («Я-концепция») — включает такие качества, как уверенность в своих возможностях, адекватная самооценка.

3. Чувство гражданского долга — связано с такими качествами, как патриотизм, интерес к явлениям общественно-политической жизни, чувство профессиональной ответственности, потребность в общении, коллективизм.

4. Жизненная установка — понимание относительности всего сущего, преобладание интеллекта над чувством, эмоциональная уравновешенность, рассудительность.

5. Способность к психологической близости с другим человеком — доброжелательность к людям, эмпатия.

Целью проведенного эмпирического исследования являлось изучение родительских установок матерей младших школьников с разным уровнем личностной зрелости. Для изучения родительских установок была использована методика PARI — Parental Attitude Research Instrument (Е.С. Шефер, Р.К. Белл). PARI является многомерным опросником, позволяющим изучать разные стороны отношения родителей к ребенку и жизни в семье. Опросник стандартизирован на российской выборке Т.В. Нещерет (Карелин, 2007).

Для изучения личностной зрелости был использован тест-опросник личностной зрелости под редакцией Ю.З. Гильбуха (Гильбух, 1994). Методика проста в понимании для испытуемого, может использоваться начиная с юношеского возраста,

стандартизирована. С ее помощью можно характеризовать общий уровень личностной зрелости испытуемого и оценить его зрелость по отдельным аспектам: мотивация достижения, отношение к своему Я, чувство гражданского долга, жизненная установка (преобладание интеллекта над чувством), способность к психологической близости с другим человеком.

Исследование было проведено на матерях младших школьников школ г. Ижевска. Возраст испытуемых 27–41 год. Общее число испытуемых составляет 104 человека.

Результаты исследования. В целом по выборке большая часть исследованных родительских установок находится в среднем диапазоне своей выраженности (см. таблицу 1). Приведенные в таблице 1 данные позволяют

Таблица 1

Выраженность родительских установок опрошенных матерей

Шкалы опросника PARI	Средние значения (в стенах)
Представление ребенку возможности высказаться	3.12
Оберегание ребенка от трудностей	4.94
Ограничение матери ролью хозяйки дома	4.69
Подавление воли ребенка	3.65
«Жертвенность» родителей	4.12
Страх причинить вред ребенку	4.19
Супружеские конфликты	3.92
Строгость родителей	4.17
Раздражительность родителей	4.77
Зависимость ребенка от матери	4.08
Поощрение зависимости ребенка от родителей	5.42
Подавление агрессивности ребенка	4.40
«Мученичество» родителей	5.83
Равенство родителей и ребенка	4.29
Поощрение активности ребенка	3.75
Избегание общения с ребенком	3.69
Невнимательность мужа к жене	2.38
Подавление сексуальности ребенка	3.19
Власть матери	5.10
Навязчивость родителей	4.63
Товарищеские отношения между родителями и детьми	3.58
Ускорение развития ребенка	4.58
Необходимость помощи в воспитании ребенка	4.98

характеризовать опрошенных матерей как ограничивающих возможность ребенка высказать свое мнение о жизни, о семье; и подавляющих сексуальность ребенка.

Одномерный статистический анализ результатов методики PARI позволил установить:

– товарищеские отношения с ребенком свойственны 2 матерям, 40 матерей (39% выборки) характеризуются отсутствием желания видеть в ребенке партнера;

– поощрение активности ребенка свойственно 8 матерям, им хочется, чтобы их дети умели прилагать усилия для достижения цели, не тратили свое время попусту или считали такое потерянным;

– 40 матерей характеризуются нежеланием организовывать досуг своего ребенка;

– 24 матерям (23%) свойственно подавление воли ребенка, такому же числу опрошенных свойственно прислушиваться к желаниям ребенка;

– 86 матерей (83% выборки) не строги в воспитании ребенка;

– 60 матерям (58% выборки) не свойственно опасение обидеть, поранить ребенка;

– на значимое участие мужа в воспитании ребенка указали 32 опрошенные (31% выборки);

– 16 опрошенным матерям (15% выборки) свойственно указывать на доминирующую роль в семье женщины, 30 опрошенных (29% выборки) не считают женщину главной в организации жизни семьи.

Изучение уровня личностной зрелости матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста, позволило установить, что большинству опрошенных (57.7%) в целом

свойствен удовлетворительный уровень личностной зрелости, в частности, такие его показатели, как рассудительность, мотивация достижения, достаточный уровень выраженности чувства гражданского долга. При этом в большинстве случаев не выявляется способности к психологической близости с другим человеком и нет уверенности в собственных способностях и возможностях, отсутствует адекватная самооценка (таблица 2).

Низкий уровень личностной зрелости выявлен у четверти опрошенных женщин (26 чел.). Их характеризуют низкий уровень самооценки и самоотношения, повышенная критичность, непринятие других, невозможность установления психологической близости с другими людьми. Свойственное этой группе опрошенных непринятие своей социальной роли и низкое стремление к достижению результатов может проявляться в нежелании что-либо делать для того, чтобы изменить себя и ситуацию.

Высокий уровень личностной зрелости выявлен у 17% опрошенных. Их характеризует согласованная «Я-концепция», высокие или адекватные самооценка и самоотношение, осознанная регуляция своего поведения. Наличие мотивации к достижению, постановка осознанных целей, задач, соотносимых с тем, что действительно необходимо и значимо для личности, и принятие ответственности за выполнение и результат. Понимание и соотношение своих гражданских прав и обязанностей: соблюдение закона, принятие общественных норм и правил, адекватное их использование. Высокий уровень способности к психологическому принятию

Таблица 2

Количество испытуемых с различным уровнем личностной зрелости

Шкалы опросника личностной зрелости	Количество испытуемых (% соотношение)			
	Неудовл. значения	Удовл. значения	Высокие значения	Весьма высокие значения
Мотивация достижения	18 (17.3%)	34 (32.7%)	46 (44.2%)	6 (5.8%)
Отношение к своему Я	44 (42.3%)	40 (38.5%)	20 (19.2%)	0
Чувство гражданского долга	30 (28.8%)	26 (25%)	20 (19.2%)	28 (26.9%)
Жизненная установка	30 (28.8%)	40 (38.5%)	20 (19.2%)	14 (13.5%)
Способность к психологической близости с другим человеком	52 (50%)	14 (13.5%)	18 (17.3%)	20 (19.2%)
Личностная зрелость (общий бал)	26 (25%)	60 (57.7%)	18 (17.3%)	0

другого человека, его уважение и ценность и выстраивание равноправных, доверительных отношений.

Оценка выраженности отдельных аспектов личностной зрелости в опрошенной выборке позволила установить, что 44.2% испытуемых (46 человек) имеют высокие значения по шкале «Мотивация достижения», что говорит о высокой степени нацеленности на достижение результатов в профессиональной деятельности, социальном положении и, возможно, в воспитательной деятельности. 5.8% испытуемых имеют весьма высокие значения по этой шкале. 17.3% испытуемых имеют низкую мотивацию к достижению. Их можно характеризовать как пассивных, «плывущих по течению» людей. Они могут быть довольны тем, что у них есть, либо, наоборот, не довольны, но при этом не предпринимать ничего для изменения ситуации.

42.3% испытуемых (44 человек) имеют низкое значение по шкале

«Отношение к себе» («Я-концепция»), что свидетельствует о недостаточном, или неполном, или несогласованном представлении испытуемых о себе. Соответственно, это может приводить к принятию себя, критичности к себе и окружающим, в частности к своему ребенку. 19.2% испытуемых имеют высокие значения по этой шкале. Можно говорить, что эти матери знают свои сильные и слабые стороны, принимают их, относятся к себе и к окружающим положительно и достаточно адекватно.

«Чувство гражданского долга» у 19.2% испытуемых имеет высокие значения и у 26.9% весьма высокие. Это говорит о высоком чувстве ответственности, о понимании необходимости соблюдать самой общепринятые нормы и правила, а также требования их выполнения другими людьми, в частности собственными детьми. 28.8% испытуемых (30 человек) не считают нужным соблюдать общепринятые правила в полном

объеме и ориентироваться на чувство гражданского долга.

19.3% испытуемых имеют высокие показатели по шкале «Жизненные установки» и 13.5% весьма высокие. У данных испытуемых отмечается преобладание интеллекта над аффектами, поведение отличается осмысленностью, рациональностью. 28.8%, напротив, имеют низкие показатели по этой шкале, что может указывать на преобладание в жизни испытуемых больше аффективных, неосознаваемых и, соответственно, не регулируемых сознательно реакций, форм поведения.

По шкале «Способность к психологической близости с другим человеком» 50% выборки имеют низкие значения. Это указывает на неспособность принимать, слышать, ценить, уважать другого человека, что является одной из главных причин возникающих сложностей, непонимания, конфликтов в семейной

жизни в целом, в детско-родительских отношениях в частности. 17.3% матерей имеют высокие показатели по этой шкале и 19.2% весьма высокие. Эти испытуемые ценят себя имеющими отношения, которые построены на принятии и уважении другого.

Для определения родительских установок матерей младших школьников с разным уровнем личностной зрелости нами был проведен анализ различий показателей в группах женщин с «высоким уровнем личностной зрелости» (1 группа), «удовлетворительным уровнем личностной зрелости» (2 группа), «неудовлетворительным уровнем личностной зрелости» (3 группа) с использованием Н-критерия Крускала–Уоллиса. Полученные значимые различия представлены в таблице 3.

Данные таблицы позволяют характеризовать матерей с высоким уровнем личностной зрелости в сравнении с двумя другими группами

Таблица 3

Показатели значимых различий воспитательных установок матерей с разной степенью личностной зрелости

Показатели	Значение Н	p	Среднее значение		
			1 группа	2 группа	3 группа
Оберегание ребенка от трудностей	15.750	0.0001	8.7 (ср.)	10.3 (ср.)	15.4 (выс.)
Подавление воли ребенка	16.537	0.0001	11.1 (низ.)	12.0 (ср.)	14.7 (ср.)
Строгость матери	10.906	0.004	7.5 (низ.)	11.0 (ср.)	12.1 (ср.)
Подавление агрессивности ребенка	6.147	0.046	10.5 (низ.)	13.6 (ср.)	13.2 (ср.)
Поощрение активности ребенка	8.777	0.012	17.8 (ср.)	15.7 (ср.)	13.2 (низ.)
Власть матери	17.782	0.0001	8.5 (низ.)	11.2 (ср.)	16.2 (выс.)
Навязчивость родителей	6.501	0.039	13.2 (низ.)	14.8 (ср.)	17.0 (ср.)

позволяющими ребенку получать личный опыт. Они не находятся в постоянной опекающей, спасающей позиции, поддерживают интересы ребенка. Можно предположить, что матери с высоким уровнем личной зрелости своим примером передают активную жизненную позицию, которая благодаря психологической близости и умению принять другого становится активно-созидательной. Матерям этой группы свойственно в меньшей степени подавлять агрессию ребенка, либо потому что этих протестных реакций у их детей меньше, либо по причине их способности понимать и принимать чувства своего ребенка. В отличие от других групп опрошенных, матери с высоким уровнем в большей степени ориентированы на поощрение активности ребенка — игровой, познавательной, социальной, чем создают благоприятные условия для развития ребенка и становления его субъектности.

Матерей с удовлетворительным уровнем личностной зрелости характеризует предоставляемая ими детям возможность быть активными, самостоятельными в решении ряда затруднительных ситуаций, но их родительская строгость, власть и навязчивость проявляются в свойственном им подавлении воли и агрессивности ребенка.

Матерей, имеющих низкий уровень личностной зрелости, относительно двух других групп, отличает отсутствие попыток увлечь ребенка какой-либо деятельностью, ограждение детей от забот, трудностей, нежелание делить с кем-либо ведение домашнего хозяйства. Проявляя гиперопеку и чрезмерную ответствен-

ность за жизнь ребенка, такие матери «жертвуют» собой ради счастья своего ребенка, а возможно и используют этот факт для манипулирования и упрёка, для ощущения собственной важности. Опрошенные матери с низким уровнем личностной зрелости по отношению к своим детям властны — им свойственно ограничивать активность ребенка, предупреждать появление затруднительных для ребенка ситуаций, что в целом неблагоприятно сказывается на их личностном развитии.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

- преобладающее большинство опрошенных матерей в отношении к ребенку характеризуются отсутствием поощрения и товарищества в общении с ребенком;

- большинство испытуемых показали удовлетворительный уровень личностной зрелости, наиболее часто встречаются высокие значения по шкале «Мотивация достижений», больше всего низких значений по шкале «Способность к психологической близости с другим человеком»;

- родительские установки матерей с высоким уровнем личностной зрелости характеризуются поощрением активности ребенка, позволением ему получать собственный опыт;

- родительские установки матерей с удовлетворительным уровнем личностной зрелости отличаются большим стремлением подавлять агрессию в ребенке;

- родительские установки матерей с неудовлетворительным уровнем личностной зрелости характеризуются гиперопекой, подавлением воли ребенка, стремлением оберегать

от трудностей, представлениями о жертвенности матери.

Таким образом, в проведенном эмпирическом исследовании характеристик, позволяющей создать лучшие условия для развития личности младшего школьника — отношение к ребенку как субъекту, поддержка его инициативы в общении и

исследовательской активности, — была рассмотрена личностная зрелость матерей. Следовательно, разработка и реализация психолого-педагогических программ развития личностной зрелости женщин могут стать действенным направлением работы современных научных и образовательных учреждений.

Литература

Анализ положения детей в Российской Федерации. ЮНИСЕФ, 2007.

Баженова О.В., Баз Л.Л., Котыл О.А. Готовность к материнству: выделение факторов, условий психологического риска для будущего развития ребенка // Синапс. 1993. № 4. С. 35–42.

Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004.

Васягина Н.Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Екатеринбург, 2011.

Винярская И.В. Качество жизни детей как критерий оценки состояния здоровья и эффективности медицинских технологий: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2008.

Гильбух Ю.З. Диагностика личностной зрелости. К.: Научно-практический центр «Психодиагностика и дифференцированное обучение», 1994.

Карелин А.А. Большая энциклопедия психологических тестов. М.: Эксмо, 2007.

Мещерякова С.Ю., Авдеева Н.Н., Ганюшенко Н.И. Изучение психологической готовности к материнству как фактора развития последующих взаимоотношений ребенка и матери // Соросовские лауреаты: Философия. Психология. Социология. М.: Владос, 1996.

Руководство по социальной педиатрии / Сост. В.Г. Дьяченко, М.Ф. Рзянкина, Л.В. Солохина. Хабаровск: Изд-во ДВГМУ, 2010.

Слотина Т.В. Психология личности. СПб.: Питер, 2008.

Махмутова Роза Кашифовна, доцент Удмуртского государственного университета (г. Ижевск), кандидат психологических наук

Контакты: marokach@mail.ru

Обзоры и рецензии

СИНЕСТЕЗИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В РАМКАХ ТЕОРИИ О СПОСОБНОСТЯХ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.В. СИДОРОВ-ДОРСО

Резюме

*В настоящей статье приводится краткий анализ результатов исследований связи синестезии естественного развития (*developmental synaesthesia*) с особенностями познавательных процессов и творческими способностями. На основании современных открытий предлагается уточнить психологический статус рассматриваемого феномена.*

Ключевые слова: *синестезия, способности, психологический статус.*

В отечественной психологии феномен синестезии известен по лонгитудному исследованию синестета-мнемониста Ш., проведенному А.Р. Лурией (Лурия, 1968). Свой вклад в понимание синестезии внесли С.В. Кравков (Кравков, 1948), Б.Г. Ананьев (Ананьев, 1960), Р.Г. Натадзе (Натадзе, 1979) и др. Интерес к синестезии проявляли А.Н. Леонтьев (Леонтьев, 1931), Н.А. Бернштейн, исследовавший синестета-колоколита К.К. Сараджева (цит. по: Цветаева, 1977), А.Ф. Лазурский и С.Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 2000).

А.Р. Лурия определял синестезию как возникновение ощущения определенной модальности под воздействием раздражителя совершенно другой модальности (Лурия, 2006). С.В. Кравков характеризовал данный феномен как «явления возникновения в ответ на раздражение вторичных ощущений и представлений другого качества» (Кравков, 1948, с. 59), обладающих постоянством и произвольностью, феноменологическим разнообразием и вероятным наследственным происхождением. С.В. Кравков подчеркивал, что «все

подобного рода явления отнюдь не порождаются фантазией отдельных лиц и не служат показателем какой-либо их психопатичности» (Там же, с. 63).

Обобщая результаты исследований, Р.Г. Натадзе отделил ассоциативные межчувственные связи, возникающие в процессе познания, и координацию органов чувств, проявляющуюся в виде изменения порогов ощущений, от синестезии непроизвольного характера (специфической синестезии — термин Р.Г. Натадзе), таким образом, характеризуя последнюю как эффект физиологической природы, кардинально отличающийся от других видов сенсорного взаимодействия, включая экспрессивно обусловленную интермодальную общность ощущений (Натадзе, 1979).

За рубежом синестезия естественного развития (под которой понимают исключительно врожденное явление, определение которому мы привели выше и которое для краткости в данной работе мы будем называть просто синестезия) является объектом изучения на пересечении психологии, когнитивных и нейронаук. Общепринято определять синестезию как ощущение, возникающее при стимуляции одной сенсорной модальности, которая вызывает ощущение, характерное для другой сенсорной модальности, при отсутствии влияния на последнюю (см., например: Baron-Cohen, Harrison, 1996; Cytowic, 2002; Рамачандран, Хаббард, 2003). По мнению многих ученых, исследования синестезии способствуют научному пониманию отдельных познавательных процессов (Cohen Kadosh, Henik, 2007) и их

нейрофизиологических и психогенетических механизмов (Brang, Ramachandran, 2011).

До настоящего момента синестезия освещалась преимущественно в контексте атипичного развития сенсорных систем (Кравков, 1948; Лурия, 1968; Hubbard, Ramachandran, 2005; и др.) без анализа ее возможной практической функции в общем процессе освоения опыта. В данной статье мы сопоставим экспериментальные данные, полученные коллективами зарубежных ученых, с целью указать на особенности познавательных процессов и творческой деятельности, выявленных у синестетов. Тем самым мы выдвинем основания для уточнения психологического статуса синестезии.

Практически все данные о синестезии получены с опорой на психофизические методы и техники нейровизуализации (см., например: Hubbard, Ramachandran, 2005; Synesthesia..., 2005). Аппаратурные материалы о необычной активности мозга синестетов в ответ на характерные раздражители: метаболическая активация зон V4/V8 (зрительных участков в затылочных долях) (Nunn et al., 2002) и ТРО (зоны перекрытия височной, теменной и затылочной областей, отвечающей за кросс-модальную интеграцию) при графемно-цветовой синестезии (Рамачандран, Хаббард, 2003), а также индивидуальные проявления эффекта Струпа, заключающиеся в отложенной реакции на стимулы, чей физический цвет намеренно подобран как не соответствующий синестетическому цвету, вызываемому данным стимулом (см., например: Dixon et al., 2006), и тесты на точность

и постоянство реакций (см.: Synesthesia..., 2005) — с убедительностью выводят синестезию из ряда феноменов памяти, гипервоображения и других акцентуированных качеств.

Представленность людей, обладающих такой особенностью, по популяции оценивается в среднем в 4.4% (Simner et al., 2006). Существует около 70 разновидностей синестезии с разными содержательными характеристиками стимулов и различными сенсорными качествами реакций. Для названий видов принята формула «стимул-реакция». Так, восприятие графических букв «в цвете» называют графемно-цветовой синестезией. В подавляющем большинстве случаев развитие синестезии относят к самому раннему периоду жизни, и память об этом не фиксируется (Лурия, 1968; Cytowic, 2002; Marks, 1978). Тем не менее синестетические реакции адекватно оцениваются субъектом как порождение собственного сознания (Лурия, 1968; Cytowic, 2002; и др.).

Исследования сенсорных особенностей лиц с синестезией указывают на большую степень чувствительности той модальности, которой принадлежат синестетические реакции. Кроме того, при графемно-цветовой синестезии обнаруживается более эффективная функциональная связь слуха и зрения (Brang et al., 2012), а цветовая синестезия на цифры коррелирует с повышенной чувствительностью к оттенкам (Banissy et al., 2009). М. Саенз и К. Кох установили у синестетов большую по сравнению с контрольной группой чувствительность к ритму визуальных стимулов (Saenz, Koch, 2008). Эксперименты с вызванными потенциалами зафик-

сировали раннюю сенсорную активацию в ответ на простой цветовой стимул (Barnett, Newell, 2008). Варьированием параметров магнитной стимуляции (TMS) у синестетов выявлена повышенная проводимость первичной зрительной коры (порог возникновения фосфенных эффектов, т.е. зрительных ощущений от магнитной стимуляции зрительных зон без непосредственного воздействия света на сетчатку, в три раза ниже, чем у контрольной группы). Исследователями выдвинуто предположение, что повышенное возбуждение исследуемых участков, возможно, является источником «шума», усиливающим нейронную активность, что может вести к возникновению осознаваемых синестетических фотизмов (сенсорных реакций, характерных для каждого конкретного случая) (Terhune et al., 2011). Общие выводы из данных экспериментов, однако, не разрешили вопрос о том, является ли обнаруживаемая сензитивность изначально присущей соответствующим участкам мозга или она представляет собой приобретаемое качество из-за особого внимания синестетов к цветовым оттенкам (Brang, Ramachandran, 2011).

Вопрос о зависимости провоцирования синестезии от динамики внимания (осознания) впервые экспериментально поставили В. Рамачандран и Э. Хаббард (Рамачандран, Хаббард 2003). На примере графемно-цветовой синестезии ими получен парадоксальный результат возможности опознания графемы-стимула на периферии зрительного поля при ближайшем расположении к ним изображений-дистракторов (краудинг-эффект) исключительно

на основе синестетически вызываемого цвета, без различения самой графемы. Также обнаружено, что синестетические цвета ведут к эффекту неожиданного выделения (pop-out), что, по мнению ученых, характеризует синестезию как сенсорное явление (Там же). В дальнейшем эти данные были подвергнуты уточнению. В частности, было продемонстрировано, что: 1) при отсутствии внимания к стимулу центральной областью зрения (фовиальной зоной) синестезия не возникает (Laeng et al., 2004); 2) синестезия ослабляется при высокой концентрации на стимуле, т.е. в заданиях с большим требованием к вниманию (Mattingley et al., 2006); 3) избирательность внимания при синестезии может быть сопряжена с ранней перцептивной группировкой (Mattingley, 2009).

В отношении особенностей памяти синестетов в зарубежной психологии проведен широкий спектр экспериментов, которые, в частности, продемонстрировали связь обсуждаемого нами феномена с более эффективным запоминанием. Так, в отличие от контрольной группы из 7 человек, испытуемый, обладающий цветовой синестезией на цифры, показал лучшее запоминание набора чисел из таблиц с конгруэнтными для его синестезии цветами по сравнению с неконгруэнтными как при непосредственном, так и отложенном (48 часов) припоминании (Smilek et al., 2002). В экспериментах с большим числом участников и более сложными парадигмами лица с графемно-цветовой синестезией демонстрировали высокие способности памяти на вербальный материал (Mills et al.,

2006) и цветовые оттенки (Yago, Ward, 2007). Также обнаружено, что другие виды синестезии связаны с лучшей памятью на календарные даты, числовые выражения и прочие аспекты, касающиеся содержания синестетического стимула (Cytowic, 2002; Simner et al., 2009).

По тесту Х. Ресторфф (von Restorff-effect test) 10 испытуемых с графемно-цветовой разновидностью продемонстрировали менее выраженный эффект цветовой и семантической изоляции и относительно слабый эффект «ложной памяти» (парадигма Deese–Roediger–McDermott). По выводам ученых, при запоминании синестеты больше ориентируются на дискретные детали и внешние характеристики материала и в меньшей степени (относительно контрольной группы) полагаются на реляционные и смыслообразующие связи (Radvansky et al., 2011). Таким образом, совершенство памяти действительно связано с синестетическими особенностями восприятия, но в каждом случае ограничено областью, относящейся к имеющемуся виду синестезии. Нет однозначного ответа, представляет ли синестезия непосредственное основание для высоких мнемонических способностей или же служит для механизмов памяти «феноменологической подсказкой». Также не выяснено, как именно она проявляет себя в отдельных процессах памяти: запоминания, хранения и воспроизведения — и как связаны отдельные процессы памяти со значимостью предъявляемых стимулов.

В отношении аспекта значения в синестезии результаты струп-теста с неоднозначными, физически иден-

тичными стимулами, помещенными в разные контексты («МУЗЫКА» и «12345»), привели к заключению о зависимости динамики и качества провоцируемого сенсорного переживания от семантического смысла синестетических стимулов (для графемно-цветовой синестезии) (Dixon et al., 2006). Также коллективом Д. Николича был проведен эксперимент по контролируемому переносу реакций, вызываемых знакомой буквой («а»), на произвольную графему («П») путем письменных упражнений, в которых бессмысленный до этого символ замещал известный. По самоотчетам и результатам струп-теста новый стимул за 10 минут обретал свойство вызывать синестетическую реакцию. Таким образом, подтвердилась зависимость порождения синестетической реакции от значения стимула (Mroczko et al., 2009).

Существуют данные о связи синестезии с ранней обучаемостью говорению и чтению, феноменальным эйдетическим восприятием, образной памятью (Barnett, Newell, 2008; Brang, Ramachandran, 2011; Price, 2009), высокими способностями к орфографии (Linn et al., 2008) и музыкальностью (Douglas, 2011). Межчувственные образы в языке, сенсорные средства в искусстве и распространенность синестезии среди художников и музыкантов ставят этот феномен в один ряд с творческими способностями (Cytowic, Eagleman, 2009; Mulvenna, Walsh, 2005). В частности, опрос 194 синестетов показал, что 24% из них являются представителями творческих профессий и что большая часть опрошенных занимается искусством в виде досуга (Rich et al., 2005). Кроме

того, исследования среди студентов художественных вузов выявили непропорционально высокий процент синестетов по сравнению с предполагаемым числом лиц, обладающих синестезией в целом по популяции (7% против 4.4%; Rothen, Meier, 2010).

Однако тесты на аспекты творческого мышления показали, что склонность синестетов к творчеству может быть связана с механизмами синестезии лишь косвенно. Так, в тесте на Альтернативное использование предметов (АИП Дж. Гилфорда) 82 испытуемых-синестета и 119 контрольных участника получили сходные баллы, а Тест на отдаленные ассоциации (ТОА С. Медника) выявил у синестетов лишь незначительно более высокие результаты. При этом полученные баллы возрастают прямо пропорционально количеству имеющихся у испытуемого видов синестезии. Исследователи предполагают, что мотивация к самовыражению у синестетов в большей степени может подсказываться необычностью переживаний, но это не означает, что синестетические ассоциации гибко используются в дивергентном мышлении (Ward et al., 2008).

Преимущества синестетических свойств восприятия на материале новых знаний были предметом эксперимента, который заключался в обучении категоризации и переносу категорий по обнаруженному правилу на новые стимулы (rule-based category learning). Объектом категоризации служили цвета букв — хроматических (напечатанных на тестовых карточках цветной краской) для контрольной группы и ахроматических

(бесцветных) для синестетов. В последнем случае буквы были подобраны индивидуально под «синестетические» цвета каждого испытуемого. Результаты испытуемых-синестетов и контрольной группы оказались практически идентичными по эффективности. Таким образом, синестетические ощущения при определенных условиях предоставляют преимущества в использовании и переносе классификаций по правилу и могут применяться в обучающих ситуациях (Watson et al., 2012).

В итоге сопоставление фактов выявляет несколько дифференциальных свойств познавательной сферы лиц, обладающих синестезией. 1. Избирательность нетипичных сенсорных реакций на стимулы с особым семантическим содержанием. 2. Более интенсивное переживание в перцептивной сфере. 3. Избирательная фасилитация механизмов памяти. 4. Возможность переноса синестетических реакций на новые стимулы и расширения парадигмы стимулов. 5. Возможность использования синестетических реакций при переносе категоризации на материале новых знаний. 6. Склонность к самовыражению субъективного опыта, поиск соответствующих художественных средств.

Современные исследования подтверждают, что интерпретация синестезии исключительно как «кросс-модального переноса» неточно описывает его психологическую природу (см., напр.: Simner, 2012). В первую очередь потому, что в основе индивидуальных особенностей синестетических реакций лежит их систематическая избирательность (например, только «на музыку», а не на все

звуки). Это указывает на то, что синестезия связана с «первичной категоризацией» — предсознательным группированием явлений, формирование которого зависит от научения, личного опыта, установок смыслоразличения и т.п. Эти механизмы вряд ли могут быть определены исключительно нейробиологическими факторами, но, скорее всего, представляют особую форму отчасти приобретенной сенсбилизации к определенным родовым явлениям, классам.

На наш взгляд, недостаточное понимание синестезии в рамках психологической науки связано с отсутствием личностной и онтогенетической перспективы. Неразрешенность психологического статуса синестезии проявляется в противоречивых взглядах, согласно которым она эмпирически определяется как явление узкой, сенсорно-перцептивной сферы, а в общетеоретическом ракурсе — как основа видоспецифических творческих способностей человека: чувственной метафоричности, образного восприятия, поэтического мышления и т.д. (Рамачандран, Хаббард, 2003; Cytowic, 2002; Marks, 1978; и др.). Парадоксальным является и то, что синестезия, в отличие, например, от абсолютного слуха, математических или моторно-кинестетических способностей, как проявление системного свойства с практическим познавательным, личностным и творческим значением с общепсихологических позиций не проблематизируется.

В этой связи нам видится продуктивным уточнение психологического статуса синестезии естественного развития с рассмотрением ее сущности в

свете теорий о задатках и способностях. Также рационально было бы поставить вопрос о применении наряду с изучением частных сенсорных механизмов комплексных методов,

которые включали бы исследования индивидуальной динамики формирования свойств и механизмов познавательной сферы лиц с синестезией естественного развития.

Литература

Ананьев Б.Г. Психология чувственного познания. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.

Кравков С.В. Взаимодействие органов чувств. М.: Изд-во АН СССР, 1948.

Леонтьев А.Н. Развитие памяти. М; Л.: Учпедгиз, 1931.

Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти. М.: Изд-во МГУ, 1968.

Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006.

Натадзе Р.Г. К вопросу о психологической природе интермодальной общности ощущений // Вопросы психологии. 1979. № 6. С. 49–57.

Рамачандран В., Хаббард Э. Звучащие краски и вкусные прикосновения // В мире науки. 2003. № 8. С. 47–53.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Изд-во «Питер», 2000.

Цветаева А.И. Сказ о звонаре московском // Москва (журнал). 1977. № 7. С. 129–171.

Banissy M.J., Walsh V., Ward J. Enhanced sensory perception in synaesthesia // Experimental Brain Research. 2009. 195. 565–571.

Barnett K.J., Newell F.N. Synaesthesia is associated with enhanced, self-rated visual imagery // Consciousness and Cognition. 2008. 17. 1032–1039.

Baron-Cohen S., Harrison J.E. Synaesthesia: Classic and contemporary readings. Oxford, 1996.

Brang D., Ramachandran V.S. Survival of the synesthesia gene: Why do people hear colors and taste words // PLoS Biology. 2011. 9. 11.

Brang D., Williams L.E., Ramachandran V.S. Grapheme-color synesthetes show enhanced cross-modal processing between auditory and visual modalities // Cortex. 2012. 48. 5. 630–637.

Cohen Kadosh R., Henik A. Can synaesthesia research inform cognitive science? // Trends in Cognitive Sciences. 2007. 11. 177–184.

Cytowic R.E. Synesthesia: A Union of the senses. Cambridge, MA: MIT Press, 2002.

Cytowic R., Eagleman D. Wednesday is indigo blue. Cambridge; London: MIT Press, 2009.

Dixon M.J., Smilek D., Duffy P.L., Zanna M.P., Merikle P.M. The role of meaning in grapheme-colour synaesthesia // Cortex. 2006. 42. 2. 243–252.

Douglas E. Finely tuned minds: The secret of perfect pitch // New Scientist. 2011. March 2. 2801. 46–49.

Hubbard E.M., Ramachandran V.S. Neurocognitive mechanisms of synesthesia // Neuron. 2005. 48. 3. 509–520.

Laeng B., Svardal F., Oelmann H. Does color synesthesia pose a paradox for early selection theories of attention? // Psychological Science. 2004. 15. 277–281.

Linn A., Hancock P., Simner J., Akeroyd M. Cognitive advantages in tickertape synaesthesia // 4th Annual Meeting of the UK Synaesthesia Association, Edinburgh, March 2008.

Marks L.E. The Unity of the senses. Interrelations among the modalities. N.Y.; San Francisco; L.: Academic Press, 1978.

Mattingley J.B. Attention, automaticity and awareness in synesthesia. // Year in Cognitive Neuroscience 2009. 1156. 141–167.

Mattingley J.B., Payne J.M., Rich A.N. Attentional load attenuates synaesthetic priming effects in grapheme-colour synaesthesia // Cortex. 2006. 42. 213–221.

Mills C.B., Innis J., Westendorf T., Owsianiecki L., McDonald A. Effect of a synesthete's photisms on name recall // Cortex. 2006. 42. 155–163.

Mroczko A., Metzinger T., Singer W., Nikoli D. Immediate transfer of synesthesia to a novel inducer. // Journal of Vision. 2009. 9. 2521–2528.

Mulvenna C., Walsh V. Synaesthesia // Current Biology. 2005. 15. R399–R400.

Nunn J.A., Gregory L.J., Brammer M. et al. Functional magnetic resonance imaging of synesthesia: Activation of V4/V8 by spoken words // Nature Neuroscience. 2002. 5. 371–375.

Price M.C. Spatial forms and mental imagery // Cortex, 2009. 45. 1229–1245.

Radvansky G.A., Gibson B.S., McNerney M.W. Synesthesia and memory: Color congruency, von Restorff and false memory effects // Journal of Experimental Psychology, Learning, Memory, and Cognition. 2011. 37. 219–229.

Rich A.N., Bradshaw J.L., Mattingley J.B. A systematic, large-scale study of synaesthesia: implications for the role of early experience in lexical-colour associations // Cognition. 2005. 98. 1. 53–84.

Rothen N., Meier B. Higher prevalence of synaesthesia in art students // Perception. 2010. 39. 718–720.

Saenz M., Koch C. The sound of change: visually-induced auditory synesthesia // Current Biology. 2008. 18. 650–651.

Simner J. Defining synaesthesia // British Journal of Psychology. 2012. 103. 1–15.

Simner J., Mayo N., Spiller M.J. A foundation for savantism? Visuo-spatial synaesthetes present with cognitive benefits // Cortex. 2009. 45. 10. 1246–1260.

Simner J., Sagiv N., Mulvenna C., Tsakanikos E., Witherby S.A., Fraser C., Scott K., Ward J. Synaesthesia: the prevalence of atypical cross-modal experiences // Perception. 2006. 35. 8. 1024–1233.

Smilek D., Dixon M., Cudahy C., Merikle P.M. Synesthetic color experiences influence memory // Psychological Science. 2002. 13. 6. 548–552.

Synaesthesia: Perspectives from cognitive neuroscience / L.C. Robertson, N. Sagiv (eds). Oxford University Press, 2005.

Terhune D.B., Tai S., Cowey A., Popescu T., Cohen Kadosh R. Enhanced cortical excitability in grapheme-color synesthesia and its modulation // Current Biology. 2011. 21. 2006–2009.

Ward J., Thompson-Lake D., Ely R., Kaminski F. Synaesthesia, creativity and art: What is the link? // British Journal of Psychology. 2008. 99. 127–141.

Watson M.R., Akins A.K., Enns J.T. Second-order mappings in grapheme-color synesthesia // Psychonomics Bulletin and Review. 2012. 19(2). 211–217.

Yaro C., Ward J. Searching for Shereshevskii: What is superior about the memory of synaesthetes? // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2007. 60. 5. 681–695.

Сидоров-Дорсо Антон Викторович, Московский педагогический госуниверситет, аспирант

Контакты: anton_sidoroff@mail.ru

SUMMARY OF THE ISSUE

Special Theme of the Issue.
Psychology of Reflection (to the 75th Anniversary of Vladimir A. Lefebvre)

I.N. Semyonov Theoretical Problems of Etymology and Typology of Reflection in Psychology and Related Sciences

The methodological problems of etymological analysis of reflection are outlined and discussed. Reflection is an important higher mental function that has not received enough research attention. The history of penetration of this Latin term into Russian humanities (literature, philosophy) is reconstructed, and a periodization of the development of meaning of the «reflection» notion in Russian psychology is proposed. Etymological analysis of reflection is seen as a methodological means that enables to construct ontological notions of the corresponding mental reality. This analysis provides philosophical basis for the development of theoretical models of the structure of reflection. A psychologically differentiated typology of reflection is proposed, providing an encyclopedic interdisciplinary summary of the contemporary meanings associated with the notion of «reflection» in philosophy and sciences. This work provides a conceptual and methodological basis for the development of a theory of reflection.

Keywords: reflection, thinking, notion, personality, philosophy, human science, psychology, methodology, etymology, typology, cultural studies, Russian language, Russian culture, literature, creativity.

V.G. Anikina. A Cultural-Dialogical Approach in Psychological Study of Reflection: Philosophical and Methodological Basis

Analysis of different philosophical traditions (transcendental, Marxist, and

existential hermeneutic philosophy) lays the foundations for a new approach to reflection. Contemporary methodological approaches to the study of reflection are summarized in a set of principles. A new theoretical model of reflection is developed (a network functional model). Using the philosophical and methodological ideas presented in the paper, the author proposes a new understanding of reflection within cultural-historic and dialogical approach.

Keywords: transcendental, existential hermeneutic, Marxist philosophical reflective traditions, reflection, cultural historical, dialogical approach in psychology.

A.V. Repetskaya, Yu.A. Repetsky. Reflective Personality Self-Determination as Preparation for Self-Realization

The authors propose an original approach to the understanding of personality self-determination based on the notions of reflection and meaning. The product of this process is called «readiness for self-realization» and is understood as a motivational (attitudinal) unit with a complex structure. An empirical verification of the notion of readiness for self-realization is proposed, based on the constructs of self-attitude, self-actualization, and personality meaning orientations.

Keywords: personality self-determination, readiness for self-realization, self-attitude, self-actualization, personality meaning orientations.

G.I. Davydova. Reflective Psychological Technologies in the Development of Professional Cultural Identity of Tourism Managers

The formal approach to the translation of scientific knowledge to students

of higher educational institutions leads to an impression of science as an insular, isolated domain separated from the wider cultural context. At the same time, a function of scientific worldview is objectification of the knowledge associated with its understanding and integration into the cultural context. However, any knowledge, even extremely pure and formalized, is presented in the form of words, and a teacher becomes a cultural mediator, providing students with a way out of the insular construction of science. Cultural mediators involved in the process of learning science at higher educational institutions allow students, who may be situated, as learners, within different types of scientific discourse, to find common points and develop communication through metaphors.

Keywords: professional cultural identity, creative character of personality, cultural mediators, psychological support, unified learner, self-image, self-concept.

Personology

A.E. Voiskunsky, A.S. Evdokimenko, N.Yu. Fedunina. Online and Real-Life Identity: A Comparative Study

A comparative analysis of online and real-life identity in active social network users (N=42) was conducted by the authors using Aspects of Identity Questionnaire (AIQ) by J. Cheek and in-depth interview. The hypotheses concerned differences in parameters of online and real-life identity, and associations of self-presentation with demographics. Gender and age were associated with identity scores (more specifically, with social identity online and in real life, and with superficial identity online), as well as with differences in online and real-life identity scores (for personal and relational identity).

Keywords: identity, Internet, social network, online identity, self-presentation, alternate identity.

Psychodiagnostics

S.S. Kurginyan. Testing the Selves Questionnaire

The article aims to test the psychometric properties of the Selves Questionnaire in a Russian sample. The development of a new technique is associated with the study of personality's representations in analyzing the self. The questionnaire allows to assess the discrepancy between different aspects of self-concept, particularly between actual self and/or ideal self, or ought self (the respondent takes two positions, him/herself, and significant other). The results of a test-retest procedure provided evidence of satisfactory psychometric characteristics of the technique. Problematic aspects of the technique are identified for further adaptation and validation work.

Keywords: selves questionnaire, self, self-concept, self-discrepancy, domains of self, personality standpoints on the self.

Positive psychology

R.S. Titov. Religiosity Internalization and Assessment within Self-Determination Theory

The paper discusses the concepts of autonomous (deeply internalized) and controlled (only superficially internalized) motivation introduced within the framework of self-determination theory and their application to religious behaviour. Existing studies suggest that the same activity can have different consequences for psychological well-being depending on the way it is motivated. Studies of the phenomena of literal

approach and symbolic approach to faith, as well as religious extremism, are reviewed. A Russian-language questionnaire «IntRel» measuring autonomous and controlled motivation in the domain of religion was developed and empirically validated.

Keywords: self-determination theory, religiosity, autonomy, control, motivation.

Work in Progress

Yu. E. Kravchenko. Determinants of Intensity and Quality of Subjective Experience of Fun

A short overview is given of existing explanations of the determinants of subjective experience of emotions belonging to different modalities. An alternative explanation is suggested, linking the emergence and intensification of emotional experience with active suppression of motor activity and spontaneous reactions to emotional stimuli. An empirical study was conducted to test the validity of this explanation. Reactions of subjects who viewed a funny cartoon were compared in three conditions: free emotional expression, suppressed emotional expression, and substitution of spontaneous expression (smile) with artificial expression (clapping). The results support the hypotheses.

Keywords: subjective quality of experience, emotional modality, smiling, fun, joy.

D.V. Lyusin. Accuracy of Emotion Recognition within Social Perception and Perception of Music

The question of existence of universal emotional perception ability indepen-

dent of stimulus type is investigated. In an empirical study emotion recognition accuracy associated with two types of stimuli, human behavior and musical excerpts, was measured. The indices of emotion recognition accuracy in these two spheres were positively associated. The results suggest that two aspects of emotion recognition ability, a universal and a more specific, can be differentiated in future research.

Keywords: emotion recognition, emotional intelligence, perception of music.

R.K. Makhmutova. Parental Attitudes in Mothers with Different Level of Personality Maturity

Results of an empirical study of parental attitudes in mothers with different level of personality maturity are presented. A minority of mothers had high personality maturity. These mothers had no authoritarian attitudes to their children.

Keywords: parental attitudes, personality maturity.

Reviews

A.V. Sidorov-Dorso. Developmental Synaesthesia within Ability Theory: A Review of Contemporary Research

The paper presents a brief analysis of the results of studies linking developmental synaesthesia to individual differences in cognitive processes and creative abilities. Based on the new results, the author suggests the necessity to clarify the psychological status of the phenomenon of developmental synaesthesia.

Keywords: synaesthesia, abilities, psychological status.

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-52557 от 25 января 2013 года зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя

Фактический: 115230 Москва, Варшавское ш., д. 44а, оф. 405а,

Издательский дом НИУ ВШЭ

Почтовый: 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Тел. (499) 611-15-08, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 350 экз. Печ. л. 11.5